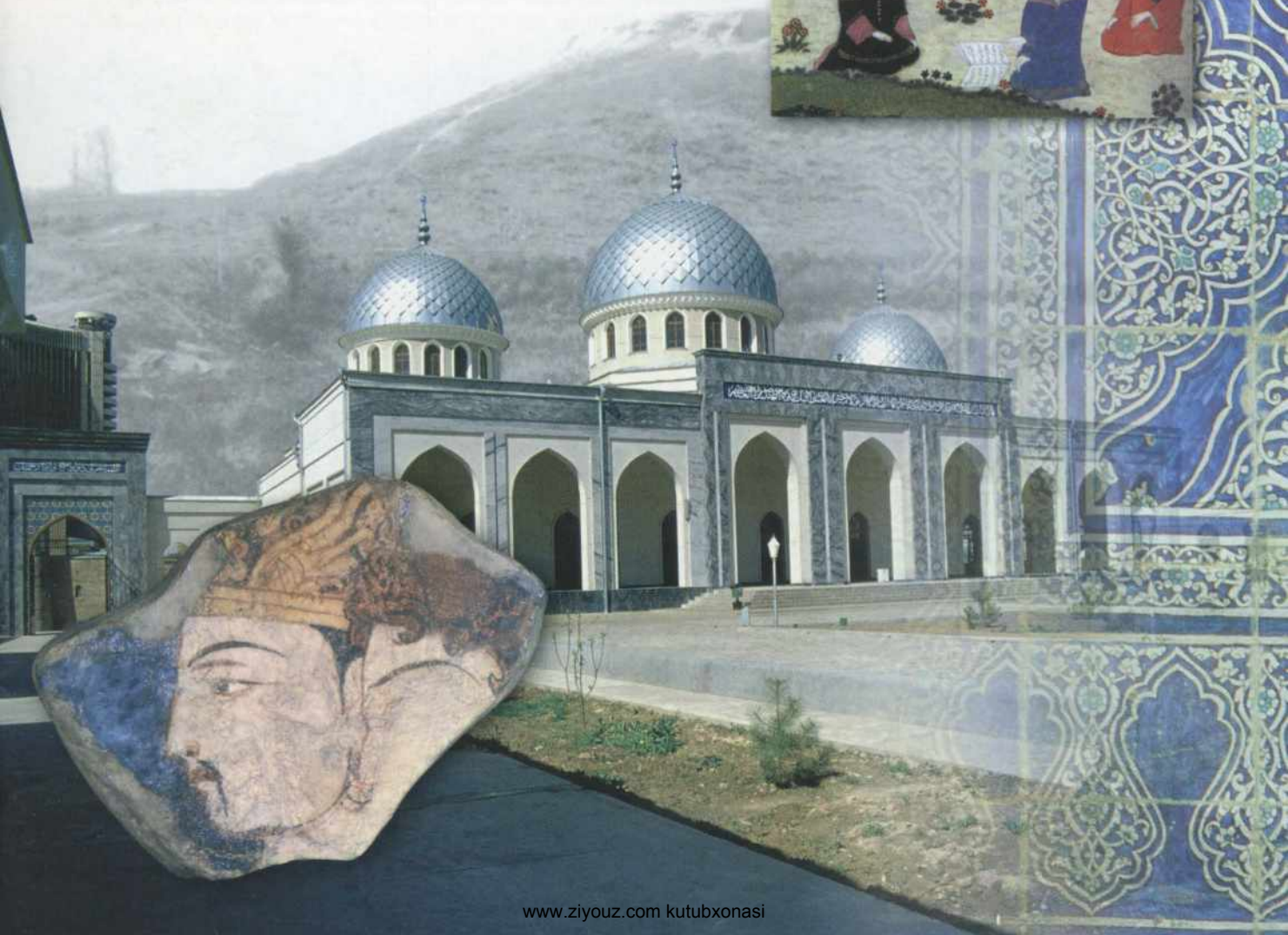

4(24).2004

MOZIYDAN SADO

ECHO OF HISTORY
ЭХО ИСТОРИИ

26

ДЕКАБРЬ
ЯКШАНБА

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ОЛИЙ МАЖЛИС ҚОНУНЧИЛИК ПАЛАТАСИ
ХАМДА ХАЛҚ ДЕПУТАТЛАРИ ВИЛОЯТ, ТУМАН ВА ШАҲАР КЕНГАШЛАРИГА
САЙЛОВ КУНИ

Мустақиллигимизни мустаҳкамлаш, эркин демократик фуқаролик жамияти барпо этиш йўлидаги ислохотлар изчил давом эттирилади. Биз ҳеч кимдан кам бўлмаганмиз ва ҳеч кимдан кам бўлмаймиз, деган шиоримизни рўёбга чиқариш учун ана шундай изчиллик билан иш юритамиз.

Икки палатали парламентнинг шакллантирилиши ана шу улуғвор мақсадларимизни рўёбга чиқаришда янада кенг имкониятлар очади.

Ислом КАРИМОВ

MOZIYDAN SADO

ECHO OF HISTORY
ЭХО ИСТОРИИ

4.(24).2004

ТАЪСИСЧИЛАР: Ўзбекистон Республикаси
Маданият ва спорт ишлари вазирлиги,
Бадиий академияси, Матбуот ва ахборот агентлиги

УШБУ СОНДА:

Ў.Султонов. «Тарихи Рашидий» асарида Хожа Ахрор ва унинг авлодлари фаолиятига доир маълумотлар.....	2
Х.Мухсимова. Шарқ қонунчилиги мантиқшунослари.....	6
З.Жўраев. Ўрта асрлар давлатчилигида қозилик.....	8
С.Сабурова. Хоразмшоҳлар давлатининг ҳарбий тизими...	10
Ш.Қамолiddин. Хотун – қадимги туркий маликалар.....	12
Х.Файзиев. Шохрух Мирзо	16
М.Тошмухаммедов. Бобурийлар пойтахти.....	18
О.Абдуллаев. Рустан Раҳмоналиев: «Туркий империялар. Юксалиш ва таназзул сирлари»	22
С.Саидий. Темурийлар даври чолғулари	26
К.Пардаев. Қадимий Офаринкент	28
Ю.Авазов. Мамлакатимиз жанубидаги кам сонли этнослар	30
О.Бўриев, Ф.Раҳмонов. Мироб – сув ҳокими	32
Д.Юсупов. Андижон амалий ва тасвирий санъатида миллий қадриятлар	34
Р.Мирзаев. Энтони Женкинсоннинг Бухорога саёҳати.....	36
А.Хўжаев. Хитой манбалари суғдлар ҳақида	42
Ш.Воҳидов, М.Исмоиллий. Фақирий – шоир, олим ва шайх	46

Илмий-амалий, маънавий-
маърифий, рангли журнал

1999 йилдан чоп
этила бошлади.
Уч ойда бир марта
ўзбек-инглиз-рус
тилларида чиқади

БОШ МУҲАРРИР
Зафар ҲАКИМОВ

ТАҲРИР ХАЙЪАТИ
Дилором АЛИМОВА
Шодмон ВОҲИДОВ
Ҳамидхон ИСЛОМОВ
Анатолий САГДУЛЛАЕВ
Темир ШИРИНОВ
Эркин ЭРНАЗАРОВ
Усмон ҚОРАБОЕВ
Нозим ҲАБИБУЛЛАЕВ
Акбар ҲАКИМОВ
Махмуджон ҲАСАНОВ
Саидбек ҲАСАНОВ

**ЖАМОАТЧИЛИК
КЕНГАШИ**
Роберт АЛМЕЕВ
Мариника БОБОНАЗАРОВА
Исмоил БОТИРОВ
Тоҳир ЗОИТОВ
Насиба ИБРОҲИМОВА
Равшан МАНСУРОВ
Зокиржон МАШРАБОВ
Нўъмонжон МАҲМУДОВ
Мавлонбек НУРМАТОВ
Солижон ПЎЛАТОВ
Абдусалом УМАРОВ

Масъул муҳаррир
Аскар АБДУРАҲИМОВ

Инглиз тили муҳаррири
Гулҳумор РАҲИМОВА

Таржимон
Раъно АЗИМОВА

Бош расом
Сергей СОИН

ТАҲРИРИЯТ МАНЗИЛИ:
700129. Тошкент ш., Навоий кўчаси, 30.
Тел.: 144-34-65, 144-74-19.
Факс: 144-74-19.
E-mail: moziy@dostlink.net

Индекс: 1047–шахсий обуначилар,
1048–ташкilotлар учун.

Ўзбек-Британия «Rastr» нашриёт-мағбаа
қўшма корхонаси.
Тошкент ш., Юнусобод даҳаси,
Муродов кўчаси, 1-а.
Булеварти №452. Алади 2500.

«Қазақстан» уруонлари.
«Тошкент» музаси.
KK 9352
ИМС: № 1249

“ТАРИХИ РАШИДИЙ” АСАРИДА ХОЖА АХРОР ВА УНИНГ АВЛОДЛАРИ ФАОЛИЯТИГА ДОИР МАЪЛУМОТЛАР

Ўқтам СУЛТОНОВ

О ХОЖА АХРОРЕ И ЕГО ПОТОМКАХ В “ИСТОРИИ РАШИДИЙ”

Одним из видных представителей суфизма и ярким продолжателем учения Накшбандия по праву считается Хожа Убайдуллох Ахрор Валий, который сыграл важную роль в политической, культурной и духовной жизни народов Центральной Азии во второй половине XIV века.

Жизнь и деятельность Хожа Ахрора Валий нашли отражение в трактатах Джами, Навои, Хондамира, ас-Сафий и других видных деятелей литературы, науки и теологии. Очень ценная информация об отношениях Хожа Ахрора и его потомков с монгольскими ханами содержится в произведении Мирзо Хайдара (1499–1551) “История Рашидий”. Оно содержит ценные сведения о последнем периоде жизни великого религиозного деятеля, о его встречах с монгольским ханом Юнусханом (1462–1487).

По свидетельству Мирзо Хайдара, они встречались дважды. Впервые Юнусхан удостоился встречи с Хожа Ахрором в 1482 году во время приезда в Маргилан. Хожа Ахрор, очевидно, прибыл в Маргилан по какому-то делу тогда, когда Юнусхан временно разместили там по договоренности с Умаршайхом Мирзо. Юнусхан вышел на встречу с Хожа Ахрором, находившимся среди народа, и имел с ним беседу.

По свидетельству Джами, Хожа Ахрор выступал против сохранившихся со времён Чингисхана традиций, противоречащих исламу. Он прибыл в Маргилан, чтобы убедиться в верности монголов исламу и обрести среди них новых последователей своего учения.

Юнусхан был глубоко образованным и просвещённым правителем своего времени. Мирзо Хайдар (внук Юнусхана) пишет, что с 13 лет Юнусхан находился на воспитании известного историка и ученого Шарафиддина Али Яздий. Позже встречался и беседовал с шейхами и учеными Азербайджана, Казвина, Шираза.

Удовлетворенный позицией Юнусхана, Хожа Ахрор рекомендует правителям Моваруннахра и Хурасана: «Мы видели Юнусхана. Подданных столь образованного и верного исламу властителя никоним образом нельзя продавать или покупать как рабов». Этим Хожа Ахрор снискал великую славу среди монголов, а в политических процессах Моваруннахра решал вопросы в пользу Юнусхана.

Вторая их встреча состоялась в Ташкенте в 1485 году. В это время к реке Чир были стянуты готовые к бою за Ташкент войска Султана Ахмада Мирзо, Умаршайха Мирзо и Султана Махмудхана. Хожа Ахрор приехал сюда примирить Темуридов. И каждый из них гадал, кому же шейх отдаст в управление Ташкент. Хожа Ахрор неожиданно решил спор в пользу Юнусхана. Султан Ахмад Мирзо и Умаршайх Мирзо, не посмев возразить влиятельному представителю религии,

XIV асрнинг иккинчи ярмида Марказий Осиё халқларининг ижтимоий-сиёсий, маданий ва маънавий ҳаётида муҳим ўрин туган Накшбандия тариқатининг алломаларидан бири – Хожа Убайдуллох Ахрор Валийдир. Унинг ҳаёти ва фаолияти Жомийнинг «Нафаҳот ул-унс», Навоийнинг «Насойим ул-муҳаббат», Хондамирнинг «Равзат ус-сафо» ва «Ҳабиб ус-сияр», Мавлоно Қозининг «Силсилат ул-орифин», Мир Абдулаввалининг «Маъсумот», Али ас-Сафийнинг «Рашаҳот айн ул-хаёт» каби асарларида ўз аксини топган. Мирзо Хайдар (1499–1551)нинг ушбу манбалардан фарқли ўлароқ «Тарихи Рашидий» асаридаги нодир маълумотлар Хожа Ахрор ва унинг авлодларининг Мўғулистон хонлари билан бўлган муносабатларини ўрганишда муҳимдир. Жумладан, Хожа Ахрор билан Мўғулистон хони Юнусхон (1462–1487) ўртасидаги муносабатларга доир бўлиб, алломанинг ҳаёти ва фаолиятининг охиригидан даврларига мансуб.

Мирзо Хайдарнинг ёзишича, улар икки марта учрашган. Биринчи сафар 1482 йили Юнусхон Марғилонга ташриф буюрган Хожа Ахрор билан учрашишга муяссар бўлган. Фикримизча, Хожа Ахрорнинг Марғилонга ташрифи бирон-бир мақсад йўлида уюштирилган бўлиши мумкин. Чунки бу пайтда Юнусхон Марғилонда Умаршайх Мирзо билан келишган ҳолда вақтинча жойлашиб турган эди. Юнусхон аҳоли орасига қириб келган Хожа Ахрор истиқболга чиқиб, у билан суҳбатда бўлган.

Жомийнинг «Тухфат ул-ахрор» ва «Силсилат уз-заҳаб» асарларидаги маълумотларга қараганда, Хожа Ахрор Чингизхон давридан қолган, исломий анъаналарга зид ҳисобланган урф-одатларни бекор этиш тарафдори бўлган. Марғилонга ташрифидан мақсади ҳам мўғулларнинг исломга эътиқоди қай даражада эканлигини билиш ва улар орасида ўзига муридлар ортириш бўлган бўлса ажаб эмас.

Юнусхон ўз даврининг етук илмли ва маърифатли ҳукмдорларидан бири эди. Мирзо Хайдарнинг ёзишича (Мирзо Хайдар она томондан Юнусхонга набира бўлган), Юнусхон 13 ёшида Язда муаррих ва олим Шарафиддин Али Яздий тарбиясида бўлган. Кейинроқ Озарбайжон, Қазвин ва Шерозда кўплаб шайх ва олимлар билан суҳбатда бўлган. Юнусхон бўш вақтларида Қуръон ўқиш ва кўчириш, муаммо тузиш ва санъатнинг бошқа соҳалари билан шуғулланган.

Суҳбат жараёнида Юнусхоннинг эътиқодидан кўнгли тўлган Хожа Ахрор Моваруннаҳр ва Хуросон ҳукмдорларига: «Биз Юнусхонни кўрдик, бундай эътиқодли ҳукмдорнинг фуқароларини қул қилиб сотиш асло мумкин эмас. Бундан буён мўғулларни ҳеч қим қул қилиб сотмасин ва сотиб олмасин», деб нома юборди.

Хожа Аҳрор бундай қарорга келиши билан, биринчидан, мўғуллар орасида катта шухрат топди. Иккинчидан, Хожа Аҳрор Мовароуннаҳрдаги сиёсий жараёнларда Юнусхон фойдасига иш юрита бошлади.

Иккинчи учрашув 1485 йили Тошкентда бўлган. Бу пайтда Тошкент учун кураш бошланиб, Султон Аҳмад Мирзо ва Умаршайх Мирзо ҳамда Султон Маҳмудхоннинг бирлашган қўшини Чир дарёси бўйида уруш ҳолатида турарди. Темурий шаҳзодалар жанг майдонида одатдагидек уларни яраштириш учун келган Хожа Аҳрор Тошкентни қайси биримизда қолдирар экан, деб кутиб туришарди. Хожа Аҳрор эса қутилмаганда Тошкентни Юнусхон ихтиёрига қолдирди. Султон Аҳмад Мирзо ва Умаршайх Мирзо Хожа Аҳрорнинг раёйига қарши чиқа олмай, сулҳдан сўнг ўз мулкларига қайтиб кетганлар. Хожа Аҳрор эса Тошкентга келиб, Юнусхон билан учрашув ўтказди. Чунки, бу пайтда фалаж бўлиб қолган Юнусхон жанг майдонида бора олмай, ўз ўрнига ўғли Султон Маҳмудхонни 30000 кўшин билан жўнатган эди. Бу галги учрашув тафсилотлари «Тарихи Рашидий»да ёритилмаган. Хар ҳолда, сулҳ натижаси Хожа Аҳрор ва Юнусхон муносабатлари аввалгидан ҳам яхшироқ бўлганлигини кўрсатади.

Айрим адабиётларда Хожа Аҳрор Султон Маҳмудхон (1487–1503)га мойилроқ бўлганлиги учун Тошкентни унга топширгани таъкидланади. Аслида, Хожа Аҳрор Султон Маҳмудхонни унчалик хушламаган. Мирзо Ҳайдарнинг ёзишича, Хожа Аҳрорнинг халфаларидан Мавлоно Кози Султон Маҳмудхонни мактаб, унга ҳам эътибор қаратиш тўғрисида сўз очганда, Хожа Аҳрор қатъий оҳангда «... у ҳали бундай шарафга лойиқ эмас», – деб жавоб берган. Қолаверса, манбаларда («Силсила ул-орифин», «Жомеъ-ут-таворих», «Баҳр ул-асрор» ва бошқаларда) Тошкент Султон Маҳмудхонга эмас, балки «хон»га топширилгани тилга олинади. Бу ўринда «хон» дейилганда Юнусхон

ABOUT HOZHA AKHROR AND HIS DESCENDANTS IN "THE HISTORY OF RASHIDI"

Hozha Ubaidullokh Akhror Valiy is one of the prominent representatives of the Sufism, the adherent of the Nakshbandi doctrine, who played an important role in the political, cultural and spiritual life of the peoples of Central Asia during the second half of the 14th century.

Hozha Akhror Valiy's life and activity was reflected in treatises by Dzhami, Navoi, Khondamir, as-Safiy and other outstanding figures of literature, science and theology. The book by Mirzo Khaidar (1499–1551) «The History of Rashidi» contains very valuable information on relations of Hozha Akhror and his descendants to the Mongolian khans. This book tells about the last period of the life of the great religious figure, about his meetings with the Mongolian khan Yunus Khan (1462–1487).

According to Mirzo Khaidar, they met twice. They met for the first time in 1482 in Marghilan where Yunus Khan arrived and had a meeting with Hozha Akhror. Hozha Akhror, obviously, arrived to Marghilan on some business when Yunus Khan temporarily accommodated there under the agreement with Umarshaikh Mirzo. Yunus Khan stepped out to meet Hozha Akhror who was amongst the crowd and had a conversation with him.

According to Dzhami, Hozha Akhror was against the traditions contradicting to Islam preserved from the times of Chinghiz Khan. He arrived to Marghilan to be sure in loyalty of the Mongols to Islam and to find among them new followers of his doctrine.

Yunus Khan was a well educated and enlightened monarch of the time. Mirzo Khaidar (Yunus Khan's grandson) writes that from the age of 13 Yunus Khan was taught and instructed by the known historian and scientist Sharafuddin Ali Jazdy. Later, he met and talked to sheikhs and scientists from Azerbaijan, Kazvin, and Shiraz.

Satisfied with a meeting with Yunus Khan, Hozha Akhror wrote to governors of Movaraunnahr and Khurasan: «We saw Yunus Khan. Citizens of such an educated and faithful to Islam master should not be sold or bought as slaves». For it Hozha Akhror won great glory among the Mongols, and from the political point of view he began managing affairs for the benefit of Yunus Khan.

Their second meeting happened in Tashkent in 1485. At this time, military unions of Sultan Akhmad Mirzo, Umarshaikh Mirzo and Sultan Makhmud Khan, ready to fight for Tashkent, set up camps near the river Chir. Hozha Akhror arrived there to reconcile the Temurids. And each of them tried to figure out to whom the sheikh will give management of Tashkent. Hozha Akhror unexpectedly assigned Tashkent for the benefit of Yunus Khan. Sultan Ahmad Mirzo and Umarshaikh Mirzo, not having dared to object the powerful representative of the religion, came back to their own lands. Hozha Akhror, having returned to Tashkent, meets Yunus Khan who at this time, being paralyzed, sent Sultan Makhmud Khan with 30000-soldier army instead of himself to the river Chir. The book does not give details of their meeting, but the armistice, obviously, satisfied both of them as their mutual relations became even better.

Other medieval books also tell about Tashkent being given «to Khan». Translations of «The History of Rashidi» into the Russian and English languages also state «to Yunus Khan», though his son Sultan Makhmud Khan actually ruled the country. As written, Hozha Akhror did not regard Sultan Makhmud Khan with much favor. Once one of the dignitaries told him to pay attention to young Sultan and Hozha Akhror answered: «he does not yet deserve such honor».

Yunus Khan, having become a member of the Sufi Order of Nakshbandi and who recognized Hozha Akhror as his spiritual instructor, died in 1486–1487 after two years of being paralyzed. He was buried in Tashkent close to Sheikh Khovand Tokhur, the ancestor of Hozha Akhror on his mother side. Relations between the Khan and the spiritual leader of Movaraunnahr popular in Mongolia generated lots of legends and stories.

возвращаются в свои владения. Хожа Ахрор же, вернувшись в Ташкент, встречается с Юнусханом, который в это время, будучи парализованным, направил вместо себя к реке Чир Султана Махмудхана с 30000 войском. В книге не описываются подробности встречи, но перемирие, очевидно, основательно укрепило их взаимоотношения.

О том, что Ташкент был отдан «хану», пишется и в других средневековых книгах, в переводах «Истории Рашидий» на русский и английский языки также значится «Юнусхану», хотя фактически правил страной его сын Султан Махмудхан, которого Хожа Ахрор не очень-то жаловал. Когда однажды один из сановников сказал ему о том, что следует обратить внимание на молодого Султана, Хожа Ахрор ответил: «он пока не достоин такой чести».

Юнусхан, вступивший в суфийский орден Накшбандия и принявший Хожа Ахрора своим духовным наставником, умер в 1486–1487 году. Он был похоронен в Ташкенте рядом с Шейхом Хованд Тахуром – предком Хожа Ахрора по материнской линии. Отношения популярных в Монголии хана и духовного лидера Моварунахра породили множество легенд и сказаний.

Чем объяснить поступки Хожа Ахрора? Сегодня их можно прокомментировать приблизительно так:

Во-первых, он хотел создать политические условия для развития экономики и культуры Моварунахра, развивающегося из-за междоусобных стычек Темуридов.

Во-вторых, поддерживая Юнусхана и политически и духовно, Хожа Ахрор стремился распространить в Монголии учение Накшбандия и значительно расширить круг своих сторонников среди монголов.

Следует отметить, что Хожа Ахрор был очень крупным землевладельцем своего времени, владельцем множества торговых караванов. Естественно, что политические и экономические интересы государства переплетались и с его собственными интересами. Между тем, его духовное лидерство распространялось далеко за пределы его родины. Он являлся духовным наставником многих представителей знатных семей, среди которых были Мухаммад Кози и Хожа Тожиддин Мухаммад (потомок прославленного Мавлоно Аршадиддина, под влиянием которого Туглук Темурхан принял ислам).

Большим уважением во дворах монгольских ханов пользовались и внуки Хожа Ахрора – Махдуми Нуран (настоящее имя Шихобиддин Махмуд) и Хожа Мухаммад Юсуф. Они были известны в Восточном Туркестане, куда прибыли во время похода Султана Саидхана на Кашгар в 1514 году. Махдуми Нуран, как потомок Хожа Ахрора, был духовным наставником Султана. Он также был опытным лекарем, несколько раз излечивал Султана Саидхана и его близких от болезней.

Хожа Мухаммад Юсуф также имел большое влияние в государстве Султана Саидхана, будучи духовным отцом принца Ибрахима Султана – сына правителя.

Султан Саидхан, как и предыдущие ханские особы, был членом суфийского ордена Накшбандия.

Как видим, трактат «История Рашидий» является важным источником информации в изучении места Хожа Ахрора и его потомков в политической жизни Центральной Азии средних веков.

назарда тугилган бўлиши керак. Шунингдек, «Тарихи Рашидий» асарининг русча ва инглизча таржималарида ҳам «Юнусхон»га деб таржима қилинган.

Накшбандия тариқатига кириб, Хожа Ахрорга қўл бериб, уни пир деб қабул қилган Юнусхон 1486–1487 йил (хижрий 802 йил) икки йиллик фалажликдан сўнг вафот этади. Хожа Ахрор билан илиқ муносабатлари туфайли бўлса керак, Юнусхон Тошкентда, Хожа Ахрорнинг она тарафдан аждоди Шайх Хованд Тахур қабри ёнига дафн этилди. Хожа Ахрор ва Юнусхон ўртасидаги муносабатлар Мўғулистонда яшовчи мўғуллар орасида ҳам машхур бўлди ва бу тўғрида турли нақл ва ҳикоялар юзага келди.

Хожа Ахрорнинг нега бундай йўл тутганлиги маълум эмас. Бироқ бу саволга иккита тахминий жавобни айтиш мумкин.

Биринчидан, Хожа Ахрор Султон Аҳмад Мирзо ва Умаршайх Мирзо ўртасидаги ўзаро урушлар натижасида Мовароуннахрда издан чиқиб бораётган иқтисодий ва маданий ҳаётни жонлантиришга шароит яратувчи сиёсий вазиятни юзага келтирмакчи бўлган.

Иккинчидан, Хожа Ахрор Юнусхонни ҳам сиёсий ва ҳам маънавий жиҳатдан қўллаб, мўғуллар орасида муридлар орттириб, Мўғулистонда ҳам Накшбандия тариқатини кенг ёймокчи бўлган.

Тахминан, XVII асрда ёзилган «Жалолиддин Катаки ва Туғлуқ Темурхон ҳақида қисса» номли асардаги маълумотларга қараганда, бу пайтда Мўғулистоннинг диний раҳнамоларидан Мавлоно Аршадиддин авлодидан Хожа Мухаммад Фахриддин катта таъсирга эга бўлган. Кошғарда Хожа Ахрор ва Хожа Мухаммад Фахриддин тарафдорлари ўртасида адоват бўлган. Али ас-Сафийнинг «Рашаҳот айн ал-хаёт» асарида келтирилишича, Хожа Ахрорнинг савдо ишларини юритувчи ходимларидан бири Хожа Нажмиддин Турфонда маҳаллий аҳолининг қаршилигига учраган.

Албатта, бу тўғрида манбаларда батафсил маълумотлар келтирилмаган. Бироқ айтиш мумкинки, Мовароуннахр, Хуросон ва унга туташ ўлкаларда катта таъсирга эга бўлган Хожа Ахрор бу борада бирон-бир чора кўриши табиий. Буни Хожа Ахрор томонидан издоши Хожа Тожиддин Мухаммаднинг Турфонга жўнатилиши мисолида кўришимиз мумкин.

Агар Хожа Ахрор ўз даврининг катта ер эгаси сифатида Мовароуннахр ва Хуросонда экинзор ва кўчмас мулкларга эгаллиги ҳамда савдо билан шугулланганлигини назарда тутсак, у ҳолда юқоридаги иккала тахмин ҳам Хожа Ахрорнинг сиёсий ва иқтисодий мавқеини мустаҳкамлаш ва кенгроқ худудга ёйилиши учун хизмат қилганлиги далолатидир.

Шу ўринда бир оғиз Хожа Ахрорнинг издошларидан Мухаммад Қози ва Хожа Тожиддин Мухаммад ҳақида. Мухаммад Қози Хожа Ахрорнинг энг яқин издошларидан бўлиб, «Силсилат ул-орифин» асари муаллифидир. Мирзо Хайдарнинг ёзишича, Мухаммад Қози Султон Махмудхоннинг Хожа Ахрор билан муносабатларида воситачи бўлган. Бир қатор манбалардаги маълумотлар ҳам Мухаммад Козининг Султон Махмудхонга хайрихоҳ бўлганлигини кўрсатади. Хожа Тожиддин Мухаммад эса Мўғулистонда машхур бўлган Мавлоно Аршадиддин (Туғлуқ Темурхон Мавлоно Аршадиддин таъсирида исломга кирган) авлодидан бўлиб, Мовароуннахрга отаси билан бирга келган. Хожа Ахрорни ўзига пир деб билган Хожа Тожиддин Мухаммад кейинчалик Хожа Ахрор ижозати билан Турфонга борган. Султон Аҳмадхон (1485–1502) ва унинг ўғли Мансурхон даврида (1502–1545) 50 йил шайхулислом мансабида турган Хожа Тожиддин Мухаммад Султон Аҳмадхон авлодлари орасида катта эътиборга эга бўлган. «Тарихи Рашидий» асарида келтирилишича, Хожа Тожиддин Мухаммад Мансурхоннинг Хитой худудларига қилган жиҳод юришларининг бирида ҳалок бўлган.

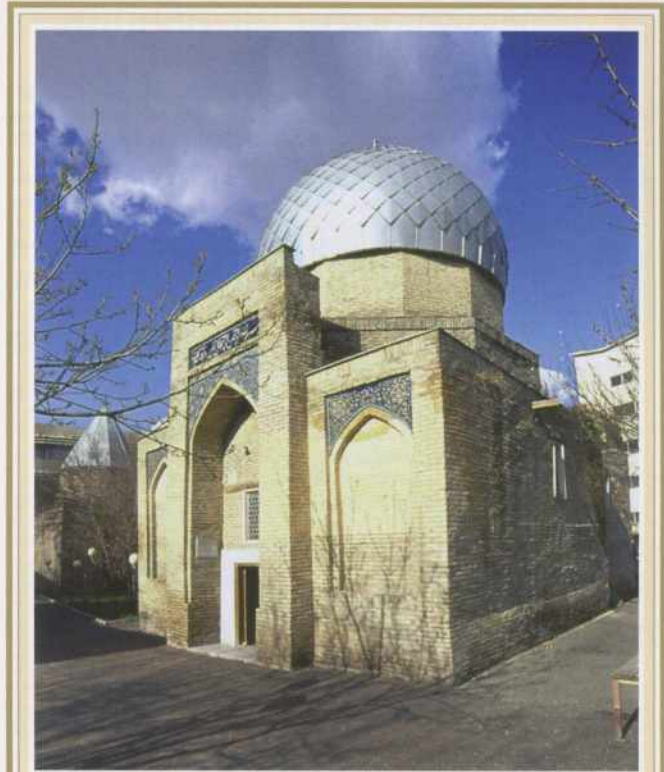
Хожа Ахрорнинг набиралари Махдуми Нуран (асл исми Шихобиддин Махмуд) ва Хожа Муҳаммад Юсуф ҳам мўғул хонлари саройида катта обрў-эътибор қозонган. Али ас-Сафийнинг ёзишича, Махдуми Нуран Хожа Ахрорнинг катта ўғли Муҳаммад Абдуллох (Хажока)нинг Ҳазрат Саид Тақийдин Кермонийнинг қизидан туғилган иккинчи ўғли бўлган. Хожа Муҳаммад Юсуф эса Муҳаммад Абдуллохнинг энг кичик хотинларидан туғилган ёлғиз ўғли бўлган.

Мирзо Ҳайдарнинг ёзишича, Хожа Муҳаммад Юсуф Кошгарга 1522–1523 йиллари келган. Махдуми Нуран эса Эрон, Ироқ ва Арабистонга бўлган 23 йиллик сафаридан сўнг 1513 йили Самарқандга қайтиб келган. 1523–1524 йиллари эса Кошгарга келган Шихобиддин Махдуми Нуранни Ёркенд хони Султон Саидхон (1514–1533) кутиб олган ва ўз ихтиёрини тамоман унга топшириб қўйган.

Уларнинг Шарқий Туркистонга келиши мураккаб сиёсий вазият билан боғлиқ. Султон Саидхон 1514 йили Кошгарга юриши даврида Мавлоно Аршадиддин авлодлари билан зиддиятлашиб қолади. Натижада Султон Саидхон Махдуми Нуранни пир деб қабул қилиб, Хожа Ахрор авлодларига катта эътибор билан қарайди. Махдуми Нуран Султон Аҳмад Алачахоннинг катта ўғли Мансурхоннинг илтимоси билан Турфонга ташриф буюрган ва 2-3 йил Турфонда туриб Ёркендга қайтиш чоғида Турфонда ўз шогирдларини қолдирган. Мирзо Ҳайдарнинг сўзларига қараганда, Махдуми Нуран тажрибали табиб ҳам бўлган ва бир неча бор Султон Саидхон ва унинг яқинларини даволаган.

Хожа Муҳаммад Юсуф ҳам Султон Саидхон давлатида катта мавқега эга бўлган. У Султон Саидхоннинг ўғли Иброҳим Султоннинг маънавий отаси қилиб тайинланган. Мирзо Ҳайдарнинг маълумотларига қараганда, Махдуми Нуран ва Хожа Муҳаммад Юсуф ўртасида мамлакатда биринчилик учун зиддият бўлган. 1532 йили Бадахшонга йўл олган Махдуми Нуран Хожа Муҳаммад Юсуфнинг қаттиқ илтимосига кўра яна Янги Ҳисорга қайтиб келган. Бу пайтда Султон Саидхон Накшбандия тариқатига кириб, Махдуми Нуранни ўзига пир деб қабул қилган эди.

Хуллас, “Тарихи Рашидий” асаридаги маълумотлар Хожа Ахрор ва унинг авлодларининг Марказий Осиёдаги сиёсий жараёнларда тугган ўрнини ўрганишда муҳим манбалардан бири бўла олади.

Шайх Хованд Тахур мақбараси. XV аср. Тошкент.
Mausoleum of Sheikh Khovand Tokhur. 15th century. Tashkent.
Мавзолей Шейха Хованд Тахура. XV в. Ташкент.

How can the acts of Hozha Akhror be explained? Today we can comment them as the following.

First, he wanted to create political conditions favorable for development of the economy and culture of Movarunnahr, collapsing because of internal wars between the Temurids.

Secondly, supporting Yunus Khan both politically and spiritually, Hozha Akhror wanted to spread the doctrine of Nakshbandi in Mongolia and to find mujrids–novices among the Mongols.

We shall note that Hozha Akhror was a strong agrarian of the time; he also was the owner of many trading caravans. So, the political and economic interests of the state were bound also with his own interests. Meanwhile, his spiritual leadership was also spread far beyond his native country. His followers such as Muhammad Kozi and Hozha Tozhiddin Muhammad (the descendant of glorified Mavlon Arshadiddin, under his influence Tugluk Temur Khan accepted Islam) were the people belonging to the eminent families.

Grandsons of Hozha Akhror – Makhdumi Nuran (real name Shikhobiddin Makhmud) and Hozha Muhammad Yusuf – also were greatly respected in the palaces of the Mongolian khans. They were known in East Turkestan, where they came during the campaign of Sultan Saidkhan to Kashghar in 1514. Makhdumi Nuran as a descendant of Hozha Akhror was Sultan’s spiritual instructor. He also was a skilled doctor and several times cured Sultan Saidkhan and his relatives from illnesses.

Hozha Muhammad Yusuf, being the confessor of Prince Ibrakhim Sultan – the son of the governor, also had big importance in the state of Sultan Saidkhan.

Sultan Saidkhan as well as previous khan-persons was a member of the Sufi Order of Nakshbandi.

As we can see, the treatise «The History of Rashidi» is an important source of information in studying the place of Hozha Akhror and his descendants in the political life of Central Asia in the Middle Ages.

ЛОГИКИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ ВОСТОКА

История узбекской государственности насчитывает более трех тысячелетий. Государства, сформировавшиеся на территории Древнего Турана, Моварунахра, Туркестана, оставили заметный след в развитии мировой культуры.

Ученые древней Индии, Китая, Среднего Востока и древней Греции по-разному выражали суждения о взаимоотношениях человека и общества. Царь Вавилона Хаммурапи (750–722 гг. до н.э.) прославился тем, что издал закон, состоящий из 285 статей о взаимоотношениях государства и граждан.

В Центральной Азии памятниками доисламской культуры, отражающими права граждан и закон, являются древняя «Авеста» и книги эпох великой Кушанской империи, Эфталита и Согдианы.

Создателем основ исламского законодательства и права был пророк Мухаммад (с.а.в.).

Во времена правления его Четырех сподвижников, а затем их последователей правовые вопросы решались на основе Корана и Сунны – поступков и суждений пророка Мухаммада (с.а.в.). А если спор выходил за рамки этих знаний, то решение принималось на основе знаний и опыта правителя и его окружения.

Позже, во времена арабских завоеваний (632–751 гг.), управлять государствами Ближнего Востока, Центральной Азии, Северной Африки стало очень сложно, так как граждане этих государств были знакомы с более прогрессивной экономикой, более высокой культурой и социальными отношениями, т.е. уже жили в социально и культурно развитой среде, подчинялись сложному государственному механизму, обладали развитыми земельными и имущественными правами.

В этих условиях существовавшие законы шариата не решали всех возникающих проблем. В суждениях Корана ответ на возникающие вопросы носил общий характер. Сунны отражали не все жизненные проблемы. Существовавшие в Медине, Ираке, Сирии школы фикха – исламской юриспруденции – хоть и исследовали вопросы права, но не могли дать практических ответов на существующие проблемы.

Поэтому возникла необходимость внесения в шариат дополнительных положений законодательства, одной из которых, стала фетва (единое мнение мусульманской общины – джамаа).

Разработчиками дополнительных законов к шариату на основе глубокого изучения Корана были Аъзам – Абу Ханифа, Абу Юсуф, имам ал-Бухарий, имам Молик, имам Шофебий, Ахмад Ханбал.

Четвертым источником, дополняющим шариат, является сравнительная аналогия, когда в результате сравнения, например, хадисов, Сунны или аятов Корана какой-то из них в правовом отношении исключается. Сравнительная аналогия расширяет права законодателей, давая возможность внедрять шариат во все сферы жизни и деятельности. Это в свое время давало определенную свободу хокимам и духовенству.

Приверженцы исламского течения «сунна вал-джамаа» (правовые школы Ханафий, Моликий, Шофебий, Ханбалий) решали проблемы государственного правления на основе шариата и исторического опыта.

Имам Аъзам был самым крупным правоведом, внесшим поправки в шариат, внедрившим сравнительную аналогию и другие юридические разработки, наиболее приемлемые и полезные для государства и его граждан.

Исламские законы Ханафийского течения школы имама Аъзама разрабатывали также Абу Юсуф Якуб, аш-Шайбоний, ал-Ашъарий, ал-Мотрудий. Самым известным произведением в области исламской юриспруденции является книга нашего соотечественника Бурханиддина Маргиноний ар-Риштоний «Хидоя фи-л-фуруъ – Шариат». Это руководство по шариату в Ханафийском направлении ислама считается законодательным кодексом.

Основателем школы Моликий является Молик ибн Анас. Самое известное его произведение – «Ал-Мувадъ». Он считает, что Коран и Сунну нельзя разьяснять с точки зрения науки. Эта школа юриспруденции меньше использует в практике сравнительную аналогию.

Школа Шофебий стремилась сплотить школы Ханафий и Моликий.

Сторонники школы Ханбалий в своих решениях опирались только на Коран и Сунну и впоследствии – на законодательную практику сподвижников Пророка.

После обретения независимости отношение к нашему историческому прошлому изменилось. Появилась возможность изучить и издать множество работ наших великих соотечественников, восстановить их добрые имена и воздвигнуть им памятники. Свое истинное место в истории обрели Амир Темур, Мирзо Улугбек, Хожа Ахмад Ясавий, Бахоуддин Накшбанд, Абу Наср Фаробий, Абул Касим аз-Замашарий, Юсуф Хос Хожиб, Бурханиддин Маргиноний и многие другие.

ШАРҚ ҚОНУНЧИЛИГИ МАНТИҚШУНОСЛАРИ

Хамида МУҲСИМОВА

Ўзбек давлатчилиги тарихи уч минг йилдан кўпроқ даврни ўз ичига олади. Қадимий Турон, Моварунахр, Туркистон худудида равнақ топган давлатлар жаҳон маданиятини ривожлантиришда ёрқин из қолдирган.

Қадимда Хиндистон, Хитой, Ўрта Шарқ ва Юнонистон мутафаккирлари инсон ва жамят муносабатлари борасида ўз фикр-мулоҳазаларини билдириб ўтганлар. Жумладан, жаҳон миқёсида шухрат қозонган Бобил подшоҳи Хаммурабий (мл. ав. 750–722 йиллар) 285 банддан иборат қонунида, давлат билан фуқаролар ўртасидаги ҳуқуқий муносабатларни бошланғич шаклда бўлса ҳам белгилашга уринган.

Марказий Осиёда исломга қадар ҳуқуққа оид ёдгорликлар қўшлаб топилган бўлиб, булар Қадимий Авесто, буюқ Қушон, Эфталит, Суғд даврларига оид манбаларда ўз аксини топган.

Пайгамбаримиз Ҳазрати Мухаммад ибн Абдуллоҳ ислом динининг илоҳий қонун ва тартибларини амалга оширувчи бўлган.

Мухаммад (с.а.в.) вафотларидан сўнг, ислом шариатида ҳокимият масаласини ечиш учун иккита оқим – суннийлик ва шиалик вужудга келди.

Чорёрлар даврида саҳобалар (Мухаммаднинг (с.а.в.) яқин сафдошлари) билан бир қаторда тобенилар (саҳобалардан кейин уларга эргашган, улар ишнин давом эттирган илоҳиётчилар) муайян ҳуқуқий баҳс ёки мубоҳасаларни Қуръон ва Сунна асосида ҳал қилишга уриндилар. Бу манбалардан асос ёки далил топилмаган тақдирда, улар ақл-идроққа таяниб, ўз сафдошлари ҳамда йирик ҳуқуқшунослар билан маслаҳатлашган ҳолда қозиларга маълум даражада белгиланган қонун-қоида ёки йўл-йўриқлар берардилар.

Кейинроқ, араб истилоси (632–751) даврида Қуръондан замоннинг кўп талабларига жавоб топиш қийинлашди. Чунки, босиб олинган Яқин Шарқ, Марказий Осиё ва Шимолий Африка аҳолиси нисбатан юқори ва илғор иқтисодий, ижтимоий ва маданий муносабатлар босқичида яшаб, мураккаброқ давлат идора тузуми, ривожланган турмуш тарзи, ер ва мулкчиликка оид тақомиллашган тартиб-қоидаларга эга эдилар.

Босиб олинган жойларда маҳаллий аҳолининг ўзига хос урф-одатлари билан ҳисоблашиш зарур бўлгани учун ҳам Қуръон сураларидан етарли даражада жавоб топишга қийналган мусулмон ҳуқуқшунослари шариатта қўшимча манбалар киритишга мажбур бўлганлар.

Вақти келиб, баъзи амаллар ҳақида хадисларда ҳам жавоб йўқлиги сезилган. Қуръон, Суннанинг тафсилот доираси тор келиб қолганлигини сезган илоҳиётчилар шариатта қўшимча яна бир манба – ижмоъни киритганлар.

Ижмоъ – (арабча – бирдамлик, яқдиллик билан қабул қилинган қарор, диний жамоанинг ягона фикри) Қуръон, хадисларда аниқ кўрсатма берилмаган ҳуқуқий масалаларни ҳал этишда фақиҳ ва мужтаҳидларнинг тўпланиб, ягона фикрга келган ҳолда ҳукм чиқариши (фатво бериши). Имом Аъзам – Абу Ханифа, Абу Юсуф, Имом ал-Бухарий, Имом Молик, Имом Шофебий, Имом Ахмад Ханбал ана шундай мужтаҳид уламолардан ҳисобланган.

Мадина, Ироқ, Суриядаги фикх мактабларида олиб борилган тадқиқотлар Қуръон, Суннанинг диний ақоид ва ҳуқуқ масалаларининг кўпларига амалий жавоб бера олмаган. Натияжада насх ва носих (бекор қилувчи) назарияси, Қуръон, Суннадаги қайси хадислар ундан аввалгига қараб бекор этилиши ёки умуман, бекор этилишига қаратилган адабиётлар кўпайган. Албатта, бу соҳада жуда катта тортинувлар юзага келиб, оқилона тарзда мантиқ илми асосида ҳукм, фатво бериш келиб чиққан. Бундай усул-киёс деб аталиб, шариатнинг тўртинчи асос-манбаи-киёс келиб чиққан.

Киёсда Куръон ва Суннада учрамайдиган бирор ҳуқуқий масала, уларда берилган йўл-йўриқ, кўрсатмага мантқиқий таққослаш, ўхшатиш йўли билан шарҳлаш, изоҳлаш асосида ҳукм ёки фатво чиқарилади ва бу шаръий деб ҳисобланади. Киёс фақиҳларнинг ҳуқуқини кенгайтириб, шариатни ҳаётга кенгрок татбиқ этишга имконият берган.

Аҳли сунна вал-жамоа ақидаларига мансуб тўртта асосий мазҳаб (Ханафий, Моликий, Шофеъиййа ва Ханбалий ҳуқуқий мактаблари) имомлик ё халифалик масаласини, яъни давлат раҳбарлигига доир муаммоларни шариат қоидаларига ва тарихий тажрибаларга таяниб ҳал қилардилар.

Имом Аъзам энг йирик ҳуқуқшунослардан бири бўлиб, шариат ҳуқуқини тартибга солиган, киёсни татбиқ этган ва ниҳоят истиҳсон тартиб усулини (манбалар асосида чиқариш мумкин бўлган ҳулоса ёки ҳукмлардан муеулмонлар жамоаси учун мақбулроғини қабул қилиш) ишлаб чиққан.

Истиҳсон – (арабча – яхшилаш, маъқуллаш) шариатнинг чигал, мураккаб масалаларига киёсни қўллаш йўли билан муеулмон жамоаси ёки давлати учун мумкин қадар фойдалироқ, маъқулроқ йўлни топишдир.

Ханафия мазҳаби қонуллари Абу Юсуф Ёқуб, аш-Шайбоний, ал-Ашъарий, ал-Моғурудий асарларида ҳам ишлаб чиқилган. Ҳамюртимиз Бурхониддин Марғиноний ар-Риштонийнинг машҳур «Ҳидоя фи-л-фурӯ» – «Шариат соҳалари бўйича қўлланма» асари ханафия мазҳабидагилар томонидан қонуллар мажмуаси (кодекс) сифатида қабул қилинган.

Моликия мактаби асосчиси Молик ибн Анас бўлиб, ўзининг «Ал-Муваттоъ» асарида Куръон ва Суннани олимлар фикрига асосланиб талқин қилишга қарши чиққан. Моликийлар ханафийларга нисбатан киёсни камрок қўллашган. Аммо улар ўзларининг истислоҳ қоидалари билан ханафиянинг истиҳсонига яқин турадилар.

Шофеъиййа мазҳабининг усули ханафия ва моликия усулларини ўзаро муросага келтиришга уринган бўлса ҳамки, асосан, моликияга мойил эди. Шофеъиййа мазҳабидагилар киёсни қўллашда муайян чегарагача йўл қўядилар. Улар истиҳсон усули кўп ҳулосавий имкониятларни яратиши ва шахсий фикрларга асосланган ҳукмларга олиб боришдан ҳадиксирардилар. Шунинг учун улар киёсга таяниб, истислоҳ – муайян ҳолатда қўллаш мумкинлигини равшан исботловчи фикр қоидаларини ишлаб чиққанлар.

Ханбалия мактабининг тарафдорлари авваллари фақатгина Куръон ва Суннага таяниб шаръий ҳукмлар чиқарсалар, кейинроқ киёс ва ижмоъни қўллашда фақат Муҳаммад Расулulloҳнинг сафдошлари бўлмиш саҳобаларнинг ҳамжиҳатлиги билан чиқарилган ҳукмларнигина инobatга олар эдилар. Бунда улар тобеинларнинг ҳам, улардан кейинги эътиборли диний арбобларнинг ҳам фикрларини тан олмас, Куръон ва ҳадислардан бирон-бир далил топа олмаган тақдирда, ноилоҳ киёсга мурожаат этардилар.

Мустақиллик тугайли тарихга бўлган муносабат тубдан ўзгарди. Биз ўз тарихимизни, жумладан, она заманимизда тузилган ва раванқ толган давлатлар ва ҳуқуқий тизимлар тарихини, мафкуравий ақидаларни ҳолисона ўрганиш имкониятига эга бўлдик. Бу борада сўнги йилларда бир қатор ижобий ишлар қилинди. Буюк бобоқолларимиз Имом ал-Бухорий, Имом ат-Термизий, Амир Темур, Мирзо Улугбек, Хожа Аҳмад Ясавий, Баҳоуддин Нақшбанд, Абу Наср Форобий, Абул Косим Маҳмуд ибн Умар аз-Замашарий, Юсуф Хос Ҳожиб, Бурхониддин Марғиноний ва бошқаларнинг маънавий покликка ва етукликка чорловчи, умумбашарий ахлоқий, диний ва ҳуқуқий хикматларига онд асарлари нашр қилина бошланди.

Бой тарихий давлатчилик тажрибамизни, сиёсий-ҳуқуқий меросимизни атрофлича, ҳолисона ўрганиш миллий ҳуқуқий мафкурани шакллантиришда муҳим таянч, битмас-туганмас манба, гоёвий асос сифатида хизмат қилади.

LOGICIANS OF JURISPRUDENCE OF THE EAST

The history of the Uzbek state system is more than three millennia old. The states generated in the territory of Ancient Turan, Movaraunnahr, Turkestan left their appreciable trace in the development of the world culture.

Scientists of ancient India, China, Middle East and of the ancient Greece differently expressed judgments about inter-relations between the person and the society. Tsar of Babylon Hammurapi (750-722 BC) became famous for issuing the law consisting of 285 articles on inter-relations between the state and citizens.

The ancient «Avesta» and books of epoch of the great Kushan empire, Eftalit and Sogdiana are the monuments of the pre-Muslim cultures reflecting rights of citizens and the law in Central Asia.

Prophet Muhammad (s.a.v.) was the founder of bases of the Islamic legislation and the law.

In days of reign of his Four associates, and later of their followers, the legal questions were settled on the basis of the Koran and Sunna – the acts and judgments of prophet Muhammad (s.a.v.) And if dispute went beyond this knowledge the decision was taken on the basis of knowledge and experience of the governor and his environment.

Later, in days of the Arabian conquest (632-751) it became very difficult to govern the states of the Near East, Central Asia, Northern Africa, because citizens of these states were familiar with more progressive economy, higher culture and social relations, i.e. they already lived in socially and culturally developed environment, submitted to the complex government mechanism, possessed agriculturally developed lands and property rights.

In these conditions the existing laws of the Sheriyat did not solve all arising problems. In surahs of the Koran the answer to arising questions was of general character. Sunna reflected not all vital problems. The schools of fikha – Islamic jurisprudence existing in Medina, Iraq, Syria though examined questions of the law, still could not give practical answers to the existing problems.

Therefore there was a necessity for making additional items of the legislation into the Sheriyat, one of which became fetva (common opinion of the Muslim community – dzhamoa).

Azam-Abu Hanifa, Abu Jusuf, imam al-Buhary, imam Molik, imam Shofy, Ahmad Hanbal were developers of additional laws to the Sheriyat on the basis of deep study of the Koran.

The fourth source supplementing the Sheriyat was the comparative analogy, when as a result of comparison, for example, of hadis of Sunna, or ajats of the Koran, one of them in the legal respect was excluded. The comparative analogy expands rights of legislators, enabling to introduce the Sheriyat in all spheres of life and activity. In some periods it gave certain freedom to khakims and to clergy.

Adherents of the Islamic direction «sunna val-dzhamaa» (law schools of Khanafijja, Molikijja, Shofejija, Khanbalijja) settled the problems of the state government on the basis of the Sheriyat and historical experience.

Imam Azam was the greatest jurist who made amendments to the Sheriyat and who introduced the comparative analogy and other legal developments most comprehensible and useful for state and its citizens.

The Islamic laws of the Khanafi approach of the school of imam Azam were developed also by Abu Jusuf Yakub, ash-Shajbony, al-Ashary, al-Motrudy. The most known product in the field of the Islamic jurisprudence is the book by our compatriot Burhaniddin Marginony ar-Rishtony «Hidoja fil-furuf – Shariat». This textbook on the Sheriyat in the Khanafi direction of Islam is acknowledged as the legislative code.

The founder of the school of Molikijja is Molik ibn Anas. The most known his work is «Al-Muvatto». He thinks that it is impossible to explain the Koran and Sunna from the scientific point of view. This school of jurisprudence less uses comparative analogy in practice.

The school of Shofijja aspired to rally the schools of Khanafijja and Molikijja.

The followers of the school of Khanbalijja in their solutions leaned only on the Koran and Sunna and subsequently on the legislative practice of the prophet followers.

After finding independence, the attitude to our historical past has changed. There has appeared opportunity to study and publish lots of works by our great compatriots, to restore their reputations and to erect monuments for them. Amir Temur, Mirzo Ulugbek, Hozha Ahmad Jassavy, Bahouddin Nakshband, Abu Nasr Faroby, Abul Kasim az-Zamahshary, Jusuf Hos Hozhib, Burhaniddin Marginony and others have found their true place in the history.

СУДЕЙСТВО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Как свидетельствует история государственности, право как наука развивалось в теории и практике. В области права и юриспруденции (фикха) как своеобразный институт развивалось судейство.

Казий (назначающий, приказывающий, выносящий решение, исполнительный служащий) – судья в исламском теократическом государстве, назначаемый правителем и действующий на основе шариата.

Первые казии были назначены халифом Умаром ибн Хаттабом (634–644) в Мадине, Басре и Куфе. Впоследствии казии стали появляться во всех крупных городах халифата и даже в воинстве арабских завоевателей во время их священных походов.

Со временем назрела необходимость в Верховном Суде, рассматривающем решения и фетвы казиев.

Казием мог стать любой глубоко образованный, справедливый, благочестивый, благонадежный мусульманин.

Казий всегда был служителем джамаа (мусульманской общины) и был на содержании государства. Зарплата у него была значительной, чтобы не было места любого рода взяткам. Кроме того, ему назначались большие поощрения халифа.

В обязанности казия входили: ведение гражданских и уголовных дел в своем городе или крае; ответственность за соблюдение общественного порядка; рассмотрение при необходимости наследственных вопросов; наблюдение за государственным имуществом, зданиями, дорогами, улицами, площадями; наблюдение за исполнением наследственных поручений; управление брачными делами и вопросами преступления и наказания; наблюдение за правозащитными ведомствами и состоянием тюрем, за сбором и распределением закатов, налогов и другие.

Казиям также поручалось объявление священной войны – джихада, оценка и распределение военных трофеев.

Хоть это и не поощрялось, но зачастую на протяжении множества лет должность занималась по наследству. Среди средневековых ученых самое фундаментальное исследование в области правоведения провел ал-Мовардий. Его труды известны и изучаются во многих странах мира.

Абул Хасан Али ибн Мухаммад ибн Хабиб ал-Мовардий (364–458 г.х. – 964–1058 г.) родился в семье потомственных юристов и первые профессиональные знания и наставления получил у своего отца. Он учился в Багдадской академии у известных знатоков фикха Абу Хамид ал-Исфароний, ас-Сомирий, ал-Бухарий и других.

После окончания Багдадской академии ал-Мовардий служил казием в городах Хурасана и Моварауннахра. Затем был отозван в Багдад и назначен религиозным главой шофеитов. Впоследствии он занимал должности главного Казия и главного визиря халифата.

Как ученый, правовед и политолог он оставил большое научное наследие.

Его книга “Советы для султанов” хранится в Парижском рукописном фонде, она не издавалась.

“Методы достижения побед и берегов точки зрения” находится в рукописном варианте в городе Гута, Нидерланды.

“Политика султанов и законы визирей” издана в Египте в издательстве “Дор-ул-Бусур” в 1929 году.

Самым значительным трудом признана его книга “Законы государственности и шариатское управление”, в которой рассмотрен ряд вопросов по управлению государством. Исходя из изложенных тем, ученые-востоковеды подразделяют книгу на три части: Имомат (идеология); Визорат (управление); Иморат (строительство).

ЎРТА АСРЛАР ДАВЛАТЧИЛИГИДА ҚОЗИЛИК

Зийвуддин ЖЎРАЕВ

Давлатчилик тарихидан маълумки, ҳуқуқ тушунчаси назариётда ва амалиётда кенг қўлланиши баробарида, ривожланиб келаётган фандир. Қозилик эса ҳуқуқ-фикх соҳаси таркибидаги ўзига хос институт сифатида ривожланди.

Қози – (*тайшловчи, буюрувчи, ҳукм чиқарувчи, ижро этувчи, хизматчи*) ҳоким томонидан тайинланган мусулмон теократик давлатнинг ҳукм чиқарувчиси, ажрим этувчиси ва шариат асосида адолатли фатволар чиқариш расм-русмини амалга оширувчи шахс.

Энг биринчи қозилар халифа Умар ибн Хаттоб (634–644) томонидан Мадинада, Басрада ва Куфада тайинланган. Шундан сўнг қозилар йирик шаҳарлар ва вилоятларга, ҳарбий юришлар – ғазотлар вақтида қўшиққа ҳам тайинлана бошланди.

Вақт ўтиши билан уларнинг қарорларини (ҳукмларини, фатволарини) қайта кўриб чиқувчи Олий Суд зарурати пайдо бўлган.

Қозилик лавозимини обрўсига доғ тушмаган, соғлом фикрлайдиган, қобилиятли, идрокли, шариат илмида чуқур билимга эга бўлган ҳар қандай қомил инсон, салоҳиятли мусулмон эгаллаши мумкин бўлган.

Қози жамоанинг хизматида бўлган ва унинг маоши давлат хазинасидан тайинланган. Қози ўзига муружаат қилаётган томонларга тамағирлик қилмаслиги ва улардан на пул, на ҳадя ва на хизматлар қабул қилмаслиги учун унга тайинланган маош етарли даражада бўлган.

Шу билан бирга, қозиларга халифалар қатта миқдордаги нафақалар тайинлашган.

Қозиларнинг мажбуриятларига қуйидагилар қиради: ўзининг шаҳри ёки вилоятидаги барча фуқаролик ва жиноий ишларни олиб бориш, бошқариш; жамоат ахлоқини назорат қилиш; зарурий ҳолларда кишиларга ва мулкларга васийлар (мерос ҳуқуқи)ни тайинлаш; вақф мулкларини назорат қилиш, жамоат бино ва иншоотларини, кўча, йўл ва майдонларнинг ҳолатини назорат қилиш; меросни тақсимлаш (меросни тақсимлашда алоҳида фароиз илми ишлаб чиқилган) ва назорат қилиш ва унга васийларнинг риоя қилишини назорат қилиш; оила-никоҳ ақдомалари ва масала, муаммоларини тўғри олиб борилишини ҳамда жиноят ва жазо беришни бошқариш, ҳуқуқни ҳимоя қилувчи идораларни ва қамокхона тафтишини назорат қилиш; закотни, солиқни йиғиш ва тақсимлашни назорат қилиш ва ҳоказолар.

Қозига бу каби ишлардан ташқари, ҳукмдор томонидан муқаддас уруш–жиход эълон қилиш ва ҳарбий ўлжа (ғанимат)ни баҳолаш, уни тўғри тақсимлашини назоратга олиш мажбурияти ва ваколати берилган.

Қози лавозимига, гарчи бу лавозим наслий бўлиши мумкин эмаса-да, кўп йиллар давомида бир сулола вақиллари сайланган.

Ҳозирги кунда қозилар диний маросимлар, оилавий, шахсий ва қисман жиноий ҳуқуққа тегишли бўлган ишлар мавжуд бўлган шаръий судларни олиб бориш ишларининг бошида туради.

REFEREEING IN THE MEDIEVAL STATE

According to the history of the state, law as a science developed in theory and practice. The refereeing developed as a peculiar institute in the scope of law and jurisprudence (fikh).

Kaziy (fixing, ordering, making decision, executive serving) – is a judge in Islamic theocratic state, assigned by ruler and operating on the basis of the shariat.

The first kaziyas were nominated by caliph Umar ibn Hattab (634-644) in Madine, Basr and Kufa. Later kaziyas became to appear in all large cities of the caliphate and even in the army of the Arabic conquerors during their sacred march.

Some time later there rose necessity in Supreme Court that could consider decisions and kaziy's fetv.

Any deeply formed, equitable, devout, reliable Moslem could become kaziy.

Kaziy always was an usher of jamoa (muslem community) and was supported by the state. His salary was huge so that he would not take any sort of bribes. Besides that, he was given greater encouragements from the caliph.

The kaziy responsibilities included: conducting civil and criminal deals in his city or county; responsibility for observance of the public order and peace; examining when needed all the hereditary matters; observation of the state property, buildings, roads, streets, squares; observation of the performance of the hereditary commission contracts; management of marriage deals and questions of the crime and punishment; observation of the human rights department and condition of jails; observation of collection and distribution of zakats and taxes and others.

Kaziy was also entrusted announcement of the sacred war – jikhad, estimation and distribution of the military trophy.

Although this was not encouraged, but often in the course of many years the same dynasty could keep business in refereeing. Among the medieval scientists the most significant study in the field of law was conducted by al-Movardiy. His works are known and studied in many countries of the world.

Abul Hasan Ali ibn Muhammad ibn Habib al-Movardiy (364-458 year of khidra / 964-1058 AD) was born in the family of hereditary lawyer, and he got his first professional knowledge and edifications from his father. He studied in the Baghdad Academy, his teachers were known connoisseurs of the fikx Abu Hamid al-Isfaroniy, as-Somiriy, al-Bukhariy and others.

After graduating from the Baghdad Academy, al-Movardiy worked as a kaziy in the cities of Hurasan and Movaraunnahr. Then he was summoned back to Baghdad and was nominated as the religious chief of the shofeits. Later he occupied the place of the general kaziy and general vizier of the caliphate.

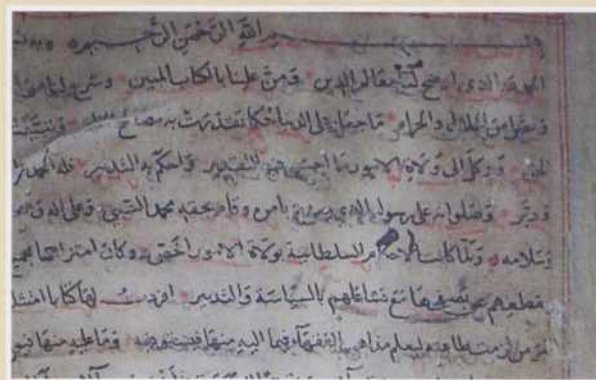
As a scientist, lawyer and political scientist he left the big scientific heritage.

His book «Advices for sultan» is kept in the Parisian Fund of Manuscripts and has not been published yet.

His book «Methods of achieving the victories and coast standpoint» are found in handwritten variant in the city of Guta, the Netherlands.

His book «Policy of sultan and laws of the viziers» is published in Egypt by the publishing house «Dor-str-Busur» in 1929.

His book «Laws of the state and the shariatic management» is recognized as the most significant labour, which considers a number of the questions on the state management. Proceeding from the mentioned themes, the scientist-orientalists subdivide the book into the three parts: Imomat (ideology); Vizorat (management); Imorat (construction).

Ўрта асрларда яшаб ижод этган буюк ҳуқуқшунос алломалардан ал-Мовардий номи бугунги кунда дастлабки давлатчилик тўғрисида мукамал асар яратган шахс сифатида эътироф этиб келинмоқда. Унинг асарлари дунёнинг барча қитъаларида синчиклаб ўрганилиб, амалга тадбиқ этиб келинмоқда.

Абул-Ҳасан Али ибн Муҳаммад ибн Ҳабиб ал-Мовардий (364–458 х.й. – 964–1058 йй.) зиёли оилада таваллуд топган бўлиб, унинг ота-боболари фикхшунос бўлганлар. У илк таълимни отасидан ўрганди, кейинчалик Бағдод академиясида Абу Ҳомид ал-Исфароний, ас-Сомирий, ал-Бухорий ва бошқалардан таълим олди.

Ал-Мовардий Бағдод академиясини муваффақиятли тамомлагач, Хуросон ва Мовароуннаҳр ўлкаларида бош қозилик лавозимларида ишлаган. Сўнг халифа уни Бағдодга чақиртириб, шофеъийна мазҳаби раислигига тайинлайди, кейинчалик уни бош қози ва бош вазир лавозимларига кўтарди.

Абул-Ҳасан ал-Мовардий ижтимоий-сиёсий илмларни батафсил баён қилиб берган машҳур сиёсатшунос олим бўлиб, илм соҳасида бой мерос қолдирган.

Араб файласуфи ибн Халдуннинг фикрига кўра, ал-Мовардийнинг ижтимоий ҳуқуқ бобида яратган қуйидаги асарлари мавжуддир:

«Насиҳат-ул-мулук» («Султонларга насиҳатлар»), Париж кўлёмалар фондида сақланмоқда, нашр этилмаган.

«Тасҳил ан-назар ва таъжил аз-зафар» («Нуктаин назар соҳиллари ва зафар қозониш усуллари»), Сиёсат илми бобидаги давлат бошқарув ҳокимиятининг турлари ва сиёсати ҳақидаги манба. Кўлёмза ҳолатида Нидерландиянинг Гута шаҳрида сақланмоқда.

«Қавонийин-ул-визара ва сиёсат-ул-мулук» («Султонларнинг сиёсати ва вазирликларнинг қонунлари») 1929 йилда Мисрда «Дор-ул-Бусур» матбаасида «Одоб-ул-вазир» («Вазирнинг одоби», «Вазирлик қонуни») номи остида нашр қилинган.

Ал-Мовардийнинг ўрта аср давлатчилиги тарихи тўғрисидаги асосий асарлари «Ал-аҳком ас-Султонийй ва ал-вилоят ад-динийй» («Давлатчилик қонунлари ва шаръий бошқарувлар») деб номланган.

Мазкур асарда давлат бошқарувига оид мавзулар қуйидагича:

Давлат бошқарувчисининг ҳуқуқий шартлари; давлатчилик аҳкомлари; ҳуқуқий тамойиллар; талаблар; чора-тадбирлар; қарорлар; фармонлар; ижроия ишлари; давлат бошлиғи лавозимига сайлов дастурлари; давлат микёсидаги вилоятларнинг тобелликларини таъминлаш; давлат низоми; вазирликлар тизимлари, уларнинг ваколатлари ва турлари; армияни бошқариш; фавқулодда вазирлик ваколатлари; қонун чиқарувчи ҳокимият; ижроия ҳокимият; қозилик (суд ҳокимияти); жиноятчиликка қарши кураш; оила ва никоҳ масалалари; мерос муаммолари; солиқ (жизя) тизимини тартибга солиш; таълим ва тарбия ишларини йўлга қўйиш, соғлиқ ва саломатлик-тиббийёт ишлари; қўшни мамлакатлар билан ички ва ташқи алоқалар; динни ҳимоя қилиш ва дунёвий ишларни юритиш; ер, мулкларни хусусийлаштириш ва бошқариш; суғориш ишларини тартибга тушириш; молиявий масала ва ҳоказолар.

Юқоридагилардан келиб чиққан ҳолда ушбу асарни шарқшунос олимлар уч туркум Имомат; Визорат; Иморотларга ажратишган.

ВОЕННАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВА ХОРЕЗМШАХОВ

В начале второго тысячелетия новой эры Хорезм был могущественным государством. Он вбирал в себя экономически развитые территории Восточной Европы, Иракский Аджам, Китай, а также половину России и Индии, имел крепкую политическую основу и обладал мощной военной силой.

Первоначально армия Хорезмшахов состояла из тюркских воинов, которые составляли боевую основу военной силы государства.

По свидетельству источников, в государстве была внедрена обязательная воинская служба. В 1218 году в воинский состав входило 150 тысяч воинов кавалерии и 100 тысяч пехоты. Помимо постоянных частей Хорезмшахи обладали частями личной охраны, состоящими из мамлюков. Такое воинское подразделение впервые создал Хорезмшах Такеш (1172 – 1200 гг.), личная гвардия которого насчитывала 10 тысяч воинов.

Государство располагало высшим военным управлением «Деван ал-арз дар жумлаи мамалакат» и министром – «сахиби девони ал-арз».

Деван ал-арз занимался управлением отходящими военному ведомству земельными угодьями и водой, учетом денежного содержания армии и различными военными взносами, описанием и проверкой живой силы, военного снаряжения и вооружения. Ведомство следило также за своевременной и правильной выплатой денежного содержания военным.

Вторым по значимости должностным лицом в военном ведомстве считался военный инспектор «нозири ал-жайш», действовавший под надзором министра. Полководцы армии Хорезмшахов имели воинские звания. Полководцами выдвигались известные и способные амиры. Они удаивались не только высоких чинов, но и чести родниться с царственными особами. Например, Хорезмшах Эл-Арслан выдал свою сестру за карлукского амира Шамс ал-мулка и удостоил его звания «ал-мукаддам ал-асокир» – высший полководец. При Хорезмшахе Алауддине Мухаммаде I высшим полководцем был выдвинут принц Абул Фатх Юсуф – правитель и военный командующий области Рай, которому было присвоено звание «амири сахибсилор».

Завоеванные земли Хорезмшахи предоставляли в управление самым именитым местным амирам, удаивали их звания «амир ал-умаро» (амиры амиров).

Командующий десятью тысячами воинов имел звание «малик». Это звание могли получить и выходцы из низших слоев населения. Одним из таких командующих при шахе Алауддине Мухаммаде был Муайид ал-Мулк Кавомиддин малик.

Особо отличившимся в боях маликам присваивалось звание «хан».

Гонцам шахской армии присваивалось звание «човуш», а их начальникам – «мукаддам совушия». Существовали также разведывательные подразделения лазутчиков.

В армии Хорезмшахов существовал также высший религиозный наставник.

Гарнизонами в крепостях командовали «мустахфизы». Охраной спокойствия мирных граждан и исполнением наказаний занимались люди, подчинявшиеся «шихна»мам. «Шихна»мами обычно назначались тюркские военачальники – амиры. «Шихна»мы вмешивались во все дела, связанные с безопасностью правительства, они устанавливали наблюдение за теми, кто провоцировал население против власти. Им вмешалось также наблюдение за завоеванными землями.

Войска шаха имели на вооружении сабли, пики, луки и стрелы, метательные приспособления, орудия осады «черепахи» – так называемые движущиеся минареты, приспособления для разрушения стен, осадные лестницы.

Нападающие и оборонительные части армии выстраивались перед боем следующим образом: передние части – правое крыло – центр – левое крыло – арьергард. За каждым десятитысячным войском следовали их семьи. Женщины также часто вооружались и принимали участие в сражениях. Особо отличившимся присваивались звания. Количество воинов государства Хорезмшахов менялось в зависимости от значимости военного похода.

Перед началом кампании созывался военный совет, куда также приглашались высшие государственные чины, представители религии и астрологи.

Можно сделать вывод, что высшее военное управление государства Хорезмшахов являлось отражением ее государственной системы. К сожалению, огромная империя со временем распалась.

ХОРАЗМШОХЛАР ДАВЛАТИНИНГ ҲАРБИЙ ТИЗИМИ

Севара САБУРОВА

Хоразм милодий иккинчи минг йилликнинг бошларида кудратли давлат бўлган. У Осие ҳамда Шаркий Европанинг иктисодий бақувват ҳудудлари, яъни Ироку Ажам, Хитой, шунингдек, Россия ва Ҳиндистоннинг ярмини камраб олган. Зеро, мазкур мамлакат давлатчилик сиёсатида ҳам ўзига хос мустақкам истеҳкомга, ҳам кудратли кўшинга эга эди. Афсуски, чексиз ҳудудларга эга бу давлат кейинчалик таназзулга юз тутди.

Хоразм шоҳлари армияси дастлаб турк аскарларидан тузилган бўлиб, улар кўшиннинг асосий ва жанговар қисмини ташкил қилар эди.

Маълумотларга кўра, Хоразм шоҳлигида мажбурий ҳарбий таълим тизими жорий қилинганди. 1218 йилда кўшин таркиби 150 минта яқин отлик, 100 минг пиёда аскардан иборат бўлган.

Хоразм шоҳлари доимий қисмлардан ташқари шахсий муҳофаза кўшини (харас)га ҳам эга бўлиб, улар мамлуклардан тузилган эди. Бундай кўшинни дастлаб Хоразмшоҳ Такеш (1172–1200) тузган, унинг шахсий кўшинида 10 минг киши бўлган.

Давлатнинг олий ҳарбий бошқарув идораси «девони арз дар жумлаи мамолик (мамлакат)» дейилиб, унинг бошлиғи соҳиби девони ал-арз (ёки соҳиби девони ал-жайш, ёки ариз ал-жайш) ҳисобланарди.

Девони ал-арз ҳарбийларга қарашли ер-сувлар (иктоъ), маош ва турли тўловлар, шунингдек, аскарларни рўйхатга олиш, қурол-яроғларни текшириш ишлари билан шуғулланган. Девони ал-арз ҳарбийларга (мутажанныда) белгиланган маошни (маважиб, арзак) ўз вақтида бериб турилишини, маошнинг тўғри тақсимланишини назорат қилар эди.

Хоразм шоҳлари кўшинидаги иккинчи лавозим ҳарбий инспектор (нозири ал-жайш) бўлиб, у ҳарбий девонхона бошлиғи назорати остида фаолият кўрсатар эди.

Хоразм шоҳлари лашкарларининг қўмондонига «қоьид» ёки «мукаддам» деган унвон берилган. Бунга машҳур ва энг қобилиятли амирлар нозил бўлар эди. Масалан, Хоразмшоҳ Эл-Арслан қарлук амира Шамс ул-мулк ибни Хусайн Айёрбекка сингисини узатиб, «ҳарбий қўмондон» (ал-мукаддам ал-асокир) қилиб тайинлаган. Алоиддин Мухаммад I вақтида Рай ўлкасининг беки ва ҳарбий қўмондони этиб шахзода Абул Фатх Юсуф тайинланган бўлиб, унинг унвони «амири сипаҳсолор» эди. Ўлкалардаги ҳарбий қўмондонларга – «соҳиби алжайш» унвони берилган.

Хоразм шоҳлари янги забт этилган ўлка ёки вилоят ерларини амирларга иктоъ тариқасида тақсимлаб, маҳаллий амирлар орасидан энг кўзга кўринганини уларга бошлик қилиб тайинлаган ва уларга «амир ал-умаро» (амирлар амира) номи берилган.

Ўн минг кишилиқ суворийлар гуруҳи қўмондони «малик» унвонига эга бўлган. Айрим ҳоллардагина мазкур унвон паст табақадан чиққанларга берилган. Масалан, шоҳ Алоиддин Мухаммад даврида оддий халқ орасидан чиққан Муайид ал-Мулк Кавомиддин малик унвонини олган.

Жангларда алоҳида ўзини кўрсатган маликларга хон унвони берилган.

Хоразм шоҳлари кўшинидаги чопарларга «човуш» унвони, уларнинг бошлиғига эса «мукаддам совушия» деган ном берилган. Махсус хуфия ва айғокчилар бўлинмалари – жосусия мавжуд эди.

Хоразм шоҳлари армиясида диний ҳакам (қозий ҳашам ва лашқарий ҳазрат ёки қози-ял асокир) мавжуд эди.

Қалъалардаги гарнизонларга «мустақфиз»лар қўмондонлик қилган. Аҳоли тинчлигини сақлаш ва жазолаш ишлари билан эса «шихна»лар ўз одамлари ёрдамида шуғулланган. Одатда шихна лавозимига туркий ҳарбий бошлиқлар – амирлар тайинланган. Хукуматга хавфли бўлган барча ишларга шихна аралашган, аҳолини тузумга қарши қўювчилар ортидан қаттиқ кузатув олиб борган. Забт этилган барча вилоят, шаҳар ва қишлоқларга шихналар ҳам тайинланган.

Шоҳ қўшинлари уруш қуроллари – қилич, найза, ўқ-ёйдан ташқари, палахмон (манжаник), қамал қилиш машиналари «тошбақалар» (даббат), яъни юрадиган миноралар (матарис), девор бузувчи мосламалар (жамалукат) ҳамда ҳужум вақтида ишлатиладиган нарвонлар (салалим)га эга эди.

Қўшиннинг ҳужум қилувчи ва мудофаа қилувчи қисмларининг жанг вақтидаги ҳаракат тартиби қуйидагича бўлган: олдинги қисм – ўнг қанот – марказ – чап қанот – ортки қисм (арьергард) ва ўраб олувчи қисм (муқаддама ёки ёзоқ – маймана – қалб – майсара – муаххара ва ҳафя). Ҳар ўн минг кишилик гуруҳ кетидан аскарларнинг оилалари юрган, чунки кўп жанглarda аёллар қурол-аслаҳа тақиб қатнашар эдилар. Жанглarda ўзини қўрсатганларга унвон берилган. Хоразмшоҳлар давлатидаги қўшинлар сони, шоҳларнинг ҳарбий юришларининг кўламига қараб ўзгариб борган.

Уруш бошланишидан аввал ёки эълон қилинган вақтда ҳарбий кенгаш чақирилиб йирик ҳарбий арбоблар, уламолар, фақиҳлар ва мунажжимлар тақлиф қилинган.

Хулоса қилиб айтганда, Хоразмшоҳлар давлатининг энг олий ҳарбий бошқарувида тақомиллашган тизим қарор топган эди.

MILITARY SYSTEM OF THE STATE OF THE KHOREZM SHAHS

In the beginning of the second millennium of new era, Khorezm was a powerful state. Its area incorporated economically advanced territories of the Eastern Europe, Iraq Adzham, China, as well as half of Russia and India. It had a strong political basis and possessed powerful military force.

Initially, the army of Khorezmshah consisted of the Turkic soldiers who formed a fighting basis of the military force of the state.

According to the sources, the obligatory military service was introduced in the state. In 1218, the military structure included 150 thousand soldiers of the cavalry and 100 thousand soldiers of the infantry. Except permanent military units, the Khorezmshahs had personal bodyguard units consisting of mamluks. Such military division for the first time was created by Khorezmshah Takesh (1172-1200) whose personal guards totaled 10 thousand soldiers.

The state had the supreme military control «Devan al-arz dar zhumiai mamalakat» and the minister «sahibi devoni al-arz».

«Devan al-arz» was engaged in managing the military department lands and water, in accounting of the monetary funds of the army and various military payments, inventory and check-up of live force, military equipment and arms. The department was also in charge for duly and appropriate monetary payment to the military staff.

The second important official in the military department was a military inspector «noziri al-zhahsh», working under supervision of the minister. The commanders of the army of the Khorezmshahs had military ranks. The commanders promoted known and capable amirs. They received not only high ranks but also honour to become related with regal persons. For example, the Khorezmshah El-Arslan married his sister to the Karluk amir Shams al-mulk and awarded him with title «al-mukaddam al-asokir» - the supreme commander. During the reign of Khorezmshah Alauddin Muhammad the first, prince Abul Fatkh Jusuf, the governor and the military commander of the area Rai, was appointed as the supreme commander and awarded the title «amiri sahibsilor».

The Khorezmshahs gave the conquered lands to the most eminent local amirs for government, and awarded them with title «amir al-umaro» (amir of amirs).

The commander of ten thousand soldiers had a rank «malik». This rank could be given to those from lower classes of the population. One of such commanders during the reign of the shah Alauddin Muhammad was Muajid al-Mulk Kavomiddin malik.

The maliks who especially distinguished themselves in battles were awarded the title «khan».

The messengers of the shah armies were awarded the title «chovush» and their chiefs were awarded title «mukaddam sovushija». There were also prospecting divisions of spies.

The army of the Khorezmshahs also had a supreme religious instructor.

Soldiers in fortresses were commanded by «mustakhfiz». People submitting to «shihna» were engaged in protection of peaceful citizens and execution of punishments. «Shihna» were usually appointed from the Turkic military leaders – amirs. «Shihna» interfered with all affairs connected to safety of the government; they established supervision over those who provoked the population against the authority. They were also in charge for the supervision over the conquered lands.

The armies of the shah were armed with sabers, lances, bows and arrows, missile weaponry, siege instruments «turtles» - so-called moving minarets, facilities for destruction of walls, siege ladders.

Before the battle, the attacking and defensive parts of the army built as follows: front parts - right wing - center - left wing - rear-guard. After every ten thousand army there followed their families. Women were also frequently armed and took part in battles. Those especially excellent were awarded appropriate titles. The quantity of soldiers of the state of the Khorezmshahs varied depending on the importance of the military campaign.

Before the beginning of the campaign, the military council was summoned where the supreme state officials, representatives of religion and astrologists were also invited.

One can make a conclusion that the supreme military control over the state of the Khorezmshahs was a reflection of its state system. Unfortunately, as times went by the huge empire fell to pieces.

ХАТУН

ПРАВЯЩИЕ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕТЮРКСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Шамсиддин КАМОЛИДДИН

Хотун

КАДИМГИ ТУРКИЙ МАЛИКАЛАР

Милодий VI асрнинг иккинчи ярмида Марказий Осиё худудида ташкил топган Буюк Турк хоқонлиги даврида Туркистоннинг сиёсий, ижтимоий ва маданий ҳаётида олий зотли аёллар давлат ишларида фаол иштирок этиб, айримлари эса маълум вақтларда давлат ишларини ҳам бошқарганлар. VI–VII асрларда Туркистоннинг Самарқанд, Бухоро, Шош, Панжикент, Фарғона, Сағаниён ва бошқа вилоятларида зарб этилган мис тангаларда подшоҳнинг сурати билан бирга маликанинг сурати акс эттирилган. Шуниси диққатга сазоворки, бу тиндаги, яъни подшоҳ ва малика суратлари туширилган тангалар VI–VII асрларда фақат Туркистон ва Византияда муомалада бўлган. Бу эса Византия империясида маликаларнинг тутган ўрни кандай юқори бўлган бўлса, Туркистонда ҳам худди шундай бўлганлигидан гувоҳлик беради.

Туркистонда “хотун” (қадимги туркчада – qatun) деб подшоҳнинг онаси ёки унинг биринчи ва иккинчи хотинлари бўлмиш хонзода аёллар аталган. Қадимий урф-одатларга кўра, подшоҳнинг онаси деганда, унинг туккан онаси эмас, балки «катта онаси», яъни отасининг биринчи хотини назарда тутилади. Тахт меросхўри отасининг вафотидан кейин ўзининг «катта онаси»га расмий равишда (албатта, рамзий маънода) уйланган. Чунки подшоҳнинг катта онаси, яъни “Биринчи Хотун” давлат ишларида фаол иштирок этган. Бинобарин, подшоҳнинг вафотидан кейин саройда муносиб эркак меросхўр йўқ бўлса, қонун бўйича тахтни «Биринчи Хотун» эгаллаган.

Афросиёб харобаларида сақланиб қолган подшоҳ саройининг деворларидан бирида қайиқда сайр қилиб юрган бир ғуруҳ аёллар, олимларнинг фикрича, Самарқанд подшоҳига келин бўлиб тушган турк хоқонининг қизи ўз қанизақлари билан сайр қилиб юргани акс эттирилган. Турк хоқонлиги даврида турклар билан Ўрта Осиёнинг бошқа халқлари, шу жумладан, суғдлар билан никоҳ битимлари тузиш кенг тарқалган. Турк келинларини одатда «Хотун», яъни «подшоҳнинг хотини» ёки «малика» деб аталган. Кейинчалик бу туркча сўз суғд ва бахтар тилларига худди шу маънони англаган ҳолда ўтган.

Милодий VII асрнинг иккинчи ярми ва VIII асрнинг биринчи ярмида Панжикентда мис тангаларга туширилган подшоҳ ва маликанинг суратлари остида «MLK» – «Малика» сўзи зарб этилган. Насронийларнинг суғд тилида ёзилган ҳужжатига «биринчи малика» номи билан «хотун» номи ёнма-ён берилган. Зеро, бу икки ном ҳам бир шахсга тегишли бўлиши мумкин.

Ўрта асрларда араб тилида ёзилган айрим манбалардаги маълумотларга кўра, араблар VII асрнинг ўрталарида Туркистон худудларига бостириб келганларида, бу ердаги айрим вилоятларда подшоҳнинг ўрнида маликалар ҳукмронлик қилганлар. Масалан, араб тарихчиси Мутаҳҳар ибн Тохир ал-Макдисиининг хабар беришича, ҳижрий 54 (673-04) йилда Хуросон амири Убайд Аллоҳ ибн Зиёд 24 минг аскардан иборат бўлган катта қўшин билан Фатух Хотун исмли малика ҳукмронлик қилаётган Тоҳаристон вилоятига юриш қилади ва уни талон-торож қилади. Шундан кейин Фатух Хотун араблар билан сулҳ тузиб, катта солиқ тўлашга мажбур бўлади.

Убайд Аллоҳ ибн Зиёд Тоҳаристонни забт этганидан кейин, Амударёнинг шимолий қирғоғига кечиб ўтиб, Бухоро томон йўл олиб, Пойканд ва Ромитан шаҳарларини босиб олади. Ўша вақтда Бухорода Хутак Хотун исмли малика ҳукмронлик қилар эди. Наршахийнинг хабар беришича, Хутак Хотун Бухоро тахтига “бухор-худог”, яъни Бухоро подшоҳи Бидун вафотидан сўнг ўтирган бўлиб, 15 йил давомида ҳукмронлик қилган. Хутак Хотун донолик билан ҳукмронлик қилгани учун халқ унга итоатда бўлган.

Убайд Аллоҳ ибн Зиёд Бухорога бостириб келганида Хутак Хотун олий Турк хоқонининг хузурига элчи юбориб, ундан арабларга қарши курашда ёрдам сўрайди. Турк хоқони ўзининг аскарлари билан тезда Бухорога етиб келиб, араблар билан жанг қилади, лекин мағлубиятга учраб, қочишга мажбур бўлади. Шуниси қизиқки, Турк

Во второй половине VI в. н.э. в глубинах Азии образовалось новое государственное образование – Тюркский каганат, превратившийся вскоре в одну из самых могущественных империй мира. Просуществовав немногим более ста лет, эта империя вскоре была ослаблена непрекращающимися междоусобицами и внутренними противоречиями, в результате чего в середине VII в. была разгромлена войсками не менее могущественной Китайской империи и превратилась в политически раздробленную страну. Когда арабы, разгромившие империю Сасанидов, приблизились к границам Туркестана, они застали здесь целый ряд больших и малых владений, тюркские правители которых были фактически независимы и лишь номинально подчинялись политической власти верховного тюркского кагана.

Известно, что у древних тюрков женщины занимали очень высокое положение как в семье, так и в политической, общественной и культурной жизни общества в целом. Так, они принимали активное участие в государственных делах, а некоторые из них в определенные периоды истории занимались управлением страны. Поэтому на медных монетах, выпускавшихся в VI – VII вв. в различных областях Туркестана, рядом с изображением правителя часто можно видеть и изображение его супруги – *хатун*. Такие монеты с парным изображением супружеской четы правителей чеканились в таких областях, как Самарканд, Бухара, Шаш, Панджикент, Фергана, Чаганиан и др. и удовлетворяли главным образом потребности внутреннего рынка. Такие же монеты с изображением императора и императрицы выпускались в VI – VII вв. и в Византии.

По данным источников, около 568 г. н.э. в Константинополь ко двору византийского императора Юстина II прибыло посольство тюркского кагана, впервые установившее дипломатические отношения между Туркестаном и Византией. После этого византийский император также несколько раз отправлял посольства ко двору великого тюркского кагана. Является примечательным факт, что монеты такого типа с парным изображением супружеской четы не были до этого известны ни в одной другой стране. Следовательно, можно предполагать, что такие монеты имели обращение только в Туркестане и Византии. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что между этими двумя могущественными империями эпохи раннего средневековья существовали тесные политические, экономические и культурные взаимосвязи. Как в Византии, так и в Туркестане супруги правителей занимали высокое положение в жизни общества и принимали активное участие в управлении государством.

Царицы в Туркестане назывались *хатун* (древнетюрк. qatun) и этот титул имели право носить только супруги верховных тюркских каганов и тюркских правителей отдельных областей Тюркского каганата. Обычно этот титул прибавлялся к имени матери и первой или второй жены правителя. Под «матерью» правителя подразумевалась не родная его мать, а «старшая мать», т.е. старшая супруга его отца. Согласно законам древнетюркского общества, наследник престола после

смерти своего отца имел законное право жениться на его старшей супруге, т.е. своей старшей матери. Однако, этот брак имел лишь символическое значение. В основе этого обычая, по всей вероятности, лежали политические мотивы, т.к. старшая мать правителя занимала самую высокую ступень в женской иерархии двора кагана, носила титул «первой *хатун*» или «главной *хатун*» и принимала активное участие в управлении делами государства. Если после смерти царя в его дворе не находили достойного наследника престола, «первая *хатун*» имела право сама занять царский трон.

В настенной росписи одного из главных залов дворца правителя на городище Афросиаб центральное место занимает группа женщин, направляющихся на прогулку в лодке. По мнению исследователей, в этой сцене изображена тюркская принцесса, вышедшая замуж за согдийского ихшида, в окружении своих приближенных. В эпоху Тюркского каганата имело широкое распространение заключение брачных связей между тюрками и другими народами Средней Азии, в том числе и с согдийцами. Тюркские принцессы, вышедшие замуж за удельных правителей, как правило, имели трудные для произношения тюркские имена и поэтому их обычно называли просто «хатун», т.е. «супруга правителя» или «царица». Впоследствии это тюркское слово с этим же значением перешло в согдийский и бактрийский языки.

Согдийские надписи на медных монетах с изображением царской супружеской четы, имевшие хождение во второй половине VII – первой половине VIII вв. в Панджикенте, передают слова «MLK», т.е. царь и «хатун» - царица. На панджикентских монетах запечатлены еще два согдийских женских титула, один из которых также передает значение «первая царица», а второй – «старшая госпожа». Первый из них относился к матери царя, а второй – к его старшей супруге. В одном из христианских документов на согдийском языке женские титулы «первая царица» и «хатун» переданы рядом, из чего можно заключить, что оба эти титула могли принадлежать одному и тому же лицу.

По данным некоторых источников, когда в середине VII в. арабы вступили в пределы Туркестана, в некоторых из его владений вместо царей правили именно царицы. Так, согласно ал-Мутаххару ибн Тахиру ал-Мақдиси, арабский военачальник Убайд Аллах ибн Зийад, назначенный в 54 г.х.(673-674 гг.) наместником Хурасана, выступил во главе 24-х тысячной армии из Мерва в Тохаристан. В этой области, расположенной в среднем и верхнем течении Амударьи, в то время правила царица по имени Фатух-хатун, которая направила против арабов свои войска. Убайд Аллах ибн Зийад нанес поражение ее войскам и 7 раз прошелся вдоль и поперек Тохаристана, грабя его население. После этого Фатух-хатун была вынуждена заключить мирный договор с арабами и согласилась выплатить им обременительную дань, которую они от нее требовали.

KHATUN THE RULING QUEENS OF ANCIENT TURKISTAN

In the second half of VI c. in Inner Asia formed new statement – Turkish *kaganate* (Turkistan), which became soon one of the greatest empires of the world. This empire existed only about 100 years and then it was weakened in the result of numerous interior conflicts and local wars. In the middle of VII c. AC The Turkish *kaganate* was crushed by the Chinese army and became politically fragmented country. When the Arabs after the conquest of the Sasanid empire approached to the borders of Turkistan, they have found there a number of regions ruled by Turkish rulers, who were in reality independent and only nominally recognized the political power of supreme Turkish *kagan*.

As it is known, the women and femine elite of ancient Turks occupied very high position as in the family, as, as in the political, social and cultural life of ancient Turkish society. So, they took active part in the ruling of state affaires, and some of them in certain periods of history ruled states and countries. Therefore, on the copper coins minted in VI – VII centuries AC in different regions of Turkistan, nearby the portrait of the king we can see the portrait of his wife – *khatun*. Such coins with doble portrait of the king and queen minted in Samarqand, Bukhara, Shash, Panjikent, Fergana, Chaganian and they were used mainly for the needs of interior markets. The same type of coins with the portraits of emperor and empress minted in VI – VII centuries AC in Byzantium. According to the data of textual sources, in 568 AC to the royal yard of the Byzantine emperor Yustin II in Konstantinopole arrived the embassy of the Turkish *kagan*, which for the first time established diplomatical relations between Turkistan and Byzantium. After the Byzantine emperor several times sent his embassies to the yard of supreme Turkish *kagan*. It should be marked that such type of coinage with the portraits of king and queen was not known before in any other country. Consequently, we can suppose that such coins used only in Turkistan and Byzantium. And this in turn testifies that there were very close political, economical and cultural relations between the two great empires of early medieval time. As in Byzantium, as in Turkistan the wives of the rulers and femine elite occupied very high position in the life of society and took active part in the process of ruling of the state affairs.

The queens of Turkistan were named *khatun* and this high femine title was used only by the mother and the wives of supreme Turkish *kagan* and the wives of Turkish rulers of the regions. Usually this title was added to the name of the first or the second wife of the ruler. The “mother” of the ruler meant not his native mother, but «elder mother», i.e. elder wife of his father. According to the low of ancient Turkish society, the heir of the throne had legal right to marry on the elder wife of his father, i.e. his elder mother. However, this kind of marriage had symbolic value. On its basis probably lied political reasons. Because the elder mother of the ruler occupied very high place in the femine hierarchy of the *kagan's* yard, she had the title «the first *khatun*» or «the main *khatun*» and took active part in the process of ruling of state affaires. In the case if there was no fitting person as a heir of the throne, «the first *khatun*» had a right to occupy the king's throne herself.

The central place of the wall painting made in the hall in the palace of king in the Afrasiab ruins occupied the group of the women, who were walking in the lake on the boat. It was supposed, that in this scene had been described the Turkic princess, who married on the Sogdian king with her close women. In the times of Turkish *kaganat* were widely spread the marriages between the Turks and other peoples of the region, including the Sogdians. The Turkic princesses married on the local kings often had the names difficult for pronunciation, therefore they named shortly «*khatun*», i.e. «the wife of the king» or «the queen». Later this word entered to use in the Sogdian and the Bactrian languages.

The Sogdian inscriptions on the copper coins with a picture of the married couple, which used in the second half of VII century and the first half of VIII century in Randjikent, had two words – «MLK», i.e. «the king», and «*khatun*» – «the queen». In the coins of Pandjikent were fixes also two another woman's titles, which means «the first queen», and the second – «the first lady». First of them used by the mother of the king, and the second one – by the first wife of the king. In one of the Christian documents, written in Sogdian, the both titles mentioned together. It means, that they could be used by the same person.

According to the data of some textual sources, in the middle of VII century, when the Arabs entered through the borders of Turkistan, the queens were ruled in some of its regions. So, al-Mutahhar ibn Tahir al-Maqdisi writes, that the Arab commander 'Ubayd Allah ibn Ziyad, who was appointed in 54/673-74 as a governor of Khorasan, set out with his army from Marw city to Tokharistan. A that time in this region situated in the middle and upper flow of Amudarya river ruled

хокони Бухорога хотини Кабаж Хотун билан бирга келган экан. Шундан сўнг Хутак Хотун араблар билан сулҳ тузишга ва улар талаб қилган солиқни тўлашга мажбур бўлади.

Абу Жъффар ат-Табарийнинг хабар беришича, 61 (680-81) йилда Хуросон амираи этиб тайинланган араб саркардаси Салм ибн Зиёд яна Бухоро томон юриш қилади. У ўзи билан рафикаси Абд Аллох кизи Умм Муҳаммад исмли аёлни олиб боради. Бундан хабар топган Бухоро маликаси Хутак Хотун яна Турк хокони хузурига элчи юбориб, уни ёрдамга чақиради. Хутак Хотун Турк хоконига ёзган мактубида у билан никоҳ битими тузишга ва ўз ерларини унинг мамлақати билан бирлаштиришга рози эканлигини хабар беради. Турк хокони яна катта қўшин билан Бухорога етиб келиб, араблар билан қаттиқ жанг қилади. Лекин турклар яна мағлубиятга учраганидан кейин, Хутак Хотун араблар билан яна сулҳ битими тузишга мажбур бўлиб, уларга жуда ҳам оғир солиқ тўлашни ўз бўйига олади.

Бухорони ишғол қилгандан кейин, Салм ибн Зиёд Самарканд томон йўл олади. Йўлда унинг хотини Умм Муҳаммад ўғил қўриб, унинг исмини ас-Сугдий деб қўядилар. Айтишларича, Умм Муҳаммад Мовароуннаҳр гупронига қалам босган биринчи араб аёли бўлган экан.

Шундай қилиб, ўрта аср манбаларида «хотун» лақабли учта малика ҳақида маълумотлар келтирилган. Улардан бири Фатух Хотун – Тохаристон маликаси, иккинчиси Хутак Хотун – Бухоро маликаси, учинчиси эса Кабаж Хотун – Турк хоконининг хотини.

Абу Жъффар ат-Табарий асарига араб истилосига қадар Туркистонда хонзода аёлларнинг жамиятда тутган ўрнини таърифловчи яна бир ҳикоя келтирилган. Унда ёзилишича, 121 (740) йилда араб саркардаси Наср ибн Саййор Фарғонага бостириб келганда, Сулаймон исмли бир арабин Фарғона подшоҳининг хузурига сулҳ битими тузиш учун юборди. Сулҳ тузилгандан сўнг, Фарғона подшоҳи араб элчиси билан бирга гаров сифатида ўзининг онасини Наср ибн Саййор хузурига юборди. Асарда Фарғона маликасининг исми қайд этилмаган, лекин шунга айтиш керакки, унинг лақаби ҳам «хотун» бўлган. Ақд-заковатли бу аёл подшоҳ саройида «давлат ишларини бошқарувчи малика» лавозимини эгаллаган.

Фарғона маликаси элчи билан бирга Наср ибн Саййорнинг хузурига келганда, Наср у билан таржимон орқали суҳбатлашади. Шунда кекса малика Наср ибн Саййорга куйидаги маслаҳатларни беради:

«Хар қандай подшоҳ куйидаги нарсаларга эга бўлиши шарт: Биринчидан, подшоҳнинг бир содиқ вазири бўлиши керакки, подшоҳ ўзининг махфий режаларини ва давлат ишларидеги сирларини у билан баҳам кўра олсин, кўнглида йиғилиб қолган гапларни унга бемаълум айта олсин, у билан фикр алмашиб, ундан бамаъни ва эзгу ниятли маслаҳат оладиган бўлсин ва унинг садоқатли эканлигига тўла ишонч ҳосил қилсин. Иккинчидан, подшоҳнинг шундай ошпази бўлиши керакки, агар подшоҳ оғзида маза билмай қолиб, овқат тановул қилишдан бош тортганда, унинг кўнглидаги хоҳишини топиб, у истаган таомни тайёрлаб бера олсин. Учунчидан, подшоҳнинг шундай рафикаси бўлиши керакки, подшоҳ унинг олдида маънос ҳолда кириб келганда, унинг юзига боқиб, ҳамма гам-ташвишларини нуғтиб юборсин. Тўртинчидан, подшоҳнинг шундай қалъаси бўлиши керакки, подшоҳ кўнглини ваҳима босиб, ҳаёти хавф остида қолганда, шу қалъанинг ҳимояси остига кириб, хавф-хатарлардан қутулиб қолсин. Бешинчидан, подшоҳнинг шундай қиличи бўлиши керакки, подшоҳ ўзи билан кучи тенг ва ўзига муносиб рақиблар ва душманлар билан жанг қилганда, унинг дарз кетмаслигига ишона олсин ва ноилго аҳволга тушиб қолмаслигидан кўнгли тўқ бўлсин. Олтинчидан, подшоҳнинг шундай бир қимматбахо нарсаси бўлиши керакки, подшоҳ қаерда бўлмасин, уни доимо ўзи билан бирга олиб юрсин; агарда у мушкул аҳволга тушиб қолгудек бўлса, бу бойлик унинг оғир қунига яраб, қийинчиликдан қутқаришга асостсин».

Мазкур маслаҳатларни малика, шубҳасиз, ўзининг ўғли, яъни Фарғона подшоҳига ҳам ўз вақтида берган, албатта.

Қадимги турклар жамиятида аёлларнинг тутган ўрни ҳақида тарихий топонимия материаллари ҳам далолат беради. Масалан, Енисей ҳавзасидаги Уюк ва Турон vodiylarida топишган қадимги туркий битикларда Эпок Катун номи жой қайд этилган. Қадимги туркий топонимлар орасида Катун Сини номи шаҳар ҳам бўлган. Олтойдаги бир дарё ўзининг қадимий Катун номини хозиргача сақлаб қолган. Тянь-Шань тоғларида ҳам Катун-арт номи бир тоғ мавжуд. Бу жой номиларининг ҳаммаси келиб чиқиши буйича айнан «малика», «хоним», «бегим» ва «хукмдорнинг рафикаси» маъносидеги «кату» ёки «хотун» сўзи билан боғлиқдир.

Демак, араблар истилосига қадар Туркистонда хонзода аёлларнинг мавқеи баланд бўлган. Бундан нафақат ёзма манбалар, балки ашёвий ёдгорликлар ва жой номилар ҳам далолат беради. Хонзода аёллар зарур бўлганда тахтни ҳам эгаллаб, давлат ишларини муваффақиятли бошқарганлар. Шунинг учун ҳам Туркистон, яъни Марказий Осиё минтақасида яшаган халқлар – турк, суғд, хоразм ва бактрияликларда аёллар қадимдан қадрланиб, уларга катта ҳурмат билан қаралган.

В том же 54 г.х. (673-674 гг.) Убайд Аллах ибн Зийад переправился из Тохаристана на правый берег Амударьи и выступил на землю Мовароуннахра. Арабские войска выступили в сторону Бухары и завоевали Пайканд и Рамитан. В то время в Бухаре правила царица по имени Хутак-хатун. Когда Убайд Аллах ибн Зийад подступил к Бухаре, Хутак-хатун отправила посланника к тюркскому хакану, прося его оказать ей военную помощь в борьбе против арабов. Тюркский хакан вскоре прибыл со своими войсками в Бухару и вступил в сражение с арабами, но потерпел поражение и вынужден был бежать. Примечательно, что тюркский хакан прибыл для ведения войны с арабами в Бухару вместе со своей супругой Кабадж-хатун. По данным Наршахи, Хутак-хатун заняла царский трон в Бухаре после смерти своего супруга бухархуда Бидуна и находилась у власти в течение 15 лет. Говорят, что во время ее царствования во всей Бухаре не было человека умнее, она мудро правила страной и поэтому все подданные повиновались ей. Хутак-хатун, так же как и другие удельные правители Тюркского каганата, являясь законными властителями своих земель, пользовалась относительной самостоятельностью и находилась под защитой верховного тюркского хакана. После того, как тюркский хакан бежал, Хутак-хатун вынуждена была вступить в переговоры с арабами и выплатить им требуемую от нее дань.

По данным ат-Табари, в 61 г.х. (680-681 гг.) другой арабский полководец Салм ибн Зийад, назначенный наместником Хурасана, совершил новый поход в Бухару и взял с собой свою супругу по имени Умм Муҳаммад бинт 'Абд Аллах. Узнав об их приближении, Хутак-хатун вновь отправила посланника к хакану, призывая его на помощь. В своем письме к хакану она сообщила, что согласна заключить с ним брачный договор и присоединить свои земли к его владениям. Тюркский хакан вновь прибыл с большим войском в Бухару и вступил в ожесточенное сражение с арабами. Но тюрки вновь потерпели поражение и Хутак-хатун опять была вынуждена заключить мирный договор с арабами, обязавшись выплатить дань еще большего размера, чем от нее требовали ранее.

После взятия Бухары Салм ибн Зийад направился в Самарканд. В пути его супруга Умм Муҳаммад родила ему сына, которого он назвал ас-Сугди, т.е. Согдиец или Согдийский. Говорят, что Умм Муҳаммад была первой арабской женщиной, вступившей на землю Мовароуннахра. Когда арабы заняли Самарканд, Умм Муҳаммад попросила супругу местного правителя одолжить ей одно из своих украшений. Тогда царица Самарканда отдала ей свою корону, которая была самой драгоценной из всех ее украшений. Умм Муҳаммад взяла корону, но не вернула ее и увезла с собой в Мерв.

Таким образом, в письменных источниках приводятся сведения о трех тюркских царицах, носивших высокий женский титул *хатун*: Фатух-хатун – царица Тохаристана, Хутак-хатун – царица Бухары, и Кабадж-хатун – супруга тюркского хакана, а также упоминается супруга правителя (*ихшида*) Самарканда, имя которой не приводится.

В историческом сочинении ат-Табари приводится еще один эпизод, характеризующий высокое положение, которое занимали женщины в жизни общества в эпоху Тюркского каганата. Согласно его данным, в 121 г.х. (740 г.) арабский военачальник Наср ибн Саййор вступил со своими войсками в Фергану и отправил своего человека по имени Судайман к царю Ферганы, чтобы заключить с ним мирный договор. После того, как договор был заключен, царь Ферганы отправил вместе с арабским посланником к Насру ибн Саййору свою мать в качестве гаранта соблюдения условий договора. Имя этой царицы в труде ат-Табари не приводится, но известно, что она также носила женский титул *хатун*.

Когда царица Ферганы прибыла вместе с арабским посланником к Насру ибн Саййору, последний вступил с ней в беседу при помощи переводчика. Тут пожилая царица

продемонстрировала остроту своего ума и дала Насру ибн Сайяру такие советы: «Каждый царь должен обладать следующим: во-первых, у царя должен быть такой верный визирь, чтобы он мог делиться с ним своими тайными планами и секретами государственных дел, свободно мог говорить ему о словах, накопившихся в его душе, обмениваться с ним мнением и получать от него разумные и искренние советы и быть полностью уверенным в его верности. Во-вторых, у царя должен быть такой повар, чтобы он, когда царь теряет вкус во рту и отказывается от принятия пищи, мог бы найти то, что может воспринять его душа и приготовить желанное ему блюдо. В-третьих, у царя должна быть такая жена, чтобы она, когда царь приходит к ней опечаленный, могла бы обратиться с ним ласково и заставить его забыть о заботивших его тревогах. В-четвертых, у царя должна быть такая крепость, чтобы она, когда царя окутывает страх и жизнь его окажется под угрозой, могла бы взять его под свою защиту и спасти его от опасностей. В-пятых, у царя должен быть такой меч, чтобы он, когда вступает в бой с равным и достойным себе соперником или противником, мог быть уверен, что меч его не подведет, не сломается и не поставит его в безвыходное положение. В-шестых, у царя должна быть такая драгоценная вещь, чтобы где бы он ни был, она всегда была с ним, а если он окажется в трудном положении, могла бы пригодиться ему и помочь выбраться из беды».

Эти данные показывают, что мать царя Ферганы была очень мудрой женщиной. При дворе правителя она занимала должность «царицы, управляющей государственными делами». Эти же советы она, несомненно, должна была давать в свое время и своему сыну, царю Ферганы, так же как и другим отпрыскам царской семьи, имеющим право на наследование царского престола. Вместе с тем, она принимала активное участие в управлении делами государства вместе со своим сыном и оказывала непосредственное влияние при решении важных политических вопросов.

О большой роли женщины в древнетюркском обществе свидетельствуют и данные исторической топонимики. Так, в енисейских рунических памятниках из долины рек Уюк и Туран (Уюк-Туран) упоминается местность Эюк-Катун. Среди древнетюркских географических названий упоминается также город Катун-Сыны. Одна из рек Алтая до сих пор сохранила свое древнее название Катун (Катунь). На современной карте Средней Азии можно найти топонимы с компонентом хатун (катун). Так, один из горных хребтов Тянь-Шаня называется Катун-арт. Происхождение всех этих названий связывается именно с древнетюркским словом *хатун* (*катуи*) в значении «госпожа», «дама», «жена князя» и т.п.

Таким образом, в эпоху до арабского завоевания высокопоставленные женщины из царских кругов играли важную роль в политической жизни Туркестана. Об этом свидетельствуют не только письменные источники, но и данные материальной культуры. Царствующие женщины принимали активное участие в государственных делах и играли важную роль в развитии дипломатических отношений с зарубежными странами. Когда была необходимость, они могли даже занимать царский престол и успешно правили государством. Поэтому у народов, с древности населявших Туркестан, т.е. центрально-азиатский регион, - тюрков, согдийцев, хорезмийцев и бактрийцев - женщина всегда была предметом почитания и поклонения. У древних тюрков одним из главных объектов поклонения была богиня плодородия Умай. Согдийцы и бактрийцы поклонялись богине плодородия Анахите. Кроме того, народы Туркестана, особенно тюрки, в древности поклонялись также духам предков. Может быть, именно поэтому у современных узбеков принято относиться к родителям, и вообще к старшим, с глубоким уважением. Народ, не уважающий свою историю, не может иметь светлого будущего.

the queen named Fatuh-khatun, who sent her army against the Arabs. 'Ubayd Allah ibn Ziyad crushed her army and then 7 times passed over the lands of Tokharistan making robbery of its population. After that Fatuh-khatun was forced to sign peace agreement with the Arabs and agreed to pay them the demanded contribution.

In the same 54/673-74 Ubayd Allah ibn Ziyad passed from Tokharistan over Amudarya river and entered the land of Ma wara' an-nahr. The Arab army set out to Bukhara direction and conquered Paykand and Romitan. At that time in Bukhara ruled the queen named Hutak-khatun. When 'Ubayd Allah ibn Ziyad approached to Bukhara, Hutak-khatun sent the envoy to the Turkish kagan, asking him to give her military support against the Arabs. The Turkish kagan arrived soon with his army to Bukhara and joined battle with the Arabs, but his army was crushed and he was forced to run away. It is necessary to mark, that the Turkish kagan arrived to Bukhara for the battle with the Arabs and has brought with him there his wife named Kabaj-khatun. According to Narshkhi, Hutak-khatun occupied the king's throne in Bukhara after the death of her husband *bukhar-khudat* Bidun and ruled the country during 15 years. The people said that during her ruling in Bukhara there was no anybody more clever of her. She ruled the country with a wisdom and therefore all the people obeyed her. As the rulers of another regions of Turkish kaganate Hutak-khatun was the legal owner of her lands of Bukhara, the relative independent ruler and used military support of the supreme Turkish kagan. After the runnig away of the Turkish kagan from Bukhara Hutak-khatun was forced to make agreement with the Arabs and to pay them demanded contribution.

According to at-Tabari, in 61/680-81 another Arab commander Salm ibn Ziyad, who was appointed as governor of Khorasan, made new campaign to Bukhara and brought there his wife named Umm Muhammad bint 'Abd Allah. Hutak-khatun sent again the envoy to the Turkish kagan asking him to give military support against the Arabs. In the letter she informed him that she is agree to make marriage with him and to attach her lands to his country. The Turkish kagan arrived again with great army to Bukhara and joined fierce battle with the Arabs. Тюркский хакан вновь прибыл с большим войском в Бухару и вступил в ожесточенное сражение с арабами. But the Turkish army was crushed again and Hutak-khatun was forced again to sign peace agreement with the Arabs and obliged to pay them the contribution, which was more great than they demanded before.

After occupation of Bukhara Salm ibn Ziyad departed to Samarqand. During that campaign his wife Umm Muhammad bined for him the son, who was named as-Sughdi, i.e. the Sogdian. Umm Muhammad was the first Arab woman, who entered the land of Ma wara' an-nahr. When the Arabs occupied Samarqand, Umm Muhammad asked the wife of the local king to give her for the debt some of her jewels. The queen of Samarqand gave her the crown, which was the most precious among all her jewels. Umm Muhammad took the crown, but then she did not returned it back to the queen and took away to home in Marw city.

In the historical work of at-Tabari there is also some data on the queen of Fergana. According to his data, in 121/740 the Arab commander Nasr ibn Sayyar entered with his army to Fergana and sent the envoy to the king of Fergana for making peace agreement on the payment of contribution. After signing of the agreement the king of Fergana sent his mother with the Arab envoy to the camp of Nasr ibn Sayyar as a garant of fulfilling of the terms of the agreement. When the first queen of Fergana arrived with the envoy to the camp of the Arabs, Nasr ibn Sayyar had a talk with her by the help of translator. The old queen showed him her deep witness and wisdom, and gave him some useful advices on the ruling of state affaires. The name of that queen in the work of at-Tabari did not mentioned, but we know only, that she had also the femine title *khatun*.

So, in textual sources there is information on several Turkish queens, who used the high femine title *khatun*: Fatuh-khatun - the ruling queen of Tokharistan, Hutak-khatun - the ruling queen of Bukhara, and Kabaj-khatun - the wife of the Turkish kagan. There are also some interesting data on the first *khatun* of Fergana, and on the wife of the king (*ikhshid*) of Samarqand, the names of whom in textual sources did not mentioned. All above mentioned data testify on the high position and role, which occupied the Turkish queens and femine elite in the social and political life of Turkistan and took active part in the ruling of state affairs.

ШОХРУХ МИРЗО

Изучая историю периода Темуридов, мы видим, что государство, разрозненное после смерти Амира Темура (1336–1405 гг.), вновь воссоздал Шохрух Мирзо, личность и деяния которого еще недостаточно изучены.

Четвертый, самый младший сын Амира Темура – Шохрух родился 20 августа 1377 года, в четверг. Его мать, Тагай Туркон Ога, по сведениям средневекового историка Хондамира, была наложницей Сохибкيرانа знатного происхождения. Впоследствии Амир Темура взял её в жены.

По существующим легендам, когда весть о рождении сына дошла до Амира Темура, он играл в шахматы и держал в руках дадю (рух). Глядя на шахматную фигуру, Амир Темура с улыбкой произнес: «Пусть его имя будет Шохрух («шох» – царь)».

Историк Ибн Арабшоах (1389–1450) также описывает этот случай. Однако, по сведениям Ибн Арабшоах, к занятию шахматной игрой Амиру Темуру являются два гонца: один сообщает о появившемся на свет младенце, другой – о завершении строительства воздвигнутого Амиром Темуром на берегу Сырдарьи города. Амир Темура повелевает назвать этим именем и младенца и город.

В книге «Мужмалли Фасихий» Фасиха Хавофий сообщает, что разрушенный Чингизханом город Фанокат был восстановлен Амиром Темуром в 1383 году, в честь Шохруха назван Шохрухией и был отдан во владение Шохруха. Следовательно, речь идет не о том городе, который был назван в честь его рождения. До 20 лет Шохрух Мирзо был рядом с отцом, участвовал в его военных походах.

По сведениям Низамиддина Шомий, в 1397 году Амир Темура отвел своему младшему сыну Шохруху Мирзо Хурасан, Мазандаран и Сейистан и назначил его своим наместником. В 1399 году по распоряжению Амира Темура в городе Хирате возводится для Шохруха Мирзо дворец Боги Шахр (Город Сад), за строительство которого ответственным назначается Милкат-тавочи.

В 1401 году Амир Темура посылает к Шохруху Мирзо визирем Ходжа Шамсиддина Яхъё Симнонийи.

В 1404 году Шохрух Мирзо прибывает в Нишапур, чтобы встретить Амира Темура, возвращающегося с победой после семилетней войны.

Летописцы Низамиддин Шомий и Али Яздий пишут, что возвращавшийся из похода Темура, подходу к Хурасану, посылает в Хират своего поверенного Ахмада Тусийи, чтобы проверить сбор налогов для казны. Тот приносит сведения о сокрытии налогов.

Об этом же событии Фасих Хавофий сообщает следующее: Ахмад Тусийи, посланный в Хират, проверяет государственные дела и устанавливает факт преследований со стороны придворных чиновников сборщиков налогов для казны государства. Посланный велит казнить девонбеги (министра) Ходжа Али Мухаммад Шоха, а список двадцати неблагонадежных ходжей представляет Амиру Темуру, который издает указ об их изгнании из Хирата в Ашпара и Саврон. Согласно указу, ходжей выселяют из Хирата, но по пути следования те узнают о смерти Амира Темура и возвращаются обратно в Хират.

Расправа с приближенными Шохруха Мирзо – серьезный инцидент. Шохрух Мирзо, попавший под влияние ходжей, правил по их указке. Ходжи оказывали давление на сборщиков налогов, вмешивались в их дела, в результате налог, установленный Амиром Темуром, не доходил до государственной казны.

После смерти Амира Темура Шохрух Мирзо, претендент на трон отца, решает выступить против своего племянника Халила Султана, бывшего тогда у власти. В союзники он берет другого претендента на трон Пир Мухаммада. Но в феврале 1407 года Пир Мухаммад убивают. Шохрух Мирзо один продолжает борьбу против Халила Султана и в мае 1409 года свергает его с престола и занимает Самарканд. Он сажает на престол 16-летнего Улугбека, а сам отправляется обратно в Хират.

Шохрух Мирзо подчиняет себе потомков своих братьев Джахангира, Умар Шайха и Мираншаха, и вновь создает империю, куда входят Мовараннахр, Хурасан, Афганистан, Северная Индия, Иран, Азербайджан, Ирак и правит ею как «Великий Хакан».

Столицей своего огромного государства он делает Хират, где строится множество мечетей, базаров, развивается экономика и культура. Шохрух Мирзо продолжает дело своего отца Амира Темура, отдавая много сил процветанию государства, развитию в ней науки и искусств.

В международных и посольских отношениях он также продолжает традиции Амира Темура. В 1407–1408 годах из Китая в Хират прибывают послы, чтобы выразить соболезнование в связи со смертью Амира Темура. Шохрух Мирзо тепло встречает посланников. В период его правления дипломатические отношения были установлены с Южной Азией, Тибетом, Монголией, Дашти Кипчак, Османской Турцией. Развивались и международные торговые отношения.

Шохрух Мирзо видел своим наследником своего пятого сына Мухаммада Жюки, однако предприимчивая царица Гавхаршод-бегим хотела посадить на трон своего внука Алодавла. После смерти Жюки в 1445 году Шохрух Мирзо так и не пришел к определенному решению в этом вопросе.

Старый, больной Шохрух Мирзо в 1446 году начинает поход против своего непокорного внука Султана Мухаммада – правителя территорий Казвин, Рай и Кум, который в это время занял Исфахан и Хамдан и осадил Шераз. Когда он услышал, что во главе воинства выступил сам дед, Султан Мухаммад прекратил осаду и отступил.

Изучив причины востания, Шохрух по настоянию Гавхаршод-бегим казнил ряд плененных улемов. Возвращаясь из военного похода, в марте 1447 года 70-летний Шохрух Мирзо умирает.

Воссоздав огромную империю, Шохрух Мирзо был Хаканом великого царства. В период его правления в государстве царили единство, мир, покой, благополучие, развивались экономика, наука и культура.

ШОХРУХ МИРЗО

Хушид ФАЙЗИЕВ

Темурийлар даври тарихини ўрганар эканмиш, Амир Темурунинг вафотидан сўнг парчаланиб кетган салтанатни ўзининг тадбиркорлиги, доно сиёсати билан қайта тиклашга муваффақ бўлган шахс Шохрух Мирзо эканлигини кўраимиз. Бирок, Шохрух Мирзонинг шахси ва фаолияти замонавий тарих фанида етарли даражада ўрганилмаган.

Шохрух Амир Темурунинг (1336–1405) тўртинчи, кенжа ўгли бўлиб, 779 йил 14 раббул соний (1377 йил 20 август) пайшанба куни туғилган. Тарихчи Хондамирнинг берган маълумотига караганда, унинг онаси Тагай Туркон Ога СохибкIRONнинг хос канизақларидан бўлган. Кейинчалик Амир Темура уни ўз никоҳига олган.

Айрим ривоятларга кўра, бу хушxabарни Амир Темурага у шатранж ўйини билан машғул бўлиб, қўлини «рух» донасига чўзган вақтда етказишди. Амир Темура кўлида ушлаб турган «рух» донасига бокканча, мийғида кулиб, исми «Шохрух» бўлсин, деган экан.

Ибн Арабшоах (1389–1450) ҳам ўз асариди Амир Темура томонидан кенжа ўғлига «Шохрух» деб ном қўйилгани тарихини юқоридаги маълумот каби ифodalади. Бирок Ибн Арабшоахнинг маълумотига кўра, Амир Темура шатранж ўйини билан банд бўлган вақтда унинг хузурига икки чопар келиб, бири янги меҳмон дунёга келганлиги, иккинчиси, Амир Темурунинг фармонида кўра Сирдарёнинг ўнг соҳилида қурилатган шаҳар битанлиги хақидаги хушxabарни етказдилар. Амир Темура ҳар иккаласини ҳам шу исм билан аташни буюради.

Фасих Хавофийнинг «Мужмалли Фасихий» асариди ёзилганда, Чингизхон даврида вайрон қилинган Фанокат шаҳри Амир Темура томонидан 1383 йилда қайта тиклана бошланди, шаҳар қурилиши биттач, уни Шохрух шарафига «Шохрухия» деб номланди ва мазкур шаҳар Шохрухга суюроғол қилинади. Демак, ушбу шаҳарга ном берилиши Шохрух туғилган санада юз берган юқоридаги воқеа билан боғлиқ эмас. Шохрух Мирзо 20 ёшгача отаси Амир Темура ёнида бўлиб, унинг ҳарбий юришларида, жумладан, Шох Мансур Музаффарий билан бўлган муҳорабада фаол қатнашди.

Низомиддин Шомийнинг берган маълумотида кўра, 1397 йилда Амир Темура кенжа ўғли Шохрух Мирзога Хуросон, Мозандарон ва Сейистонни суюроғол қилди.

Шундай қилиб, Шохрух Мирзо 1397 йилдан эътиборан Хуросон, Мозандарон ва Сейистонда Амир Темурунинг ноиб сифатида ўз фаолиятини бошлади. Фасих Хавофийнинг маълумотида кўра, 1399 йил июль ойида Амир Темура фармонида кўра Хирот шаҳрида Шохрух Мирзо учун Боги Шахр саройи қурила бошланди ва бу қурилишга Милкат тавочи масъул қилиб белгиланади.

Шунингдек, Амир Темура 1401 йилда Хўжа Шамсиддин Мухаммад ибн хўжа Али ибн хўжа Низом ад-Дин Яхъё Симнонийи Хуросонга, Шохрух Мирзо хузурига вазир қилиб юборди.

1404 йилда Шохрух Мирзо «етти йиллик» юришдан галаба билан қайтиб келадиган Амир Темуруни қутиб олиш учун Нишопурга келди.

Низомиддин Шомий ва Шарафиддин Али Яздийларнинг берган маълумотларига кўра, юришдан қайтиб келадиган Амир Темура Хуросон вилоятига яқинлашгач, Хўжа Фахриддин Ахмад Тусийни солиқ йиғиш ишларини тафтиш қилиш учун Хиротга юборди. Хўжа Фахриддин Ахмад Тусий қирқ кунда Хуросондан икки юз туман кепакий микдориди маблаг йиғиб ҳазинага келтирилгани хақида маълумот беради.

Айнан мазкур воқеа хусусида Фасих Хавофийнинг маълумотида кўра, Амир Темура Нишопурда турган вақтда Хўжа Фахриддин Ахмад Тусийни Хиротга фавқулодда мухтор вакил қилиб жўнатади. Вакил Хиротга келиб, давлат ишларини текширгач, девонбеги лавозимида турган машхур Хўжа Али Мухаммад Шохни солиқ йиғувчиларни қийнаб, азоб берганлиги

учун Хиротнинг Малик номли дарбозасига олиб чиқиб остиради. Шунингдек, Хирот хўжазоларидан йигирма кишини бадарага қилиш ҳақида Амир Темурга рўйхат тақдим қилади. Амир Темур махкум хўжаларни Хиротдан Ашпара ва Савронга сургун қилиниши ҳақида фармон беради. Фармонга мувофиқ хўжалар Хиротдан кўчирилади, йўлда кетаётганларида Амир Темурнинг вафоти ҳақида хабар келиб, улар яна Хиротга қайтиб кетадилар.

Шоҳрух девонига нисбатан бундай жазонинг берилиши бежиз бўлмаган. Шоҳрух Хуросон ҳукмдори қилиб тайинлангач, Хиротнинг буюк хўжазоларини ўз атрофига йиғиб, уларнинг раҳнамолигида мамлакатни бошқарган ва ушбу хўжалар мамлакат даромадлари хусусида солиқчилар ишига аралашиб, уларга босим ўтказганлар, бунинг натижасида Амир Темур томонидан белгиланган солиқ мажбуриятлари издан чиққан.

Амир Темурнинг вафотидан сўнг, Шоҳрух Мирзо ота тахтига даъвогар бўлиб жияни Халил Султонга қарши кураш бошлаш учун ўзига иттифокчилар қидира бошлайди. Унга ишончли иттифокчи валиахд Пир Муҳаммад эди.

Фасих Хавофийнинг ёзишича, ҳижрий 809 йил 14 рамазонда (милодий 1407 йил 22 февраль) валиахд Пир Муҳаммад Пир Али Тоз томонидан ўлдирилди.

Пир Муҳаммад ўлимидан сўнг, Шоҳрух Мирзо якка ўзи Халил Султонга қарши курашни давом эттириб, ниҳоят, ҳижрий 811 йил 27 зулҳижжада (милодий 1409 йил 13 май) Самарқандни эгаллайди. Абдураззоқ Самарқандий маълумотига кўра, шундан сўнг Шоҳрух Мирзо Мовароуннахр ҳукмронлигини 16 ёшли Улуғбекка бериб, ўзи Хиротга қайтиб кетади.

Шоҳрух Мирзо акалари Жаҳонгир, Умар Шайх ва Мироншоҳ авлодларини ўзига бўйсундириб, Мовароуннахр, Хуросон, Афғонистон, Шимолий Ҳиндистон, Эрон, Озарбайжон ва Ироқдан иборат катта бир давлат жловини кўлга киритади ва «Улуғ ҳокон» сифатида салтанатни бошқара бошлайди.

Шоҳрух Мирзо Хиротни ўзининг пойтахти қилиб у ерда кўплаб масжид, хонақоҳ, мадраса, бозорлар қурдириб, уни ҳам иктисодий, ҳам маданий ҳиҳаддан ривожлантирди. Шоҳрух отаси Амир Темур аъёнларини давом эттириб, илм-фан ва маданият ривожига бутун куч-ғайратини сарфлади.

Халқаро муносабат ва элчилик фаолиятида ҳам Амир Темур даври аъёнлари давом эттирилди.

Абдураззоқ Самарқандий ва Фасих Хавофийнинг берган маълумотларига кўра, 1407-1408 йилларда Хиротга Шоҳрух хузурига Хитойдан элчилар келиб, Амир Темур вафоти муносабати билан таъзия изхор этганлар. Шоҳрух Мирзо элчиларни яхши қабул қилади.

Шунингдек, Шоҳрух Мирзо даврида Жанубий Ҳиндистон, Арабистон, Миср, Кичик Осиё, Тибет, Мўғулистон, Дашти Кипчоқ каби бир неча давлатлар билан элчилик алоқалари ўрнатилган. Жумладан, Шоҳрух Мирзо 1442 йилда Жанубий Ҳиндистон – Вижапур давлатига тарихчи Абдураззоқ Самарқандий бошчилигида элчилар хайъатини юборгани маълум.

Тарихий манбалар 1421 йилда Тибетдан Самарқандга ва Бухорога элчилар келганини, Миср мамлуқлари билан ҳам мунтазам элчилик алоқалари ўрнатилганини ҳақида маълумот беради. Ўша даврнинг яна бир қудратли давлати бўлган Усмоний Турклар давлати билан ҳам элчилик муносабатлари яхши йўлга қўйилган. Бунга мисол қилиб, Шоҳрух Мирзога Усмоний Турклар султони Мурод II га сарполар юборганини кўрсатиш мумкин.

Қисқача айтганда, Теурийлар салтанати билан бошқа давлатлар ўртасида элчилик алоқалари мавжуд бўлиб, давлатлараро савдо-элчилик муносабатлари ривожланган.

Шоҳрух Мирзо валиахдликка бешинчи ўғли Муҳаммад Жўқини мўлжаллаган бўлса-да, бироқ тадбиркор ва зукко малика Гавҳаршодбегим Муҳаммад Жўқиндан кўра бошқа набираси Аллодаврани валиахдликка муносиб биларди. 1445 йилда Жўқи вафот этгач, Шоҳрух Мирзо умрининг охиригача валиахд тайинлаш масаласида бирор қатъий қарорга келолмади.

1446 йилда қариб қолган ва касалманд Шоҳрух Мирзо исёнкор набираси Султон Муҳаммадга қарши ҳарбий юриш бошлайди. Қазвин, Рай ва Кум вилоятларининг ҳокими бўлган набираси Султон Муҳаммад Исфохон билан Ҳамдонни эгаллаб, Шерозни қамал қилган эди. Қасал бўлишига қарамай кўшига бош бўлиб бобосининг ўзи келаётганлигини эшитган Султон Муҳаммад уч хафтадан бери давом этаётган қамални бўшатиб, орта чекинади. Шоҳрух исён сабабларини ўрганиб чиқиб, бир неча уламоларни ҳибсга олиб, Совага келганида кўпи саййидлардан бўлган уламоларни Гавҳаршодбегимнинг талаби билан қатл эттиради. Шоҳрух Мирзо ҳарбий сафардан қайтатуриб, 1447 йил 12 мартда 70 ёшида вафот этади.

Шоҳрух Мирзо умрининг охиригача улкан салтанатнинг улуғ ҳокони сифатида фаолият кўрсатади. Унинг ҳукмдорлиги даврида салтанатда бирлик, тинчлик ва осойишталик ҳукм сурди, бу эса, ўз навбатида, улкан салтанатда илм-фан, иктисодиёт, меъморчилик ва шахарсозликнинг юксак даражада ривожланишига имкон яратди.

SHOHRUH MIRZO

Studying the history of the Temurids' period, we see that the state, uncoordinated after Amir Temur's death (1336-1405) was again recreated by Shohruh Mirzo, whose personality and acts have still been investigated insufficiently.

The fourth, the youngest son of Amir Temur, Shohruh was born on August 20, 1377, on Thursday. His mother, Togaj Turkon Oga, according to medieval historian Hondamir, was a concubine of a Sobhikiran of noble origin. Subsequently Amir Temur took her as his wife.

According to the existing legends, when the message about a birth of his son reached Amir Temur, he was playing chess and was holding a rook in his hands («ruh» – in Turkish). Looking at the chess figure, Amir Temur said with a smile: «Let his name be Shohruh» («shoh» means tsar).

Historian Ibn Arabshoh (1389-1450) also describes this event. However according to the data of Ibn Arabshoh, two messengers come to Amir Temur when he was busy playing chess game: one informs about the born baby, another one informs about finishing building of the city constructed by the order of Amir Temur on the coast of Syrdarya. Amir Temur orders to name both the baby and the city with this name.

The book «Muzhmali Fasihi» by Fasiha Hovofy informs that the city of Fanokat destroyed by Chingizkhan was later restored by Amir Temur in 1383, and in honour of Shohruh this city was named Shohruhija and was given to possession of Shohruh. Hence, the speech is not about the city which was named in honour of his birth. Till the age of 20, Shohruh Mirzo was with his father and participated in his military campaigns.

According to Nizamiddin Shomy, in 1397 Amir Temur assigned Hurasan, Mazandaran and Sejestan to his younger son Shohruh Mirzo and appointed him the governor-general. In 1399 under Amir Temur's order a palace Boghi Shahr (City-Garden) was erected for Shohruh Mirzo in the city of Hirat, Milkat-tavochi was appointed a responsible person for this construction.

In 1401 Amir Temur sent Hodzha Shamsiddin Jahyo Simnonijsja as a minister to Shohruh Mirzo.

In 1404 Shohruh Mirzo arrived in Nishapur to meet Amir Temur who was coming back with victory over a seven-year war.

Ancient historians Nizamiddin Shomy and Ali Jazdi write that coming back from the campaign and approaching Hurasan, Temur sends to Hirat his attorney Ahmad Tusijni to check up taxation for the state treasury. He brings data about hiding the taxes.

Fasih Hovofy informs about the same event the following: Ahmad Tusijni, sent to Hirat, checks the state affairs and finds about the prosecutions on the part of court officials of collectors of taxes for the treasury of the state. The envoy orders to execute devonbegi (minister) Hodzha Ali Muhammad Shoh, and represents the list of twenty unreliable Hodzhas to Amir Temur who issues the decree about their exile from Hirat to Ashpara and Savron. According to the decree, the Hodzhas move from Hirat; on their way they learn about Amir Temur's death and again come back to Hirat.

Punishment of confidants of Shohruh Mirzo is a serious incident. Shohruh Mirzo, fallen under influence of the Hodzhas, rules according to their command. The Hodzhas put pressure on tax-collectors, interfered into their affairs, and as a result the tax established by Amir Temur did not reach the treasury of the state.

After Amir Temur's death, his son Shohruh Mirzo, hoping for the throne of his father, dares to act against his nephew Halil-Sultan, who was reigning at that time. He takes Pir Muhammad, another pretender to the throne, as his ally. But in February 1407 Pir Muhammad was killed. Shohruh Mirzo alone continues struggling against Halil-Sultan and in May 1409 dethrones him and takes Samarkand. He places 16-year-old Ulugbek on the throne and he himself gets back to Hirat.

Shohruh Mirzo subordinates the descendants of his brothers Dzhahangir, Umar Shaikh and Miranshah to himself, and again creates the empire that consists of Movaraunahr, Hurasan, Afghanistan, Northern India, Iran, Azerbaijan, and Iraq, and rules it as «the Great Hakan».

He makes Hirat the capital of his huge state where several mosques and markets were under construction, while the economy and culture developed. Shohruh Mirzo continues business of his father Amir Temur, putting lots of efforts to prosperity of the state, development of science and arts.

In international and ambassadorial relations he also continues Amir Temur's traditions. In 1407-1408 the ambassadors from China arrive to Hirat to express their condolence for Amir Temur's death. Shohruh Mirzo warmly meets the envoys. During his reign the diplomatic relations were established with Southern Asia, Tibet, Mongolia, Dashti Kipchak, and Osman Turkey. International trade relations developed, too.

Shohruh Mirzo saw as his successor his fifth son Muhammad Zhoki, however enterprising tsarina Gavharshod-begim wanted to place her grandson Aloddavl on the throne. After death of Zhoki in 1445, Shohruh Mirzo never came to any certain decision in this question.

Old and sick Shohruh Mirzo in 1446 begins a campaign against his rebellious grandson Sultan Muhammad, the governor of suburbs Kazvin, Rai and Kum, who then took Isfahan and Hamadan and besieged Sheraz. When he heard, that his grandfather himself acted in the head of troops, Sultan Muhammad stopped siege and receded.

Having studied the reasons of the revolt and under insisting of Gavharshod-begim, Shohruh executes a number of captivated ulems. Coming back from the military campaign, 70-year old Shohruh Mirzo dies in March 1447.

Having recreated a huge empire, Shohruh Mirzo was a Hakan of the great empire. During his board, the unity, peace, rest, well being reigned in the state, while economy, science and culture developed.

БОБУРИЙЛАР ПОЙТАХТИ

Музроб **ТОШМУХАММЕДОВ**

СТОЛИЦА БАБУРИДОВ

«Индия – это поистине страна грез, это сага о сказочной роскоши и невероятной нищете, блеске и рубищах, дворцах и лачугах. Это колыбель людской расы, место рождения человеческой речи, мать истории, бабушка легенды, прабабушка традиции. Это земля, которую все бы хотели увидеть».

Так писал об Индии посетивший эту страну в конце XIX века великий американский писатель Марк Твен. Но среди тех, кому посчастливилось побывать в Индии, добавим мы, вряд ли найдется человек, который бы не стремился увидеть Дели.

В мире не так много древнейших городов, завоевавших бессмертие, выдержавших испытание временем и исторические перипетии. Дели – один из них. Дели древнее Рима и был известен задолго до основания Александрии – центра эллинистической культуры, древней столицы Египта. Арабский путешественник Ибн Баттута, прошедший в XIV веке труднейший путь от Каира до Китая, писал: «Дели – один из величайших городов вселенной».

Это – все о прошлом, а чтобы понять настоящее Дели – представьте себе Рим и Вашингтон, слившиеся в одно целое – и это будет Дели, город, чье прошлое уходит в далекие века, а настоящее бурлит красками и мощью современной столицы.

Даже камни Дели нашептывают нам историю давно минувших веков; воздух, которым предстоит дышать, наполнен пылью и ароматами прошлого и свежими, порывистыми ветрами настоящего. Не узкие улочки и дома Старого Дели, не широкие проспекты и довольно впечатляющие небоскребы Нью-Дели поражают нас, а дух древнего города, который всегда стоял на решающем перекрестке индийской истории, наблюдал периоды славы и разрушений и, несмотря на свою нестойкую способность поглощать многочисленные культуры, оставаясь самим собой. Этот город – драгоценный камень, многочисленные грани которого, одни – сверкающие новизной, другие – потускневшие от веков, отображают сегодняшнее лицо Индии и её облик в течение столетий.

«В Дели нам встречается и всё хорошее, и всё плохое, что есть в Индии, – писал великий сын индийского народа, первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Этот город – могила многих империй и колыбель республики. Как огромна его история! Здесь традиции тысячелетий нашей истории предстают на каждом шагу, и перед глазами проходит процессия неисчислимых поколений».

На территории современного Дели с территорией около 2000 кв. км. и населением почти 15 млн. человек видны развалины семи древних столиц с их колоссальными крепостями, роскошными дворцами, изумительными колодцами, великолепными индуистскими храмами, мусульманскими мечетями и пышными гробницами – мавзолеями. Все они – Индрапрастха, Сурадж Кунд, Лал Кот, Сири, Туглакабад, Джаханпанах, Шахджаханабад – были сооружены в различное время семью индийскими императорами, а последние два – потомками великого Амира Темура и Захриддина Мухаммада Бобура, основателя Великой империи бабуридов, вошедшей в европейскую историографию под названием «Империя Великих моголов» (1526–1858). Из этих городов Индрапрастха, вероятно, самый старинный, так как о нем упоминается в известном эпосе «Махабхарата» (XII век до нашей эры).

Каждый из этих 7 городов, возникшая на месте современного Дели, становилась столицей, которой были подвластны все остальные города и сёла, расположенные на территории государства. Именно благодаря своему ключевому стратегическому положению, Дели оставался на протяжении 2 тысячелетий постоянным местом

«Хиндистон – бу хақиқатан ҳам хаёллар мамлақати, эртақнамо ҳашамат ва кўз кўриб, қулоқ эшитмаган қашшоқлик, дабаба ва вайронагарчилик, қасрлар ва кулбалар ҳақидаги дoston. Бу инсон ирки пайдо бўлган ошиён, инсон нутқи туғилган маскан, тарихнинг онаси, афсонанинг бувиси, анғананинг момоси. У ҳамма бир кўришни орзу қиладиган сарзамин».

XIX аср охирида Хиндистонга келган буюк Америка ёзувчиси Марк Твен бу мамлакат ҳақида ана шундай ёзганди. Шунингдек, Хиндистонда бўлиш бахтига муяссар бўлганлар орасида Дехлини кўришга ошиқмайдигани топилмаса керак, дея қўшимча қилгимиз келади.

Абадиятга мушарраф бўлган, замон синовлари ва тарихий мураккаб воқеа-ҳодисалар зарбаларига бардош берган энг қадимий шаҳарлар бу кўҳна дунёда бармоқ билан санарли қолган. Дехли – ана шундай қадимий шаҳарлардан бири. Дехли Юнон Римидан қадимийроқ, у Миср пойтахти, Элин маданиятининг маркази Искандария (Александрия)га асос солинишдан анча олдинроқ маълуму машхур эди. XIV асрда Қохирадан Хитойгача жуда оғир йўлни босиб ўтган араб сайёҳи Ибн Баттута ёзган эди: «Дехли – коинотнинг энг буюк шаҳарларидан бири».

Бу – мозий борасидаги гаплар эди, замонавий Дехлини тасаввур қилиш учун бир бутунни ташкил этган Рим ва Вашингтонни кўз олдингизга келтиринг – ана шундагина Дехли накадар маҳобатли ва тарихан узоқ мозийга тааллуқли, ҳозир эса рангин киёфа ва замонавий қудратга эга бўлган кўзни қамаштирувчи пурвиқор пойтахтлигига иқдор бўласиз.

Ҳатто Дехлидаги ҳар бир бўлак тош олис асрлар тарихидан ривоят сўзлайди; нафас олиб турган ҳавонингиз ҳам мозийнинг хуш бўйи ва ифорига тўйинган. Аслида, бизни ҳайрат денгизига фарқ қилган Эски Дехлининг тор кўчалари ва ғарибона уйлари ҳам эмас, Янги Дехлининг гўзал хиёбонларию қарасангиз, дўппингиз тушадиган осмонўпар бинолари ҳам эмас, балки қадимий шаҳарнинг ҳар доим ҳинд тарихининг ҳал қилувчи чорраҳасида турган, шон-шухрат ва вайронагарчиликлар даврларини кузатган ва кўплаб маданиятларни ўзига жо қилиб олишдек битмас-туганмас қобилияти борлигига қарамай, мудом ўзининг асил қиёфасини сақлаб қололган руҳидир. Бу шаҳар – қиррадор қимматбаҳо тош, унинг ҳар бир қирраси ўзгача жило ва зиё беради – бири янгиликлар жилосида товланса, бошқаси асрлар силсиласида хира тортган бўлишига қарамай, Хиндистоннинг бутунги ва асрий қиёфасини ўзида намоён этади.

«Дехлида Хиндистонда бор бўлган барча яхши нарсаларни ҳам, барча ёмон нарсаларни ҳам учратамиз, – деб ёзганди ҳинд халқининг буюк фарзанди,

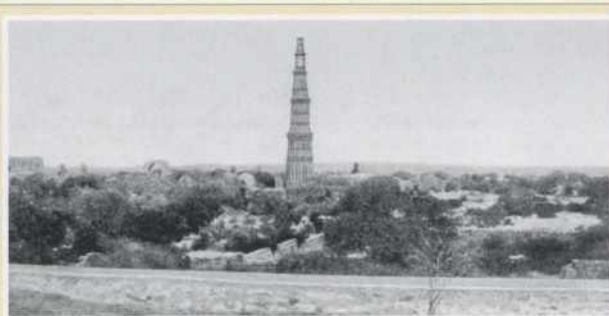
Еркауд
Erkaud
Еркауд

Хиндистоннинг биринчи Бош вазири Жавахарлаъл Неру. – Бу шаҳар кўплаб салтанатлар қабргоҳи ва республика бешигидир. Унинг тарихи улканлигига қиёс йўқ! Минг йиллик тарихий анъаналаримиз бу ерда ҳар қаламда бизга юзма-юз бўлади ва кўз ўнгимиздан ҳад-ҳисобсиз авлодлар гурас-гурас бўлиб ўтаверади...»

Майдони қарийб 2000 кв. км, аҳолиси 15 млн бўлган ҳозирги Дехли ҳудудидида улуғвор қалъалари, ҳашамдор қасрлари, мўъжизакор қудуклари, маҳобатли ҳинду эҳромлари, мусулмон масжидлари ҳамда даҳмаю макбаралари бўлган етти қадимий пойтахт харобалари кўзга ташланиб туради. Уларнинг барчаси – Индрапрастха, Суврашкунд, Лаълкот, Сирий, Туғлақобод, Жаҳонпаноҳ, Шохжаҳонобод – турли вақтларда ҳинд шаҳаншоҳлари хонадонлари, охириги иккитаси эса Амир Темур ва Заҳириддин Муҳаммад Бобур авлодлари (1526–1858) томонидан барпо этилган эди. Бу шаҳарлар ичида Индрапрастха, эҳтимол, энг қадимгиси бўлса керак, чунки у ҳақда машҳур «Маҳобҳорат» дostonида тилга олинади (милоддан аввалги XII аср).

Етти шаҳарнинг ҳар бири ҳозирги Дехли ўрнида қад кўтарар экан, пойтахтга айланган, давлат ҳудудидида жойлашган қолган барча шаҳар ва кишлоқлар унга бўйсунган. Айнан ўзининг ҳарбий жиҳатдан қулай жойда жойлашгани туфайли Дехли икки минг йил давомида мамлакат шимолида юзага келган йирик марказлашган давлатларнинг ҳукмдорлари келиб-кетадиган муҳим жой бўлиб қолган. Рим ва Истанбулдан ташқари жаҳондаги бирорта шаҳар бу қадар узоқ ҳукмдорлик ҳолатини сақлаб қолмаган. Кўп маргалаб ҳалокатга юз турса-да, у қиёфасини ўзгартирганча култепа узра қайта-қайта қад ростлайверган, аммо шу билан бир вақтда, аввал қандай бўлса яна ўшандайлигича қолаверган.

Дехли. Кутбиддин масжиди. Равокнинг олд томони.
Delhi. Mosque of Kuttub-ed-din. Arch of the facade.
Дели. Мечеть Куттуб-ед-дин. Арка фасада.

Эски Дехли. Кутбиддин масжиди. Умумий кўриниши.
Old Delhi. Mosque of Kuttub-ed-din. General view.
Старое Дели. Мечеть Куттуб-ед-дин. Общий вид.

THE CAPITAL OF THE BABURIDS

«India is really a country of dreams, it is a saga about fantastic luxury and improbable poverty, brilliance and rags, palaces and hovels. It is a cradle of the human race, a birthplace of the human speech, a mother of history, a grandmother of legend, a great-grandmother of tradition. It is a land that everybody would like to see».

These were the words written by Mark Twain, a great American writer, who visited this country at the end of the 19th century, wrote about India. But among those who were lucky to visit India, we shall add, there would hardly be any person who would not aspire to see Delhi.

There are not so many ancient cities in the world that won immortality, passed test by time and many historical peripetia. Delhi is one of them. Delhi is older than Rome and was known long before the foundation of Alexandria – center of the Hellenistic culture, the capital of Egypt. The Arabian traveller Ibn Battuta, who made a really difficult trip from Cairo to China in the 14th century, wrote: «Delhi is one of the greatest cities of the Universe».

It is all about the past, and to understand the present of Delhi, imagine Rome and Washington merged in one and it will be Delhi, the city whose past dates back to remote centuries and whose present seethes with paints and might of the modern capital.

Even stones of Delhi whisper to us the history of bygone centuries; the air we breathe is filled with dust and aromas of the past and with fresh gusty winds of the present. Not narrow side-streets and houses of Old Delhi, not wide prospectuses and rather impressing skyscrapers of New Delhi amaze us but the spirit of the ancient city that always stood on a key crossroad of the Indian history, and observed the periods of glory and destructions, and, despite of the inexhaustible ability to absorb numerous cultures, remained itself. This city is a gemstone, whose numerous facets, some sparkling with novelty, others grown dull over centuries, display the present appearance of India and its character during many centuries.

«In Delhi we meet both good and bad that is in India» – wrote the great son of the Indian people, the First Prime Minister of India, Dzhavaharlal Nehru. «This city is a tomb of many empires and a cradle of the Republic. What huge history it has! Here the traditions of millennia of our history appear continually, and a procession of innumerable generations passes before eyes ...»

The territory of modern Delhi with the area of about 2000 sq. km. and with the population of almost 15 million people presents ruins of seven ancient capitals, with their enormous fortresses, magnificent palaces, amazing wells, splendid Hinduism temples, Muslim mosques and sumptuous tombs-mausoleums. All of them – Indraprastkha, Suradh Kund, Lal Kot, Siri, Tuglakabad, Dzhakhanpanakh, and Shahdzhakhanabad – were built at different time by seven Indian emperors, and the latter two – by the descendants of great Amir Temur and Zahiriddin Muhammad Babur, a founder of the Great Empire of the Baburids known in the European historiography under the name «Empire of the Great Moguls». (1526-1858). Among these cities, Indraprastkha is probably the most ancient since it is mentioned in the well-known epos «Mahabkharata» (the 12th century B.C.).

Each of these 7 cities, arising on the place of modern Delhi, became capital that all other cities and villages located in the territory of the state were subject to. Owing to the key strategic position, for over 2 millennia Delhi remained a constant place of stay of masters of the large centralized states, that from time to time arose in the north of the country. Not a single city in the world, perhaps except for Rome and Istanbul, kept such a long domination over other settlements. Repeatedly perishing, it again and again revived from ashes, changing its shape and character but still remaining itself.

According to a Frenchman Francois Berne, Delhi of the 17th century did not concede to Paris with magnificence of its constructions. Its value was so great that the city was named «Asian Rome».

Yes, indeed, in the 17th century the Empire of the Baburids reached its apogee. Shah Dzhakhan (the fifth emperor after Babur) eclipsed his

пребывания властителей крупных централизованных государств, возникавших на севере страны. Ни один город в мире, пожалуй, за исключением Рима и Стамбулла, не удерживал так долго господствующего положения над остальными поселениями. Многократно погибавший, он вновь и вновь возрождался из пепла, меняя свой облик и характер, но в то же время оставался самим собой.

По свидетельству француза Франсуа Бернье, Дели XVII века великолепием своих построек не уступал Парижу. Его значение было столь велико, что город называли «азиатским Римом».

Да, на самом деле, в XVII веке империя бабуридов достигла своего апогея. Размахом градостроительных работ и великолепием двора Шах Джахан (пятый по счету после Бобура император) затмил своих предшественников. Летописцы того времени писали: «Там, где Акбар (сын Хумаюна, третий по счету император) строил из камня, Шах Джахан воздвигал из мрамора». Созданный им новый город Шахджанабад закрепил за Дели славу столицы империи. Новый город с широкими просторами, Лал-Килой (Красный форт) и грандиозной соборной мечетью Джума masjid стал центром Дели. К тому времени исчезли пришедшие в упадок старые города на территории современного Дели и только город Хумаюна (сын Бобура, второй по счету после Бобура император) – Динпанах (на месте Индрапрастхи) – продолжал ещё в течение 100 лет сосредотачивать в себе большое население, в отличие от нового называемся Старым Дели.

Стержнем городской структуры служили 2 улицы, пересекающие Шахджанабад перпендикулярно друг другу – Файз Базар и Чандни Чоук. Шаху Джахану потребовалось 9 лет, чтобы завершить строительство нового города и его форта. В своё время форт обрели 13 ворот (до наших дней сохранилось всего 5). Историк двора писал: «В день открытия Красного форта – 24-го дня месяца раби 1648 года император Шах Джахан, воззвавший величественную церемонию, въехал в обращенные к реке ворота форта, участвовал в первом приёме. Крыша, стены и колоннада зала приемов были выложены турецким вальветом и китайским шелком. Величественный навес над треном держался на золотых колоннах, в которые венками были вилетены настоящие бриллианты». Тот самый Франсуа Бернье, побывавший на приёме у Шаха Джахана, оставил запись: «Зал, открытый с трех сторон, с несколькими рядами пилонов, весь пронизан воздухом. И свода зала, и пилоны сплошь покрыты живописью и позолотой. В конце зала на золотом троне со сверкающими в нем рубинами, изумрудами и бриллиантами восседает император. Над треном – надпись, принадлежащая самому Шаху Джахану: «Если где-нибудь на земле существует рай, то он здесь, он здесь, он здесь».

Никакой другой памятник в Индии не символизирует столь ярко независимость Индии, как Лал-Кила. До 1857 года там находилась резиденция императоров-батуридов, а 15 августа 1947 г. Джавахарлал Неру поднял над Лал-Килой трехцветное знамя независимой Индии, которой предстояло преодолеть колониальную отсталость и построить новую, достойную многовекового наследия Индию. Поражает своей законченностью и необычностью архитектура мечети Джума masjid. Вся из красного песчаника, выложенного белым мрамором, она стоит на высоком плато между фортом и городом. Высота боковых минаретов достигает 41 м., высшая точка мечети – 61,3 м. Для всего мусульманского мира эта мечеть имеет особое значение. Кроме того, что в мечети хранятся бесценные реликвии: тапок пророка Мухаммеда (с.а.в.), отпечаток его ноги в камне, глава «Корана», написанная якобы под его диктовку, рыжеватый волос из его бороды и осколок надгробия, когда-то стоявшего над могилой пророка, она является уникальной и в том плане, что она – единственная в мире, куда открыт свободный доступ женщинам, при условии сопровождения родственником-мужчиной.

Период правления Шаха Джахана (1627–1658 гг.) можно сравнить с периодом правления Акбара Великого (1556–1605 гг.). При этих правителях индо-мусульманская архитектура достигла своего расцвета. Значительным сооружением при Акбаре в Дели явился мавзолей Хумаюна, представляющий собой оригинал индийской интерпретации самаркандской архитектурной концепции. Все сооружения, построенные Акбаром Великим, по праву считающимся самым величайшим бабуридом, передают дух его эпохи и политики, характеризовавшейся попыткой синтезировать идеи ислама и индуизма.

Увидев эти грандиозные сооружения, не имеющие аналогов в остальном мире, невольно вспоминаешь слова Амира Темура, сказавшего: «Если хочешь увидеть нашу мощь, посмотри на построенные нами строения», и ощущаешь великую радость, что всё это связано с историей наших предков, которые создали в Индии великую империю, существовавшую 332 года, когда в Индии, как отмечают индийские историки, царили мир и спокойствие, созидание и творчество, которые остались вечными предметами восхищения следующих поколений.

Француз Франсуа Берньеинг гувохлик беришича, Дехли XVII асрада биоларининг улугворлиги билан Парижга буй бермаган. Унинг ахамияти шу қадар улуг бўлганки, шаҳарни «Осиё Рими» деб аташган.

Ҳа, дарҳақиқат, XVII асрада Бобурийлар салтанати ўзининг энг гуллаб-яшнаган палласига етганди. Шаҳарсозлик ишлари кўлами ва саройининг улугворлиги билан Шох Жаҳон (шаҳаншоҳ Бобурдан кейинги бешинчиси) ўз ўтмишдошларини орта қолдириб кетди. Ўша вақтдаги муаррихлар ёзган эдилар: «Акбар (Хумоюннинг ўғли, учинчи шаҳаншоҳ) тошдан қаср қурдиран жойда Шох Жаҳон мрамардан қошоналар барпо этди». У барпо этган янги Шохжаҳонобод Дехлини салтанат пойтахти сифатида абдий сарфароз этди. Лаъл Қила (Кизил форт) ва мухташам Жомеъ масжиди бепоён Дехлининг маркази бўлиб қолди. Бу вақтга келиб ҳозирги Дехли худудидаги эски шаҳарлар таназзулга юз тутди, фақатгина Хумоюннинг (Бобурнинг ўғли, иккинчи шаҳаншоҳ) шаҳри Динпаноҳ (Индрапраста ўрнида) яна 100 йил давомида аҳолини ўз бағрига қорлаб турди ва янгисидан фаркли ўларок Эски Дехли деб атади.

Шохжаҳонободни бир-бирига қўндаланг тарзда кесиб ўтувчи икки кўча – Файзбозор ва Чандничоук шаҳар кўркига кўрк қўшган. Янги шаҳар ва унинг қалъасини барпо этишга Шох Жаҳон учун тўққиз йил керак бўлди. Ўз вақтида қалъаниннг ўн уч дарвозаси бўлган (бизгача бештаси сақланиб қолган). Қаср муаррихи ёзганди: «Кизил қалъа очиладиган куни 1648 йилнинг 24 раби-ул-аввалида шаҳаншоҳ Шох Жаҳон улугвор маросим бошида қалъаниннг дарёга қараган дарвозасидан кириб келди ва қабул маросимида иштирок этди. Саройининг шифтлари, деворлари ва устунларига турк духобаси ва хитой шойилари осиб ташланганди. Тахт узра солланган улугвор шийпонни хакикий биллур чамбарлари билан чирмаб ташлаган олтин устунлар тутиб турарди». Шох Жаҳон қабулида бўлган ўша Франсуа Бернье шундай ёзиб қолдирган: «Уч томони очик, бир неча қатор гулустуни бўлган саройида бир-бир шабада эсарди. Сарой гумбази ҳам, гулустунлар ҳам зарҳал ва бошқа хилдаги нақшлар билан муайян этилган. Сарой тўрида ёкут, зумрад ва биллурлар кўзни олгудек ярқираётган олтин тахтада шаҳаншоҳ ўтирибди. Тахт узра Шох Жаҳоннинг ўзига мансуб бўлган ёзув эътиборни тортади: «Агар ер юзида жаннат бўлса, у шу ердадир, шу ердадир, шу ердадир».

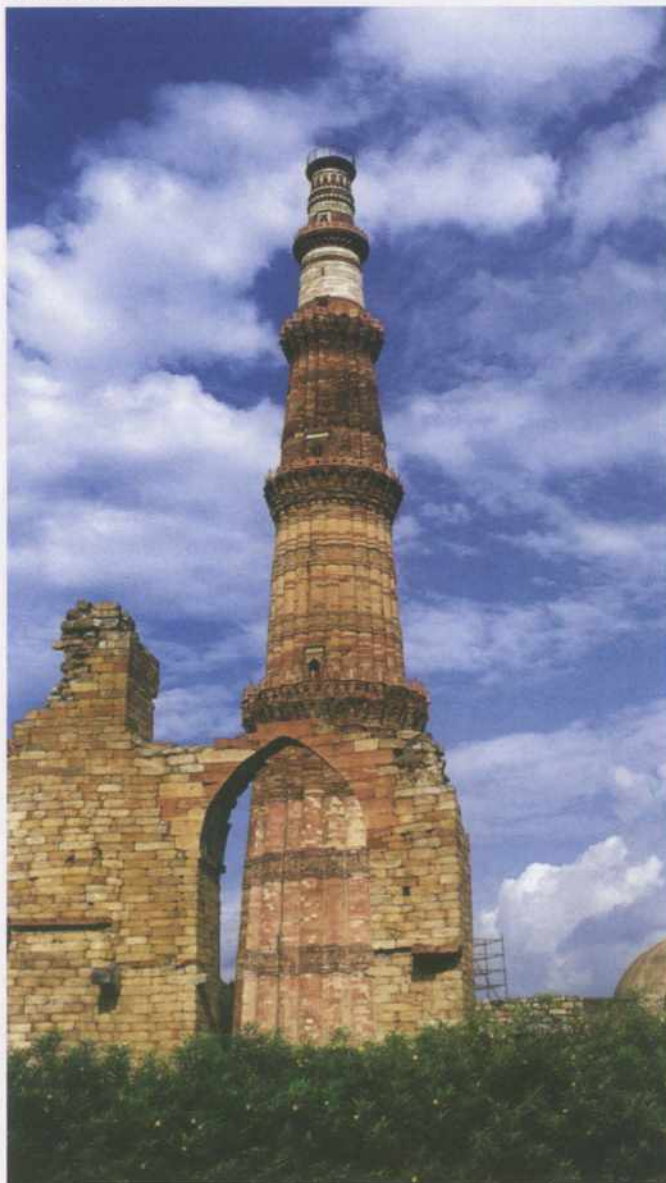
Ҳиндистонда мамлакат мустақиллигини ўзида яққол намоён этган ягона ёдгорлик бу Кизил Қалъа (Лаъл Қила)дир. 1857 йилгача у ерда бобурий шаҳаншоҳларнинг қароргоҳи жойлашганди, 1947 йил 15 августда эса Жаҳоҳарлаъл Неру Лаъл Қила узра мустақил Ҳиндистоннинг уч рангли байроғи (тиранга)ни кўтарди ва мамлакат шу кундан мустақилла қоқоқлигини бартараф этиб, янги, кўп асрлик меросга муносиб Ҳиндистонни барпо этишга киришди. Жомеъ масжиди ўз меъморий мукамаллиги ва ғайриоддийлиги билан киши ақлини лол қолдиради. Қизил қумтошдан тикланиб, оқ мрамар қошланган масжид иншооти қалъа ва шаҳар оралигидаги баланд тепалик узра савлат тўкиб турибди. Ён томондаги миноралар баландлиги 41 м, масжиднинг энг баланд нуктаси 61,3 м. Жаҳоннинг барча мусулмонлари учун бу масжид алоҳида аҳамият қасб этди. Бундан ташқари, масжидда бебаҳо ёдгорликлар сақланган: Муҳаммад (с.а.в.)нинг бир пой кафшлари, ул зотнинг тошдаги оёқ излари, гўё ул зот айтиб турганларида ёзиб олинган «Қуръон» сураси, соқолларидан қизғиш бир тола ва бир вақтлар ул зот қабрлари устида турган даҳмадан бир парча. Масжиднинг яна бир ноёб жиҳати шундаки, агар ёнида танмахрамин бўлса, аёллар ҳам кириши мумкин бўлган дунёда ягона ибодатгоҳ. Шох Жаҳон ҳукмдорлиги даврини (1627–1658) Буюк Акбар ҳукмронлик қилган даврга (1556–

1605) киёс қилиш мумкин. Бу ҳукмдорлар вақтида ҳинд-муслмон меъморчилиги ўзининг гуллаб-яшнаш палласига етганди. Акбар чоғида барпо этилган катта иншоотлардан бири, Хумоюн макбарасидир. У Самарқанд меъморчилиги услубларининг ҳинд услубига талқин этилган ўзига хос оригиналлигини намоён этади. Ўзини ҳақли равишда энг буюк Бобурий деб атаган буюк Акбар барпо этган барча иншоотлар унинг даври ҳамда ислом ва ҳиндавийликни уйғунлаштиришга ҳаракат қилувчи сиёсати руҳини яққол намоён қилиб турибди.

Дунёда тенги йўқ бу улуғвор иншоотларни кўриб, беихтиёр бобокалонимиз буюк Амир Темурнинг ушбу сўзлари ёдимизга тушади: «Агар қудратимизни кўрмоқчи бўлсанг, биз қурган биноларга боқ». Булар барчаси Ҳиндистонда 332 йил ҳукм сурган буюк салтанатни яратган аждодларимиз тарихи билан боғлиқлиги юракка аллақандай фараҳ ва ғурур туйғусини тўлдиради. Бу вақтда Ҳиндистонда ҳинд тарихчилари таъкидлашганидек, тинчлик ва хотиржамлик, бунёдкорлик ва ижод ҳукм сурганки, улар келгувси авлодларга чексиз илҳом ва абадий ҳайрат бағишлагувсидир.

Дехли. Қутб Минор.
Delhi. Kutub Minar.
Дели. Кутуб Минар.

Девони Хос
Devan-e-Khas
Диван е-Кҳас

predecessors with the scope of town-planning works and magnificence of the courtyard. Historians of that time wrote: «Where Akbar (Humajun's son, the third emperor) built constructions of stone, there Shah Dzhahan erected them of marble». The new city of Shahdzhahanabad created by him assigned to Delhi the glory of the capital of the Empire. The new city with wide vast spaces, Lal-Kila (the Red Fort) and grandiose cathedral mosque Dzhuma masjid, became the center of Delhi. The old cities that fell into decay on the territories of modern Delhi had disappeared by then, and only the city of Humajun (Babur's son, the second emperor after Babur) - Dinpanakh (on the place of Indraprastkha) continued concentrating great population for another 100 years, being referred to as Old Delhi as against the new one.

The 2 streets crossing Shahdzhahanabad and perpendicular to each other - Fajz Bazar and Chandni Chouk - were the core of the city structure. It took Shakh Dzhakhan 9 years to finish the construction of the new city and its fort. In due time the fort was framed with 13 gates (only 5 are preserved till today). The courtyard historian wrote: «On the day of opening of the Red Fort - the 24th day of month rabi 1648, the emperor Shah Dzhahan, leading the majestic ceremony, entered the fort gates inverted to the river and participated in the first reception ritual. The Turkish velveteen and Chinese laid out the roof, walls and a colonnade of the hall of receptions silk. The gold columns with wreaths of twisted genuine diamonds supported the majestic canopy above the throne». The same Francois Berne, who was present at the Shakh Dzhakhan's reception, left the record: «The hall open from three sides with some number of pylons is completely penetrated with the air. Both the vaults of the hall and pylons are entirely covered with painting and gilding. At the end of the hall on a gold throne with rubies, emeralds and diamonds sparkling in it, seats the emperor. There is an inscription above the throne made by Shakh Dzhakhan himself: «If there is ever a paradise in the world, it is here, it is here, it is here».

No other monument in India symbolizes so brightly the independence of India but Lal-Kila. Till 1857 there was located a residence of the Emperor-Baburids, and on August 15, 1947 Dzhavaharlal Nehru raised a three-colored banner of independent India above Lal-Kila; this country should overcome colonial backwardness and construct new India worthy of many-centuries-old heritage. The architecture of Dzhuma masjid amazes with its completeness and extraordinariness. All from the red sandstone laid out with white marble, it stands on a high plateau between the fort and the city. The height of side minarets reaches 41m; the highest point of the mosque is 61.3m. This mosque has a special value for the entire Muslim world. Besides that, the mosque stores invaluable relics: a shoe of the prophet Mohammed (s.a.v.), a print of his leg in the stone, the chapter of «Koran» written ostensibly under his dictation, reddish hair from his beard and a splinter of the gravestone once standing above the prophet's tomb; this mosque is also unique because it is the only one in the world where a woman can freely enter providing that she is accompanied with a male relative.

The period of Shakh Dzhakhan's reign (1627-1658) can be compared to the reign period of Akbar the Great (1556-1605). The Indo-Muslim architecture reached its blossoming during the periods of these governors reign. At Akbar's reign the most significant construction in Delhi was the mausoleum of Humajun representing the original of the Indian interpretation of the Samarkand architectural concept. All buildings constructed by Akbar the Great, who was truly considered the greatest Baburid, represent the spirit of his epoch and policy with the typical attempt to synthesize ideas of Islam and Hinduism.

Having seen these grandiose constructions having no analogues in the world, you involuntarily recollect the words of Amir Temur, who told: «If you want to see our power, look at the buildings that we constructed», and you feel great pleasure that all this is connected to the history of our ancestors who created the great empire in India that lasted for 332 years, when, as the Indian historians mark, peace and calmness, creation and creativity, which remained eternal subjects of admiration for the following generations, reigned in India.

РУСТАН РАХМОналиев: “ИМПЕРИИ ТЮРКОВ. РАСЦВЕТ И УПАДОК”.

Монографическое исследование ученого из Кыргызстана Рустана Рахмоналиева является большим научным трудом о происхождении тюркских народов и истории их государственности.

Первая глава этой книги посвящена истории тюркских народов начиная с X века до нашей эры и до V века нового летоисчисления. Во второй – седьмой главах речь идет об истории Атиллы, Великом Тюркском хоканстве, Чингисхане, Амуре Темуре и Османской империи. Четвертая глава называется «Тюрки в мусульманском мире».

В книге достоверно изложено значение тюркских племен в истории человечества, указаны причины возникновения, расцвета и упадка тюркских империй.

Автор проделал огромную работу, внеся весомый вклад в развитие исторической науки. Вместе с тем, в книге имеются определенные недостатки, противоречия и даже измышления.

Прежде всего, у ученого нет четкого представления об этногенезе тюркских народов. Он пишет, что племена, в том числе скифы, саки, массагеты и др., жившие в древности в Туркестане и Западной Сибири, относятся к иранской расе, «иранским народам – индоевропейской семье» (стр. 13) и говорят на восточно-иранском диалекте. Ученый весьма упрощенно, не прибегая к доказательствам, утверждает, что «все арийцы, которые сохранили верность древним богам, стали туранцами, а сторонники Заратустры – иранцами. Так совершилось разделение на Иран и Туран» (стр. 18). Он называет иранскими племена, заселившие побережья Арала, Балхаша, Иртыша, истока Енисея – Минусинск и Алтай. Хотя во вступительной части книги, приводя сказание о железном котле, он утверждает, что тюркские племена распространились по всему свету из Центральной Азии.

Между тем, в науке общезвестно сходство некоторых археологических находок (V–II вв. до н.э.) Алтая, Западной Сибири, Средней Азии, прибрежий Урала, Волги и Евразийских степей, существует даже термин «звериный стиль», характеризующий сходство изображений многих животных, в частности, оленя. Давно доказано, что эти находки были созданы кочевыми племенами, жившими на этих территориях. По мнению же Р.Рахмоналиева, к тюрко-монголам находки не имеют никакого отношения. И тут возникает вопрос: если скифы, саки, массагеты являются иранцами, то почему они отличаются от них своим внешним видом, одеждой, укладом жизни? Почему они живут как тюрки, а говорят на фарси? В этой связи давайте обратимся к «отцу истории» Геродоту. В «Истории Геродота» приводятся некоторые имена скифских божеств (А.И.Доватур, Д.П.Каллистов, И.А.Шишова. «Народы нашей страны в «Истории Геродота», М. 1982”), которые сродни древнегреческому Зевсу и его жене Гее и назывались «Папей» и «Апи». По утверждению известных татарских ученых М.Закиева, Н.Фаттах, А.Каримуллина, эти слова не имеют иранских корней. В основе этих слов лежат корни тюркских слов: «Папей» – «бабай», «папай», «бобо», «баба» – что обозначает отец, «Апи» – аби, апай, эна, эби – мать. Согласитесь, персидское «падар» – отец, «хохар» – мать не созвучны со словами «папей» – папай (тюрк.) и «апи» – аби, апа (тюрк.).

Геродот пишет и об «аримаспи» – «одноглазых людях», живущих на востоке. В научной литературе аримаспов считают предками гуннов и тюрков (Томашек). Их также считают монголами и тюрками (В.Лауфер, Е.Д.Филлис). На наш взгляд, слово «аримаспи» также имеет тюркские корни. Речь на самом деле идет не об одноглазых людях, а о людях с полуприкрытыми глазами, то есть узкоглазых – монголоидного типа. По – тюркски «спу» или «сеппи» означает глаза, слово «арим» или «арым» – половина или полу. Следовательно, слово «аримаспи» никак не может быть изъяснено по персидски.

Если одежда, вооружение, быт, слова скифов имеют тюркские корни, то как они могут считаться «иранским народом, относящимся к индоевропейской семье индоиранской или арийской группы», как утверждает Р.Рахмоналиев?

Автор неверно разъясняет и слово «массагеты». Он пишет: «Что касается массагетов, живущих на южных берегах Арала, Геродот считает их скифами, а их иранское имя «массагета» означает «рыбаки». Ученый, очевидно, не очень внимательно читает источники. Ученые, относящие массагетов к иранской группе, изъясняют это слово как «рыбоеды». В этой связи хочется упомянуть точку зрения С.П.Толстова, который слово «масса-гет» изъясняет как «великий гет» и связывает со словом «хетт», доказывая, что между хеттами, жившими в Передней Азии и хорезмийцами есть взаимосвязь. Он отмечает «удивительную схожесть слов хорезмского «арна» или «орна» (канал) и протохеттского «арна» (родник)».

Очень интересную версию выдвигает русский ученый Н.Л.Членова в статье «Тагарские лошади», написанную по результатам археологических исследований в местности Тагар на Енисее.

РУСТАН РАХМОналиев: “ТУРКИЙ ИМПЕРИЯЛАР. ЮКСАЛИШ ВА ТАНАЗЗУЛ СИРЛАРИ”.

Ортиқбой АБДУЛЛАЕВ

Қирғизистонлик олим Рустан Рахмоналиевнинг «Туркий империялар» монографик тадқиқоти, туркий халқларнинг келиб чиқиши, давлатчилиги тарихини таҳлил этувчи салмоқли илмий асар.

Китобнинг биринчи бобида туркий халқларнинг милоддан аввалги X асрдан эрамининг V асригача кечган тарихи, иккинчи – еттинчи бобларида Атилла, Буюк Турк хоқонлиги, Чингизхон, Амир Темур ва Усмонийлар империяси тарихи ёритилган. Тўртинчи боб эса, «Турклар мусулмон оламида» деб аталади.

Китобда қадимий туркий қабилаларнинг инсоният тарихидаги буюк хизматлари, яъни скифларнинг Яқин Шарқдаги фаолияти, хунларнинг Хитой империяси ва Европа давлатлари билан муносабатлари, туркий қавмларнинг қўшни халқлар билан маданий-иқтисодий-сиёсий алоқаларига оид кенг қамровли манбаларга асосланиб туркий салтанатларнинг пайдо бўлиши, ривожланиши, юксалиши ва таназзул сабаблари тўғри кўрсатилган. Муаллифнинг машаққатли меҳнатини ва тарих фанига салмоқли ҳисса қўшганини эътироф этган ҳолда, китобдан кўнглимиз тўлмаётган жиҳатлар, жиддий нуқсонлар ва айрим «кашфиёт»лар хусусида тўхталамиз.

Аваламбор, олим туркий халқларнинг этногенези масаласида муқим таҳлилий фикрга эга эмас. Р.Рахмоналиевнинг таъкидлашча, қадимда Туркистон ва Фарбий Сибирда яшаган қабилалар, жумладан, скиф, сак, массагет ва бошқа қавмлар эрон ирқиға (таъкид бизники — О.А.) мансуб бўлиб (13-бет), ҳинд-европа оиласининг ҳинд-эрон ёки орий гуруҳига қирадилар (14-бет) ва Шарқий Эрон лаҳжасида сўзлашадилар. Олим ҳеч қандай исботланмаган далилларсиз қуйидаги хулоса чиқаради: «... все арийцы, которые сохранили верность древним богам, стали туранцами, а сторонники Заратустры – иранцами. Так совершилось разделение на Иран и Туран» (18-бет). Хуллас, муаллиф Орол, Балхаш, Иртыш бўйлари, Олтой, Енисей дарёси бошланиши – Минусинск ҳудудларида фақат эроний қавмларни кўради. Ваҳоланки, Р.Рахмоналиев китоб муқаддимасида туркийларнинг темир қозон ҳақидаги ривоятини келтириб, бу қавмлар Марказий Осиё ҳудудларидан бутун дунёга тарқалганини таъкидлаган эди. Кейинги мулоҳазалари билан у аввалги фикрларини бирин-кетин инкор эта бошлайди. Туркийлар Туронда, Олтойда, Енисей бўйларида яшамаган бўлса, бу ерларда фақат ҳинд-европалар макон тутган десак, унда туркий қавмлар ер юзига осмондан тушиб қолганми?

Олтойдаги Пазирик кўрғонидан (милодан ав. V–II асрлар), умуман, Фарбий Сибирдан жуда кўп олтин буюмлар топилигани илм аҳлига маълум. Булар ҳақида А.П.Окладников, С.П.Толстов, С.И.Руденко, А.Н.Бернштам, Федоров-Давидов ва бошқа олимларнинг асарларида кенг ёритилган. Олтой, Фарбий Сибирдан топилиган ёдгорликларнинг Ўрта Осиё, Урал, Волга бўйлари ва Евроосиё чўли ҳудудларидан топилиган моддий буюмларга жуда яқинлиги, улар бу ерларда қадимдан яшаган кўчманчи қавмлар яратгани алақачон исботланган. Олимлар бу ноёб буюмлар орасида турли ҳайвонлар, жумладан, буғу тасвири кўп учрашини ҳисобга олиб, уларни «жоңлиқ услуби» («звериный стиль») атамаси билан номлаганлар. Р.Рахмоналиевнинг фикрига кўра, бу ёдгорликларнинг «турк-мўғулларга ҳеч қандай алоқаси йўқ», улар «скифлар, саклар ва сарматларга мансуб бўлган ҳинд-европаларникидир» (24-бет). Бу даражада қатъий хулоса чиқариш учун далил борми? Муаллиф бу борада «турли олимларнинг фикрига кўра ...» дейди-ю, ундан нарига ўтмайди. Хўш, бу олимлар ким? Улар қайси асарларида шундай деган? Бу саволлар жумбоқлигича қолавереди.

Тўғри, Р.Рахмоналиевнинг бундай хато фикрларини юксак рутбали тадқиқотчилар ҳам кўпдан бери такрорлаб келадилар. Биргина Москва ва собик Ленинградда жилд-жилд шундай китоблар чоп этилган. Муаллиф гарчи манбасини кўрсатмасида, бу ногўри фикрларни дидсизларча такрорлайвереди. Холбуки, илмда ўзгармайдиган, қотиб қолган қоида йўқ. Туркий халқлар Ўрта Осиё ҳудудларида қадимдан яшаганини ёки «келгинди»ларми? Дунё олимлари бу масалада ҳамон баҳслашиб, қалаванинг учини тополмай ётишибди. Хўш, гап нимада ўзи? Ҳамма гап шундаки, қадимги скиф, сак, массагет, даҳ сингари қабилалар тилига доир ёзма манбалар бизгача етиб келмаган.

Улар босқинчилар томонидан аёвсиз йўқ қилиб юборилган. Беруний бобомиз айтганларидек, «окибатда бу халқларнинг тарихи тиклаб бўлмайдиган» даражага келиб қолган. Хозир баъзилар дастак қилаётган «сак тили», «суғд тили» ёдгорликларни эса анча кейин бунёд этилган бўлиб, улар чинакам тарих манзараларини тиклай олмайди. Қизиғи шундаки, олимлар деярли бир овоздан бу қабилалар шарқий эроний қавмларга мансуб, аммо қиёфаси, кийим-кечаги, маънавий ва жанговар турмуш тарзига кўра қадимий туркийларга ўхшайдилар, деб таъкидлайдилар. Р.Раҳмоналиев ҳам бу қарашни маъқуллайди ва скифлар билан хунлар, туркютлар (кўк турклар)га хос ўхшашликларга доир мисолларни келтиради. Савол туғилади: скифлар, саклар, массагетлар эроний қавмларга мансуб бўлса, нега қиёфаси, кийим-кечаги, турмуш тарзи уларникидан фарқ қилади? Нега улар туркийларга ўхшаб ҳаёт кечирадилару бошқа тилда сўзлашадилар? Эроний халқларнинг ўзига хос ҳаёт тарзи, маданияти нега уларга ўтмаган? Ғалати зиддият! Балки юқоридаги қавмлар туркий тилда сўзлашгандирлар? Нега масалани шу тарзда қўйиш мумкин эмас? Келинг, қадимги юнон олимларининг асарлари орқали бизгача етиб келган скифча киши ва жой номларини кўздан кечирайлик. Зеро, Р.Раҳмоналиев «Геродотнинг скифларга доир маълумотлари чинакам эроний атамаларга мос келади», деб таъкидлайди (21-бет). Таниқли татар олимлари М.Закриев, Н.Фаттоҳ, А.Каримуллинлар ана шу номлар маъноларини мутлақо бошқача изоҳлаганлар. «Тарихнинг отаси» ҳисобланмиш Геродот асарларида (А.И.Доватур, Д.П.Каллистов, И.А.Шилова. «Народы нашей страны в «Истории Геродота», М., 1982) баъзи скиф худолари номлари учрайди. Грекларнинг бош худоси Зевс ва хотини Геяга мос келадиган скиф худолари «Папей» ва «Апи» деб аталган. Олимлар айнан ана шу сўзларни эронча изоҳлаб бўлмаслигини қайд этадилар. Хўш, форсча-эрончада изоҳлаб бўлмаса, қайси тилга кирди бу сўзлар?! Синчиклаб қарасангиз, «папей» – туркий бабай, папай, бобо, баба экани, «апи» эса аби, апай, эна, эби – она, буви экани шундоққина кўришиб турибди. Айттайлик, «папей»ни форсча «падар» деб изоҳлаш мумкин, аммо она форс тилида «модар», «она эса «хохар» дейилади. Энди қиёсланг, «апи» — аби(й), опа, ана қаёқда-ю, «модар» ёки «хохар» қаёқда!

Геродот скифлардаги «бир кўзи кишилар» – «аримаспи» ҳақида ҳам ёзди: скифча арима бир, спу – кўз. Бу сўзни ҳам форсча изоҳлаб бўлмайди (*Юқоридаги китоб, 256-бет*). Гап кўзи киши, ярим юмук кишилар ҳақида кетяпти. Арима – туркий яримга тўғри келади. Сал-пал очик кўз туркий тилларда спу (сепи) дейилади. Демак, скифча «аримаспи» туркий ярим сепи – кўзи киши маъносини билдиради. Дарвоқе, Геродот аримаспиларни шимолда яшайди, деб маълумот беради. (*Бу мисолларни татар олими М.З.Закриевнинг «Қадимги туркийлар ва уларнинг тилини ўрганиш» мақоласидан олдик. «Тюркское языкознание», Т., 1985*).

Илмий адабиётларда аримаспиларни гунлар ва туркийларнинг қадимги аждоди дейишади (*Томашек*). Шунингдек, уларни мўғуллар ва туркийлар деб ҳисобловчилар ҳам бор (*В.Лауфер, Е.Д.Филлипс*). Булар ҳақида Геродотга бағишланган юқоридаги китобдан батафсил маълумот олиш мумкин (256-бет).

Кўрамикчи, Геродотдаги кўшгина скиф сўзлари айнан туркий маъноларга мос келаяпти. Скифларнинг кийим-кечаги, қурол-яроғи, турмуш тарзи туркийча, бунинг устига сўзлари ҳам туркийга мос келар экан, уларни фақат «хинд-европаликлар» деб аташ бир ёқлама қарашдир.

Р.Раҳмоналиев эса намойишкорона «... янада шарқда – Иртиш ва Енисей бўйларида яшаган аримаспилар, ҳеч шубҳасиз, скифлар каби эронийлардир», (15-бет) деб ёзди. Аввало, олис шимолда эронийлар қандай келиб қолганини исботлаш зарур. Бундан ташқари, Иртиш, Енисей (Энасой) каби соф туркий сўзлар ҳурматли олимимиз тарихни сохталаштираётганини очик кўрсатмайдимиз!

Муаллиф давом этади: «Оролнинг жанубий қирғоқларида яшаган массагетларни Геродот скифлар жумласига киритди, уларнинг исми эронча «массагет» бўлиб, «балнқчилар» маъносини билдиради» (15-бет). Олим манбаларга дурустрок назар солмайди ҳам. Массагетларни эронийларга киритувчи олимлар уларни «рыбаки» эмас, «рыбоеды» тарзида изоҳлашади. С.П.Толстовнинг бу борадаги фикрлари эътиборга сазовор. У «массагет»ни, яъни «улуғ гетлар»ни «хетт» сўзи билан боғлайди ва қадимги Олд Осиёда яшаган хеттлар билан хоразмийлар ўртасида алоқа

RUSTAN RAKHMONALIEV: “EMPIRES OF THE TURKIS, BLOSSOMING AND DECLINE”.

The monographic research of the scientist from Kyrgyzstan, Rustan Rakhmonaliev is the great scientific work on origin of the Turkic peoples and history of their statehood.

The first chapter of this book is devoted to the history of the Turkic peoples starting from the 10th century BC and up to the 5th century AD. The chapters from the second one to the seventh one tell the history of Atilla, of the Great Turkic хоканстве, Chinghizkhan, Amir Temur and the Ottoman Empire. The fourth chapter refers to «The Turkis in the Muslim world».

The book authentically states the importance of the Turkic tribes in the history of mankind, indicates the reasons of origination, blossoming and decline of the Turkic Empires.

The author has done great work, having brought great contribution into development of the historical science. At the same time, in the book there are certain lacks, contradictions and even fabrications.

First of all, the scientist does not have clear understanding about ethnogeny of the Turkic peoples. He writes that the tribes, including the Scythians, the Saks, the Massaghet and others living in ancient times in Turkestan and Western Siberia, concern to the Iranian race, to the «Iranian peoples – Indo-European family» (page 13) and they speak the east-Iranian dialect. The scientist rather simplistically, not involving the proofs, asserts that «all Aryans who kept fidelity to ancient gods, became the Turans, but the supporters of Zaratustra – became the Iranians. So there happened division into Iran and Turan» (page 18). He calls the tribes inhabiting the coastline of the Aral-lake, Balkhash-lake, of the river Irtysh, the source of the river Yenisei – Minusinsk and Altai, as the Iranian tribes. Though in the introductory part of the book, telling the legend about the iron boiler, he approves that the Turkic tribes spread all over the world from Central Asia.

Meanwhile, it is well-known in the science the similarity of some archeological finds (the 5th–2nd centuries BC) in Altai, Western Siberia, Central Asia, in the coastlines of the rivers Ural, Volga and in the Euroasian steppes. There exists even the term «animal style» describing similarity of images of many animals, in particular, of a deer. It is proved long ago that these finds were created by the nomad tribes living in these territories. In R.Rakhmonaliev's opinion, these finds have no relation to the Turkic-Mongols. And here arises a question: if the Scythians, the Saks, and the Massaghet are the Iranians, then why do they differ from them with their appearance, clothes, and lifestyle? Why do they live as the Turkis but speak Farsi? In this connection let's address to «the father of history» – to Herodotus. «The History by Herodotus» mentions some names of the Scythian deities (A.I.Dovatur, D.P.Kallistov, I.A.Shilova. «The peoples of our country in «The History by Herodotus» M.1982»), who are similar to ancient greek Zeus and his wife Gheya and referred to as «Papei» and «Apy». According to the statement of the wellknown Tatar scientists M.Zakiev, N.Fattakh, and A.Karimullin, these words have no Iranian roots. The basis of these words have roots of the Turkic words: «Papei» – «babai», «papai», «bobo», «baba» – which mean «father»; «Apy» – «abi», «apai», «ena», «ebi» – «mother». One can agree that the Persian words «padar» – father, «khokhar» – mother do not concord with words «papei» – papai (turkic) and «apy» – abi, apa (turkic).

Herodotus also writes about «arimaspi» – «one-eyed people» living in the east. In the scientific literature the arimaspi are considered as ancestors of the Huns and the Turkis (Tomash). They are also considered as the Mongols and the Turkis (V.Laufer, E.D.Fillips). In our opinion, the word «arimaspi» also has Turkic roots. The matter actually concerns not the one-eyed people but the people with half-closed eyes, i.e. the narrow-eyed people of the mongoloid type. In Turkic the words «spu» or «sepi» mean eyes, the words «arim» or «yarim» – half or semi. Hence, the word «arimaspi» cannot be explained in Persian in any way.

If the clothes, arms, life, words of the Scythians have Turkic roots, then how can the Scythians be considered «as the Iranian people related to the Indo-European family, to the Indo-Iranian or Aryan group», as R.Rakhmonaliev states?

The author also incorrectly explains the word «Massaghet». He writes: «As to the Massaghet living on the southern coast of the Aral-lake, Herodotus regards them as the Scythians, and their Iranian name «massaghet» means «fishermen». The scientist reads the sources obviously not so attentively. The scientists who attribute the Massaghet to the Iranian group interpret this word as «fish-eaters». In this connection it would be desirable to mention S.P.Tolstov's point of view who explains the word «massa-ghet» as «great ghet» and connects it with a word «hett», proving that between the hets living in Front Asia and the Khorezmians there is some interrelation. He marks «surprising similarity of the Khorezmian word «arna» or «orna» (a channel) and the protohett word «arna» (a spring)».

Very interesting version is expressed by the Russian scientist N.L.Chlenova in her article «The Tagar Horses» written as results of

Найденные там кости лошадей и остатки конского снаряжения очень похожи на сакские из Средней Азии. Она полагает, что во времена персидских завоеваний (VI-V вв. до н.э.) часть сакских племен (сака-тиграхауда), оставив свои земли, отправилась к берегам Енисея. Она доказывает, что саки из Средней Азии и Еггисув и скифы из Тагара относятся к одному семейству и расовой группе. Учитывая заключение Н.Л.Членовой и то, что первоначально саки говорили на тюркском, можно сделать вывод, что упомянутые племена относятся к тюркским.

Кстати, С.П.Толстов, сопоставляя древний шумерский язык с тюркским, тоже отметил множество похожих по смыслу и звучанию слов: дингир – тангри – бог, ай – ой – луна, даг – тог – гора, уч – уч – три, ун – ун – десять и т.д.

Известный казахский поэт Олжас Сулейменов в своей книге «Азия» тоже отметил более четырехсот тюркских слов в шумерском языке.

Таким образом, главный недостаток книги Р.Рахмоналиева – это фальсификация истории.

Вот еще один пример фальсификации из этой книги, где говорится о происхождении узбекского народа: «В состав узбекского народа входят в основном следующие этнические части: 1/старое тюркское население Моварунахра, которое уже с XI в. начало тюркизировать в языковом отношении жившее здесь с глубокой древности таджикское земледельческое население; 2/ тюркизированное в ряде городов ираноязычное население, которое давно уже потеряло свой прежний таджикский язык; 3/кочевники – узбеки, переселившиеся в конце XV и в начале XVI вв. в большом количестве со стороны низовьев Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи на территорию современного нам Узбекистана». Из этого отрывка можно сделать следующий вывод: часть узбеков – отуреченные таджики, другая часть – кочевники. И это говорится о народе с древней культурой и богатыми традициями, история которого насчитывает более трех тысячелетий?

Много неточностей и противоречий в главе, посвященной империи Амира Темура. Автор пошел по пути очернительства великого полководца и государственного деятеля, каким его пыталась представить бывшая советская историческая наука. Разве автор не знает, что 1996 год по инициативе ЮНЕСКО был объявлен Международным годом Амира Темура и его 660 летний юбилей отмечался не только в Узбекистане, но и в других странах? Было опубликовано множество новых исследований европейских ученых, кладущих конец очернительству личности великого Темура. Тем не менее, Рахмоналиев пишет: «Темур установил власть, основанную на терроре» (стр. 539), «по мере укрепления власти Темура все чаще и чаще применялись казни» (стр. 541). И в то же время автор, противореча себе, излагает прямо противоположные точки зрения, отвергающие вышеуказанные строки: «Великий эмир организовал контроль за ценами, продуктами питания и поощрял деятельность ремесленников. Он усовершенствовал службу курьеров и перевозку по всему Моварунахру, создал отряды охраны порядка, которые обеспечивали безопасность даже путешественников» (стр. 557). Известно, что Темур действовал под лозунгом «Сила в справедливости». Действительно, автор отмечает, что Сахибкиран освобождает на три года от налогов всех жителей империи. Организует рытье грандиозных каналов в Кабуле и Муганской пустыне («правда, историки не знают, почему он это делал», отмечает автор! стр. 60). За неделю с гор по каменным трубам подводит родниковую воду к Кабулу, сами амиры участвуют в этом деле, таская камни для водного пути, строятся лечебница (стр. 604). А в Дамаске для острастки вздергивают на виселицу двух мародеров, чтобы предотвратить разграбление города (стр. 621). Раз так, то почему не делается правильное обобщение и не дается объективная оценка деяниям великого правителя?

Автор также искаженно, неверно толкует и военные походы Амира Темура, его созидательную деятельность в области градостроения.

В книге также имеют место фактические ошибки. Например, автор пишет о походе на Россию. На самом деле был нанесен удар не по России, а по Золотой Орде. Или он пишет: «Торжества проводились в Регистане». Но, как известно, Регистан построил не Темур, а его внук Улугбек. При Темуре торжества и гулянья проводились в Конигиле, чистом поле, об этом писал и испанский посланник Рюи Гонзалес де Клавихо.

В книге также имеется множество ошибок в орфографии исторических географических названий, терминов и их толкований. Кроме того, автор без всяких ссылок переписал целые куски из книг Л.Гумилева «Древняя Русь и Великая степь», А.Якубовского «Темур», из статей профессоров И.Умянова, Г.Пугаченковой, Л.Ремеля.

Одним словом, при чтении этой монографии рождается множество вопросов научного и этического характера. Учитывая допущенные автором просчеты и историческую фальсификацию, вред ли эту книгу можно отнести к числу научных изданий.

борлигини исботлайди. Олим хоразмча арна, орна (канал) сўзи билан протохеттча арна-булок, манба сўзлари ўртасида «бир-бирига хайрон коларли даражада ўхшашлик борлигини» кайд этади.

Яна бир мисол келтирамиз. Археологлар Енисейдаги Тагар манзилгоҳидан топилган от суяклари ва асбоб-анжомларини текшириб, улар ўрта Осиё саклариникига жуда ўхшашлигини аниқладилар. Уларни синчиклаб ўрганган рус олими Н.Л.Членова «Тагарские лошади» («Тагар отлари») мақоласида ниҳоятда муҳим хулосани илгари суради. Эрадан олдинги (VI-V асрлар) форс истилолари даврида сакларнинг катта гуруҳи (сака-тиграхауда) ўз ўлкаларини тарк этиб, Енисей бўйларига кетганлар. Улар босқинчиларга бўйсунини хохламаганлари учун бу кескин чорани қўллаш мажбур бўлганлар. Ўрта Осиё ва Еггисув саклари билан Тагар скифларининг бир ирққа мансублиги археологларнинг захматли меҳнати туфайли исботланди. Сакларнинг тили дастлаб туркий бўлганлиги ҳақидаги мулоҳаза билан кейинги мисолни киёслаб, мантқиқий хулоса чиқарилса, бу қавмлар туркийларга мансублигига шубҳа қолмайди.

Дарвоқе, С.П.Толстов қадимги шумер тили билан туркий тиллардаги ўхшаш жиҳатларни киёслаган эди: «Шумерча дингир –худо, туркийча тангри – худо, шумерча ай – ой, туркийча ай, ой–ой, шумерча даг–тоғ, туркийча даг, тоғ, таг–тоғ, шумерча уч, ўн, туркийча уч, ўн ҳам ўша маънода ва ҳоказо». Олим кузатувларини умумлаштириб шундай хулоса чиқаради: «Ўрта Осиё халқларининг Олд Осиё халқлари билан алоқалари ҳинд-европа муносабатларидан бурунги даврга бориб тақалади». Скифларнинг туркий тилда сўзлашганига бундан ортиқ яна қандай исбот керак?

Таниқли козоқ шоири Олжас Сулаймонов «А з и я» китобида шумер тилидаги тўрт юздан кўп туркий сўзларни аниқлаб келтирган.

Хуллас, Р.Рахмоналиев китобидаги энг катта хато – тарихни сохталаштиришдир. Тасаввур аниқ бўлиши учун яна бир мисол келтирамиз.

Муаллиф ўз китобида яна бир «жасорат» кўрсатиб, ўзбек халқининг келиб чиқишини ёритишга қўл уради: «В состав узбекского народа входят в основном следующие этнические части: 1/старое тюркское население Мавераннахра, которое уже с XI в. начало тюркизировать в языковом отношении жившее здесь с глубокой древности таджикское земледельческое население; 2/ тюркизированное в ряде городов ираноязычное население, которое давно уже потеряло свой прежний таджикский язык; 3/кочевники узбеки, переселившиеся в конце XV и в начале XVI в. в большом количестве со стороны низовьев Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи на территорию современного нам Узбекистана». Бу парчадан қуйидаги хулоса келиб чиқади: ўзбекларнинг бир қисми туркийлашган тожиклар, иккинчи қисми эса, келгинди кўчманчилардир. Қадимий бой аъналарга, кўҳна маданиятга эга бўлган ва салкам уч минг йилдан бери ажодлари Моварунахрда яшаб келаётган ўзбек халқи тарихини бу даражада сохталаштиришдан мақсад нима эканини тушуна олмадик.

Тарих ҳақиқатларини бузиш, сохталаштириш тамойили Амир Темура салтанатига бағишланган бобда юқори нуктага чиқади дейиш мумкин. Муаллиф собиқ шўро тарихчилари йўлидан бориб, Соҳибқирон киёфасини асосан қора бўёқларда, бир ёқлама тасвирлайди. Холбуки, кейинги йилларда Амир Темура фаолиятини баҳолашда туб бурилишлар содир бўлди. ЮНЕСКО ташаббуси билан 1996 йил Халқаро Амир Темура йили сифатида эълон қилиниб, Соҳибқирон туғилган куннинг 660 йиллиги Ўзбекистонда ҳамда жаҳондаги кўп мамлакатларда муносиб нишонланди. Йирик тадқиқотлар, айниқса Европа олимларининг бизга номаълум асарлари эълон қилиниб, аввалги бир томонлама қарашларга чек қўйилди. Р.Рахмоналиев буни билмаслиги мумкин эмас.

Р.Рахмоналиев Амир Темура «терроорга асосланган тузум» (539-бет) қурди, «салтанати кенгайган сари қатл-қиргинларга зўр берди» (541-бет) деган бир ёқлама гоғина кучайтириб боради. Аммо китобдаги «Великий эмир организовал контроль за ценами, продуктами питания и поощрял деятельность ремесленников. Он усовершенствовал службу курьеров и перевозку по всему Мавераннахру, создал отряды охраны порядка, которые обеспечивали безопасность даже путешественников» (557-бет) каби мулоҳазалар муаллифнинг юқоридати даввоси асосизлигини тўла исботлайди. Амир Темура салтанат ишларида «Куч – адолатдаир» деган шiorга амал қилгани маълум. Муаллиф Соҳибқирон бутун салтанат аҳолисини уч йиллик солиқдан озод қилгани (571-бет), Кобулда, Мўғон чўлларида улуғвор каналлар

каздиргани (унингча, тарихчилар бунинг сабабини билмай халигача ҳайрон қолишар эмиш! 60-бет), Кобул шаҳри аҳолиси учун олис тоғдан тош йўниб, бир ҳафта ичида қувурда булук суви келтирилгани, ҳатто амирлар ҳам бу қурилишда тош ташиганларини, касалхона қуриб берилганини (604-бет) қайд этади. Ҳатто Дамашқ шаҳрида аҳолининг мол-мулкига тажовуз қилган уч навкар ибрат учун дорга осилгани (621-бет) ҳақида маълумот беради. Воқеалар аслида шундай кечган экан, уларнинг моҳиятини тўғри умумлаштириб, ҳолис баҳолаш зарур эди.

Муаллиф Амир Темур юришларининг туб моҳиятини ҳам нотўғри изоҳлайди.

Шунингдек, Амир Темур даври меъморчилиги ҳақида гапирар экан, уларда эрон услуби етакчилик қилади (540-бет) деб қайд этади. Бу ҳам бир ёқлама қараш. Академик Бартольд ўз мақолаларида Самарқанд ва Шаҳрисабздаги улўвор бинолар қурилишида Урганчдан олиб келинган усталарнинг хизмати катта бўлганини бир неча марта таъкидлаган. Академик Г.Пугаченкова ва Л.Ремпельнинг тадқиқотларида эса Темур ва теурийлар даврида ўзига хос Мовароуннаҳр меъморчилик мактаби вужудга келганлиги исботлаб берилган ва буни илм аҳли алақачон эътироф этган.

Шунингдек, тадқиқотда жуда кўп фактик ҳаёлларга йўл қўйилган. Масалан, (543-бетда) гўё Темурнинг «Россияга юриш қилгани» ҳақида ёзилади. Холбуки, Россияга эмас, Олтин Ўрдага зарба берилади. Бунинг натижасида Руснинг мўғул истибодидан қутулишига йўл очилади. Ёки (568-бетда) Самарқандда «Регистонда тантаналар ўтказилган эди» дейилади. Регистон мажмуасини Соҳибқирон эмас, балки Улўбек ва ундан кейинги ҳукмдорлар бунёд этганлар. Амир Темур даврида испан элчиси Рюи Гонзалес де Клавихо гувоҳлик беришича, тантанали байрамлар, халқ сайиллари, ҳарбий кўриklar Кониғилда ўтказилган.

Умуман, тарихий атамаларни тўғридан-тўғри ҳозирги замонавий сўзларга қиёслаш китобнинг яна бир жиддий нуқсонидир. Раҳмоналиевнинг талқинида саидлар – пайғамбар аждодлари «садатлар»(?)га (541-бет), ҳокимлар «губернаторлар»га (567-бет), Мироншоҳ «вице-кирол»га (592-бет), кўшин бошлиқлари «офицер», «командир»га, навкарлар «солдат»га (568-бет) айланадики, буни маъқуллаб бўлмайди.

Китобда хато ёзилган исмлар, жой номлари ниҳоятда кўп. Масалан: Мухаммад Пала-ал-Дин, (Салоҳиддин), Темур-Ходя (хўжа, хожа), Джаламудин (Жамолиддин), Кайхусров, Мухамед Коагин (Кавчин), Кай-бер (Хайбар), Наги Джахан (Боғи Жаҳон), Диргам (Даргом), Кандзада Абул-Маали (Худовандзода Абул Маолий). Сеу-Ма-Цъен (Си-Ма-Цян), империя Арсасидов (Аршакийлар империяси), Гоньюкук (Тўнюкук), Бильяктегин (Билка-тегин), Гудэарат (Гужарат), Эльмакризи, Эласади, Эласкалани (ал Макризий, ал Асадий, ал Аскалоний) ва ҳоказо.

Баъзан нотўғри ёзилган жой номлари ўқувчини мутлақо қалқштириб қўяди. Масалан, Самара атрофида Волгага қуйилган Ока дарёси «Соки» (569-бет), Басра шаҳри «Бассорь», Сягнок «Сягнах» тарзида берилади. «Косруан» (596-бет), «Кх-хан» (592-бет) каби номларни умуман аниқлаб бўлмайди.

Муаллифнинг яна катта бир «кашфиёти» кўчирмачиликда намоян бўлади. Муаллиф ҳеч иккиланмасдан Л.Гумилевнинг «Древняя Русь и Великая степь», А.Якубовскийнинг «Темур» тадқиқотлари, профессор И.Умняков, Г.Пугаченкова, Л.Ремпель каби олимларнинг мақолаларидан бутун-бутун саҳифаларни шундоққина кўчириб олаверади. Асарларнинг номи, муаллифларнинг исми-шарифлари китобда деярли келтирилмайди.

Масалан, Р.Раҳмоналиев Л.Гумилевнинг «Древние тюрки» («Қадимги турклар») китобидagi фикрларни ҳам (608-618-бетлар) айнан кўчириб олган. Фақат фарқ шуки, Л.Гумилев ўзидан олдин бу хусусда сўз юритган П.Пельо, А.Н.Кононовларнинг номини тилга олади ва манбаларни аниқ келтириб, изоҳлаб беради, юксак тарихчи мартабасига етган бу олим илмга номуносиб йўл тутганини хаёлига ҳам келтирмайди. Р.Раҳмоналиев эса бировлар игнада қудук казигандек катта машаққат билан тўплаган ҳулосалар, умумлашмаларни бемалол ўзиники қилиб олаверади.

Китобни ўқир экансиз, юзлаб саволлар қалашиб келаверади. Муаммолар, жиддий илмий масалалар палапартиш ва бир ёқлама, нотўғри ёритилгани, асоссиз ҳулосалар чиқарилиб, тарих ҳақиқати сохталаштирилгани учун Р.Раҳмоналиевнинг «Туркий империялар» китобини, афсуски, ҳолис, теран тадқиқотлар қаторига қўшиб бўлмайди. Ошқора кўчирмачилик эса муаллиф шаънига иснод келтирувчи қора тамға бўлиб қолаверади.

the archeologic researches held in district Tagar on the river Yenisei. The bones of horses and the rests of horse equipment found there are very similar to the Sak ones from Central Asia. She believes that in days of the Persian conquests (the 6th-5th centuries BC) some part of the Sak tribes (*saka-tigrahauda*), having left their lands, left for the coasts of the river Yenisei. She proves that the Saks from Central Asia and Etituv (Sever-River), and the Scythians from Tagar concern to the same family and to the same racial group. Taking into account N.L.Chlenova's conclusion and that originally the Saks spoke Turkic, we can draw a conclusion that the mentioned tribes relate to the Turkic ones.

By the way, S.P.Tolstov comparing the ancient Shumer language with Turkic has also noted some words with similar meaning and pronunciation: *dinghir – tangri – a god, ai – oi – the mountain, dag – tog – a mountain, uch – uch – three, un – un – ten, and others.*

The wellknown Kazakh poet Olzhas Sulejmenov in his book «Asia» has also noted more than four hundred Turkic words in the Shumer language.

Thus, the main lack of the book by R.Rakhmonaliev is falsification of the history.

Another example of the falsification from this book is when it tells about origin of the Uzbek people: «The proportion of the Uzbek people basically includes the following ethnic parts: 1/old Turkic population of Mouvaraunnahr which starting from the 11th century began turkization, in terms of language, of the Tadjik population engaged in agriculture and living here from very olden times; 2/turkized in some cities the Iran-language-speaking population that long ago had already lost their former Tadjik language; 3/nomads – the Uzbeks who moved in great quantity at the end of the 15th and in the beginning of the 16th centuries from the lower reaches of Amudarya and Syrdarya to the territory of our modern Uzbekistan». From this fragment we can make the following conclusion: some part of the Uzbeks are the Turkic-speaking Tadjiks, other part – are the nomads. And it is about the people with ancient culture and rich traditions whose history totals more than three millenia?

There are a lot of discrepancies and contradictions in the chapter devoted to Empire of Amir Temur. The author took a way of calumniation of the great commander and statesman, the way the former Soviet historical science tried to present him. Perhaps the author does not know that the year of 1996 was declared under the initiative of UNESCO as the International year of Amir Temur and his 660th anniversary was celebrated not only in Uzbekistan but also in other countries. The set of new researches by the European scientists putting the end to the calumniation of the person of great Temur has been published. Nevertheless, Rakhmonaliev writes: «Temur established the authority based on terror» (page 539), «in process of strengthening the Temur's authority, executions were applied in increasing frequency» (page 541). And at the same time the author, contradicting to himself, states the opposite points of view rejecting the above-stated lines: «Great Emir organized control over prices, food stuffs and encouraged activity of handicraftsmen. He improved service of couriers and transportation throughout entire Mouvaraunnahr, created groups for protection of the law and order that provided safety even for travellers» (page 557). It is well known that Temur acted under the slogan «Power is in justice». Really, the author marks that Sakhbikran frees from taxes all inhabitants of his Empire for three years. He organizes digging grandiose channels in Kabul and in the desert Mugan («but the historians do not know why he did it» the author marks! page 60). He brings spring water to Kabul in a week from mountains through stone pipes, amirs themselves also participate in this business dragging stones for the waterway; the clinic (page 604) is also under construction. And in Damascus two marauders are hung up on the gallows to prevent plundering in the city (page 621). If so, then why there isn't correct generalization and objective valuation of the acts of the great governor?

The author also falsely and incorrectly interprets the Amir Temur's military campaigns, his creative activity in the field of town-planning.

The book also has some factual mistakes. For example, the author writes about a campaign to Russia. Actually the impact was done not to Russia but to the Golden Horde. Or he writes: «Celebrations were carried out in Registan». But, as is known, Registan was constructed not by Temur but by his grandson Ulugbek. At Temur's time, celebrations and festivals were carried out in Konighil, clean field, even the Spanish envoy Rjui Gonzales de Klavikho wrote about it.

There are a lot of mistakes in spelling the historical geographical place names, terms and their interpretation in the book.

Besides that, the author, without any reference, has copied whole pieces from the books by L.Gumilev «Ancient Russia and the Great Steppe», by A.Jakubovskiy «Temur», from the articles of the professors I.Umnjakov, G.Pugachenkova, L.Rempel.

In a word, while reading this monography there arise lots of questions of scientific and ethical character. Taking into account the mistakes done by the author and his historical falsification, it is hardly possible to attribute this book to a number of scientific publications.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЭПОХИ ТЕМУРИДОВ

В эпоху Амира Темура и темуридов музыкальные инструменты использовались в качестве знака военного отличия. Сахибкيران в своей книге «Уложения» особо выделил раздел «о вручении знамени и ногора», написал следующее: «Повелеваю каждому из 12-ти главных эмиров вручить по флагу и «ногора», эмиру ул-умаро вручить знамя, ногора, туг и чортуг».

Военный оркестр Амира Темура состоял из различных видов инструментов, в частности, широко использовались кук ногора, довул (духул), сурнай, карнай, бургу, пара ударных ногора и духовые инструменты: коранай, изготовленный из меди (сегодняшний карнай), най Руми, буг, нафир, тирсакки, карнай-сурнай.

Историк Али Яздий писал: «В ней (новой крепости) 300 мужчин были привлечены к игре на инструментах духул, кушнай, наккон, нодир, таблак, табал, карнай-сурнай».

Ударные инструменты широко использовались и на охоте.

Решающий бой между Амиром Темуром и Тухтамышханом проходил в 793 г.х. в месяце раджаб 11-го дня (1391г., 4 июня) на правом берегу реки Идил, в местечке Кундузча, расположенном между «Сандра» и «Чистопол». Звуки карнай, сурнай, бургу, больших и маленьких ногора перед восходом солнца содрогли землю и все вокруг, возвестив о начале битвы.

В походе на Индию в 1398 году, 17 декабря, войска Сахибкирана под звуки карнай-сурнай и ногора ринулись в наступление по всему полю битвы.

В эпоху Темуридов зародилась традиция возведения над главными городскими воротами специальных музыкальных помешений (нагарахана).

Известно, что ведущих солистов музыкальных групп двора – исполнителей на карнае, ногоре назначал лично правитель и называли их «мехтар». Эти группы принимали активное участие в массовых праздниках и мероприятиях.

Во времена Амира Темура были «тарабхона» (сценическая площадка для представления) и «минбар» (возвышение для Сахибкирана и военных ногора). Для поднятия боевого духа воинов Амир Темур регулярно проводил в Самарканде торжественные мероприятия, военные парады. На этих торжественных смотрах под звуки ногора Амир Темур проходил перед гордо выстроившимися войсками, на что требовалось больше двух дней.

Как свидетельствуют источники, Улугбек также серьезно увлекался и музыкальной наукой. Его перу принадлежат пять музыкальных произведений для ногоры: булужи, шодиёна, ахлокий, усули равон, улуги. Во время военных походов использовал карнай и ногора.

Как свидетельствуют источники, после кончины Сахибкирана годовалому внуку принцу Ибрагиму вручили боевую ногора и чёрный «туг» деда с изображением дракона. Ему оказали почести с участием всех войск, как владетелю короны и престола.

Хотя музыковед Т.Визго в числе военных и дворцовых музыкальных инструментов Сахибкирана не приводит названия «тирсакки карнай», можно предположить, что это «сур» – неперемещаемый участник военных походов, разновидность «сурон сури».

Духовой инструмент «сур» упоминается в источниках всегда вместе с ударным инструментом «нокур». «Бургу» изготавливали из рогов крупнокопытных животных. Согласно древним преданиям, когда легендарный Сивяш покидал крепость Хорезма, играли на «бургу».

Этот древний инструмент занимал особое место в военном оркестре Сахибкирана. Али Яздий пишет, что при осаде города Карши «Его высочество Сахибкيران издал указ играть на «бургу», дабы угрожающие звуки их прогнали сон и одурманили головы жителей Карши».

Завоевав город Карши, Сахибкيران особо отметил заслугу военного музыканта «бургучи» Дарвешака. Позже «бургу» проникает в культуру Индии в качестве музыкального символа войск Бобура.

Традиционный инструмент тюркских народов – «коварка» существовал во времена Сахибкирана. Его изображение не сохранилось в миниатюрах, его описание не дается в рукописях, но Шарафиддин Али Яздий «коварку» упоминает в ряду ударных инструментов «кус» и «ногора»: «Выстроили войско, под удары «коварка» и звуки «бургу» приняли равнение».

Часто упоминается «коварка» в книге «Зафарнома» и описывается в качестве постоянного музыкального атрибута при боевых действиях. В произведении следующих веков «коварка» почти не упоминается.

С древних времен до наших дней в тюркских оркестрах наряду с известным сурнаем широко используют «чабчиг» и «шон», связанные с новыми тюркскими традициями и обычаями.

Опираясь на сведения Ходжа Абдулқодир Марогий, «чабчиг» – это рогаобразный духовой инструмент, один из древнейших музыкальных инструментов в Центральной Азии, известный со времен Тюркского каганата. В военных походах Амира Темура в оркестре пользовались «чабчиг»-ом.

В те времена самым знаменитым музыкантом слыл Ходжа Абдулқодир Марогий. Услышав о его незаурядном музыкальном таланте, Амир Темур велел перевезти его из Багдада в Самарканд. Марогий создал более 200 мелодий, в том числе многочастные циклы (усул): «Зарб-ал-фатх», «Задор-зарб», «Даври шохон», маком «Таснифи Ходжа Абдул Қодир», «Амали Тарой», «Амали бустон», «Амали Гулистон», «Амали - Хористок». К сожалению, до нас дошли только названия этих произведений.

Следует отметить, что до сегодняшнего дня в Бухаре и Самарканде используют музыкальный стиль «Зарб-ал-фатх», «Чахор-зарб» в традиционной и современной музыке.

Высочайшая духовная среда во времена Амира Темура способствовала развитию музыкального искусства, росту инструментального и исполнительского мастерства, дала возможность развитию музыкальной науки. Городские кварталы или жилые массивы нередко назывались по роду занятий жильцов «Улица певцов», «Улица музыкантов», «Махалля бастакоров (мелодистов)» и др.

ТЕМУРИЙЛАР ДАВРИ ЧОЛГУЛАРИ

Саид САИДИЙ

Марказий Осиёда урма чолгулар даврлар ўтиши билан такомиллашиб, халқ ҳаётида муҳим ўрин тутган. Тарихчи ан-Насафийнинг ёзишича, Хоразмшоҳ Алоуддин Муҳаммад саройида ўтказилган тантаналарда турли мамлакат ва вилоятларнинг асир олинган 27 ҳукмдори саф тортиб, ноғораларда «Нубай Зу-л-карнайн» усулини чалиб туришган.

Сохибкирон Амир Темур ва Темурийлар даврида чолгулар ҳарбий унвон ва даража нишони рамзи сифатида қўлланилган. Сохибкирон ўзининг «Тузуқлар»ида «катта ноғора ва байроқ ато этиш» хусусида алоҳида тўхталиб, қуйидагиларни ёзди: «Амр қилдимки, ўн икки катта амирнинг ҳар бирига битта байроқ ва бир ноғора берилсин. Амир ул-умарога байроқ, ноғора, туг ва чортуғ такдим этсинлар». Амир Темур ҳарбий оркестрида жуфт ноғора, кўс ноғора, довул (духул) сингари урма чолгулар мисдан жсалган коранай (хозирги карнай), найи Румий, буг, нафир, тирсакки, карнай, сурнай каби пуфлама чолгулар билан бойитилган эди. Тарихчи Али Яздий қуйидагича таърифлайди: «... унда (қальада) 300 эркак духул, кўшнай, накқон, нодир, таблак, табал ва карнай-сурнайлар чалиш билан машғул эрди».

Урма чолгулар ов маросимларида ҳам кенг қўлланилган.

Амир Темур ва Тўхтамышхон ўртасидаги хал қилувчи жанг хижрий 793 йил ражаб ойининг 11 куни (1391 йил 14 июнь) Идил дарёсининг ўнг соҳилида, «Сандра» билан «Чистопол» орасидаги Кундузча деган жойда бўлди. Қуёш чиқмасдан карнай-сурнай, бургу ва катта-кичик ноғораларнинг хуруши осмону фалакни ларзага келтирди. Шундан кейин ҳар иккала тарафнинг аскарлари бир-бирлари устига шер бўлиб ташландилар.

1398 йил 17 декабрда Сохибкирон аскарлари Хиндистон юришида ҳам карнай-сурнай, бургу ва катта-кичик ноғораларнинг шиддатли шовқини остида бутун уруш майдони бўйлаб ҳужумга ташландилар.

Темурийлар даврида саройнинг бош дарвозалари тепасига махсус ноғорахоналар қуриш одат тусига айланган эди. Маълумки, сарой мусикий гуруҳларининг карнайчи, ноғорачилардан иборат етакчиларини ҳукмдорнинг шахсан ўзи тайинлаган ва уларни «мехтар» деб аташган.

Мазкур гуруҳлар оммавий байрам, тантана ва сайилларда фаол қатнашган. Шунингдек, Сохибкирон даврида махсус қурилган «тарабхона» (томоша кўрсатиладиган майдон) ва минбар (Сохибкирон ва ҳарбий ноғоралар учун қурилган тахт) мавжуд бўлган. Аскарлар руҳини кўтариш мақсадида Амир Темур Самаркандда тантанали маросимлар, ҳарбий кўриклар ўтказиб турган. Мазкур тантанали маросимларда Сохибкирон ноғораларнинг тантанавор садолари остида, виқор ила тугини кўтариб, саф тортиб турган бўлинмаларни охиста айлиниб чиқарди. Одатда, бутун қўшинни назоратдан ўтказиш учун икки кундан ортиқ вақт кетарди.

Манбаларда таъкидланишича, Улугбек математик олим сифатида формула ва ёзувларга асосланган ҳолда катта-кичик ноғораларда ижро этилувчи булужи, шодиёна, ахлокий, усули

равон ва улуғи каби бешта мусиқа асари ёзган. Улуғбек ҳукмронлик қилган даврда ҳарбий юришларда ноғора ва қарнайлардан фойдаланган.

Манбаларнинг гувоҳлик беришича, Соҳибқирон вафотидан сўнг бир ёшли шахзода Иброҳимга бобосининг жанговар ноғора ва қумушдан аждарҳо тасвири туширилган қора туғини тутқаздилар ҳамда бутун кўшин билан биргаликда унга тожу тахт эгасига кўрсатиладиган иззат-ҳурмат кўрсатдилар.

Мусиқашунос Т.Визго Соҳибқироннинг ҳарбий ва сарой чолғулари қаторидан жой олган «тирсакли қарнай» деб аталган чолғунинг асл номини келтирмаган. Аммо уни жангу жадалларнинг доимий иштирокчиси – «сурон сури»нинг бир тури, деб фараз қилиш мумкин.

Манбаларда пуфлама сур доимо яна бир урма чолғу – «нокур» билан биргаликда қайд этилади. Бурғу эса йирик туёқли ҳайвон шохларидан ясалган. У афсонавий Сиёвүш даврида ҳам мавжуд бўлган. Зеро, манбаларда Сиёвүш Хоразм қалъасидан чиққанида бурғулар чатингани қайд қилинган.

Бу қадимги чолғу Соҳибқироннинг ҳарбий оркестрида ўзига хос ўрин тутган. Али Яздий Қарши шахрини камал қилиш чоғида «Соҳибқирон ҳазрат фармон бердиларки, бурғу чолғилар, оқибат Қарши аҳолиси кўзларидан уйқу қочиб, бурғу товушларидан тахайюр дуди бошларига урди», деб маълумот берган.

Қарши забт этилганидан сўнг, Соҳибқирон Дарвешак бурғучи исмли ҳарбий созанданинг хизматини алоҳида тақдирлаган. «Бурғу» кейинчалик Бобур лашкарлари мусиқаси рамзи сифатида Хиндистон маданиятига ҳам кириб борган.

Туркий халқларнинг яна бир анъанавий чолғуси – «коварка» (Навоийда – каварга) Соҳибқирон даврида созандалар томонидан чалинган. Унинг тасвири миниатюраларда сақланмаган. Мусиқа рисолаларида ҳам эслатилмади. Аммо Шарафиддин Али Яздий коваргани – кўс, ноғора тоифасига мансуб зарбли чолғу тури сифатида қайд қилган. «Лашкар ҳозир бўлиб, тартиб тортилди (берилди), коварга ва бурғу уриб юзландилар»...

Коварга «Зафарнома»да жуда кўп тилга олинади ва жанг манзарасининг доимий мусиқий рамзи сифатида тасвирланади. Аммо у сўнгги асрларга оид манбаларда деярли қайд этилмади.

Туркийлар оркестрида қадимги даврлардан ҳозирги пайтгача машҳур бўлган сурнай билан бир қаторда, янги туркий анъаналар билан боғлиқ «Чабчиғ» ва «Шон» чолғулари ҳам кенг қўлланилган.

Хўжа Абдулқодир Мароғий маълумотларига кўра, «чабчиғ» – шохсимон пуфлама чолғу бўлиб, Марказий Осиёда турк ҳоконлиги давридан бошлаб тарқала бошлаган энг қадимги чолғулардан ҳисобланади. Муаррих Амир Темур ҳарбий ҳаракатларида оркестрда чабчиғ қўлланганини таъкидлайди.

Ўша даврда Хўжа Абдулқодир Мароғий энг машҳур мусиқачи бўлган. Амир Темур бу мусиқачининг гаройиб мусиқий қобилияти ҳақида эшитиб қолиб, уни Бағдоддан Самарқандга кўчиртириб келган. Мароғий бастакор сифатида 200 дан ортиқ асар, шу жумладан, кўп қисмли туркум асарлар ва усуллар: «Зарб ал-фатҳ», «Чаҳор-зарб», «Даври шохий»ни яратган, шунингдек, мақомларга «Таснифи Хўжа Абдул Қодир», «Амали тарона», «Амали бўстон», «Амали Гулистон», «Амали хористон» деб номланган янги бўлимлар киритган. Афсуски, бизгача бу асарларнинг фақат номларигина етиб келган, холос. Аммо таъкидлаш жоизки, ҳозирги пайтгача Бухоро ва Самарқандда кенг тарқалган «Зарб ал-фатҳ», «Чаҳор-зарб» усуллари фольклор ва замонавий мусиқада, айниқса, Бухоро «Занг-банди» қисмларида жуда кенг қўлланилиб келинмоқда.

Амир Темур давридаги юксак маънавий муҳит мусиқа санъати равнақига, чолғучилик ва ижрочиликнинг ўсишига, шунингдек, мусиқа фанининг ривожланишига кенг имкон берган. Шаҳарларнинг турли даҳаларида кишилар ўз касб-хунарига ишора қилувчи «Кўшиқчилар кўчаси», «Мусиқачилар даҳаси», «Бастакорлар маҳалласи» каби номи билан машҳур манзиллар бўлган.

MUSICAL INSTRUMENTS OF THE EPOCH OF THE TIMURIDS

During the reign of Sahibkiran Amir Temur the musical instruments were used as a symbol of a military rank. Sahibkiran in his well-known book «Tuzuklar» separately noted «delivery of a banner and «nogora» and wrote the following: «I command to present each of the 12 main emirs with a flag and with a «nogora», to present emir ul-umaro with a banner, *nogora*, *tog* and *chortug*».

Amir Temur's military orchestra consisted of various kinds of musical instruments, in particular, there were widely used *kuk nogora*, *dovul* (*duhul*), *urnaj*, *karnaj*, *burgu*, a pair of percussion instruments *nogora*.

The historian Ali Jazdy describes as follows: «Inside it [a new fortress] 300 men were involved to play the musical instruments *duhul*, *kushnaj*, *nakkoi*, *nodir*, *kus*, *tablak*, *tabal*, *karnaj-surnaj*».

Percussion musical instruments were widely used during hunting, too.

The decisive battle between Amir Temur and Tukhtamishkhan happened in 793 (according to the old calendar) in the month radzhab, 11th day (June 4, 1391) on the right coast of the river Idil located between «Saidra» and «Chistopol», in the place Kunduzcha. Before sunrise the sounds of *karnaj*, *surnaj*, *burgu*, large and small *nogora* made the sky and everything around shudder.

Then the armies of the parties attacked each other as lions.

During the campaign to India in 1398, December 17, in Delhi the armies of Sahibkiran accompanied with the sounds of *karnaj-surnaj* and *nogora* plunged into attack in the whole area.

Special constructions of the epoch of the Timurids above the main gates for «*nogorohona*» (a room for percussion instruments) are the brightest proof of relations to art and music at that time.

It is known, that leaders of musical groups of the palace – musicians of *karnaj*, *nogora* – were appointed personally by the governor and they were named «*mehtar*». These groups took active participation in mass holidays and celebrations, for example in actions of *ramazan*.

In days of Amir Temur there were «*tarabbona*» (spec. City square for representations) and a tribune (construction for Sahibkiran and military *nogora*).

According to the French historian Ljusjen Kereny, Amir Temur usually carried out solemn actions and military parades to raise the spirit of his soldiers. In these solemn actions, accompanied with the sounds of *nogora*, Amir Temur passed before his army staying proudly built. It took more than two days.

As some sources testify, Ulugbek was also interested in music. Ulugbek himself composed 5 pieces of music for *nogora*; they are: *buluchi*, *shodiyona*, *ahlokij*, *usuli ravon*, *ulghi*. During Ulugbek's military campaigns, there were mainly used *karnaj* and *nogora*.

As the sources testify, after the death of Sahibkiran, his one-year-old grandson prince Ibraghim was gifted with military *nogora* of his grandfather and with a black «*toog*» with the image of a dragon. He was shown respect and honors from all army, which the owner of the throne deserved.

T.Vizgo did not specify the real name of the musical instrument «*tirsakli karnaj*» from among the military and palace instruments of Sahibkiran.

But one can assume that it was «*suro*» – the essential participant in military campaigns, its version «*suron suri*».

The wind musical instrument *sur* is mentioned in the sources always together with a percussion musical instrument – «*nokur*». *Burgu* was made of horns of large hoofed animals. It also existed in days of Sijavush, its images remained on coins of that time. When Sijavush left the fortress of Khorezm, people played on «*burgu*».

This ancient instrument took a special place in the military orchestra of Sahibkiran. Ali Jazdy writes that during capturing the city of Karshi: «His Highness Sahibkiran issued the decree to play on «*burgu*» so that all population of Karshi wakes up from dreaming and so that its sound strikes in heads».

Having won the city of Karshi, Sahibkiran especially noted a merit of the military musician «*burguchi*» – Darveshak. Later in Indian culture one can find «*burgu*» as a musical symbol of Babur's armies.

The traditional instrument of the Turkic peoples – «*kovarka*» existed in days of Sahibkiran. Its image neither is kept in miniatures nor mentioned in letters. But Sharafiddin Ali Jazdy mentions «*kovarka*» as the percussion musical instrument, like «*kus*» and «*nogora*». Army is built, «*kovarka*» is struck and «*burgu*» is played.

«*Kovarka*» is frequently mentioned in the book «*Zafarnoma*» and represented as constant musical attribute of the battle or fight panorama. *Kovarka* is almost not mentioned in the works of the following centuries.

Since ancient times to the present, «*Chabchig*» and «*Shon*» bound with new Turkic traditions and customs are widely used in the Turkic orchestras alongside with known *surnaj*.

Based on the data of Hozha Abdulkodir Marogy, N.T.Farmer states that «*chabchig*» (horn-shaped) is the wind instrument. It is one of the most ancient musical instruments in days of the Turkic khanate in Central Asia. During military campaigns of Amir Temur, the orchestra used «*chabchig*».

In those days Hozha Abdulkodir Marogy had a reputation for the most well-known musician. Having heard about his extraordinary musical talents, Amir Temur took him from Baghdad to Samarkand. Marogy created more than 200 products, among them: works consisting of parts, styles (usul): «*Zarb-al-fath*», «*Zador-zarb*», «*Davri shohin*», makom «*Tasnifi Hozha Abdul Kodir*», «*Amali Taraj*», «*Amali buston*», «*Amali Guliston*», «*Amali - Horistok*». Unfortunately, only the names of these products were preserved till our time.

We should note that the musical styles «*Zarb-al-fath*», «*Chahor-zarb*» are still used in folklore and modern music in Bukhara and Samarkand.

The highest spiritual environment in days of Amir Temur promoted development of musical art, growth of instrument art and mastery, and also promoted development of musical science. People in cities lived in various areas depending on a sort of their different trades. There were «*streets of singers*», «*streets of musicians*», «*makhallya of composers*», and others.

ҚАДИМИЙ ОФАРИНКЕНТ

Комил ПАРДАЕВ

ДРЕВНИЙ ОФАРИНКЕНТ

Географически Офаринкент расположен в центре Зарафшанской долины между притоками реки Зарафшан Окдарьей и Корадарьей. Первоначально это был населенный пункт в крае, называемом Самаркандский Согд, Ним Согд (Полу-Согд), Согди Хурд (Малый Согд), впоследствии – Миёнкал, который прославился своей прекрасной природой, ухоженными городами и селами, гостеприимным народом.

В древней книге «Кандия» отмечается, что Офаринкент построен Самаркандским правителем Гураком. Ссылаясь на эту книгу, В.В.Бартольд уточняет: «У Самаркандского правителя Гурака были братья по имени Тархун и Офарин. Последний был младшим и бедным. В четырёх фарсах от Самарканда Гурак построил город-крепость под названием Офаринкент и подарил его брату Офарину».

Сведения о древнем город Офаринкент подтверждаются также археологическими изысканиями Г.Григорьева, осуществлёнными в 1936–1937 годах.

При археологических раскопках древнего городища были найдены 143 хума (зароастрийские остононты) диаметром 70–80 см., высотой 1 метр, сам город простирался с северо-запада на юго-восток и занимал приблизительно 14 гектаров площади. Город был окружён крепостной стеной высотой 7–9 метров, в западной части имелись два возвышения (сохранившиеся до сих пор Утилтепа высотой 22–23 м., Кизтепа – 17–18 м.). Восточная часть крепостной стены была защищена рвом, наполненным водой. На северном склоне Кизтепы имелся большой родник Чилота, который снабжал город и его окрестности водой.

В центре города располагалась резиденция бека – правителя города. В южной стороне размещалось кладбище, на возвышенности в северной части каждую весну проводили гуляния в честь праздника Навруз.

В западной и восточной частях города располагались рынки, на западном торговали сладостями и он назывался «кандолат базар» (базар сладостей), на восточном – ювелирными изделиями и базар назывался «заргарлик» (ювелирный). Названия базаров сохранились до сих пор. Жители окрестных поселков владели многими ремёслами, занимались торговлей и земледелием.

В 1512 году (919 г. от хиджры) между Бобуром Мирзо и шайбонитами состоялось сражение, в котором Бобур Мирзо потерпел поражение и покинул Самарканд. Моварауннахр был поделён между шайбонитами. Миёнкал и Нурата были отведены Жанибеку Султану и его сыновьям. Сам Жанибек Султан расположился в Кармане, Офаринкент отошел его сыну Искандару Султану, который правил здесь до кончины своего отца (935 г.х.-1529 г.). Этот период правления описан в книге «Абдуллонома» Хафиза Таниша ал-Бухарий. Во времена шайбонитов весь край стали называть Офаринкентом.

По свидетельству письменных источников расцвет города Офаринкента приходится на IX–XI века, затем – на период шайбонитов (1500–1599 гг.).

Во времена Аштарханидов (1599–1753 гг.) Офаринкент служил резиденцией городского хокима или бека, либо казия воинства.

В середине XVII века город пришёл в упадок. Центром края стал Дахбел.

В письменных источниках XVI–XIX веков Офаринкент упоминается то как город, то как край. Со второй половины XVIII века до 60-х годов XIX века, то есть до завоевания большей части Зарафшанской долины Россией (1868 г.), Офаринкент, как край Бухарского эмирата, входил в Самаркандское бекство и как административная единица состоял из 3-х амлоков, 26-ти даха, 136-ти кишлаков. Это был самый крупный, урожайный и густонаселенный край Бухарского эмирата. Управляли им беки, называемые Бухарским эмиром. Эти и многие другие сведения можно найти в сборнике документов 373 – «Казий края Офаринкент», хранимом в Государственном архиве Узбекистана.

Развалины городища Офаринкент расположены в кишлаке Прикент Окдарьинского района нынешней Самаркандской области.

Географик жихатдан Зарафшон водийсининг ўрта қисмида, хусусан, Зарафшон дарёсининг ирмоқлари Окдарё ва Корадарё оралиғида жойлашиб, Самарканд Суғди, Ним Суғда (Ярим Суғд), Суғди Хурд (Кичик Суғд), кейинчалик эса Миёнкал номлари билан маълум бўлган худуд ўзининг гўзал табиати, ораста шаҳар ва туманлари, меҳмондўст халқ билан тарихда муносиб из қолдирган.

Офаринкент – Миёнкал худудидаги қадимий аҳоли пунктидир. Ўрта асрларга оид кўплаб кўлэзма манбаларда Офаринкент шаҳар сифатида тилга олинади. «Кандия» китобида ва маҳаллий ривоятларда Офаринкент шаҳри Самарканд ҳукмдори Ғўрак даврида (VII аср охирилари) қурилган дейилади.

В.В.Бартольд «Кандия» китобидаги маълумотларга асосланиб қуйидагиларни ёзади: «Самарканд ҳукмдори Ғўракнинг Тархун ва Офарин исми икки укаси бўлиб, Офарин кенжаси ва камбағали эди. Ғўрак Самарканд шаҳридан тўрт фарсах масофада шаҳар-қалъани қурдириб, унга Офарин деган ном берди ва укаси Офаринга тортиқ қилди».

Офаринкент шаҳри тўғрисидаги маълумотларни 1936–1937 йилларда Г.Григорьев бошчилигида олиб борилган археологик тадқиқотлар тўлиқ тасдиқлайди. Г.Григорьев бошчилигидаги археологик экспедиция Офаринкент шаҳри харобаларидаги Ўғил ва Қизтепа ҳамда унинг атрофларидаги Шўртепа, Отчопартепа, Ялпоқтепа, Чангалтепада икки йил давомида археологик тадқиқотлар олиб борганлар. Бу тепаликлардан ҳар хил рангдаги сопол ва чинни идишларнинг қолдиқлари, шунингдек, Зардуштийларнинг даҳма, остадонлари топилиган. Офаринкент шаҳри харобаларидаги Ўғил ва Қизтепа худудида 63 кв м майдон қазилиб, бу майдондан узунлиги 1 м, диаметри эса 70–80 см ли 143 та хум (зардуштийларнинг остадонлари) топилиган.

Археологик тадқиқотлар шундан далолат берадики, Офаринкент шаҳри шимоли-ғарбдан жануби-шарққа чўзилган бўлиб, тахминан 14 гектар майдонни эгаллайди. Шаҳар атрофи 7–9 м баландликдаги девор билан ўралган бўлиб, ғарбий қисмида иккита тепалик қад кўтарган. (Булар ҳозиргача сақланган Ўғилтепа, баландлиги 22–23 м, Қизтепа, баландлиги 17–18 м, тепаликлари дидир.) Шаҳарнинг шарқий девори атрофи хандақ билан ҳимояланган. Қизтепанинг шимолий ёнбағрида «Чилота» деб аталган катта булоқ бўлиб, у шаҳарни ичимлик суви билан таъминлаб турган. Булоқ, шунингдек, шаҳар атрофидаги аҳолини ҳам сув билан таъминлаган. Булоқ XX асрнинг бошларида қурилган.

Шаҳар марказида шаҳар бошлиғи – бекнинг қароргоҳи бўлган. Шаҳар жанубида катта қабристон жойлашган, шимолий тарафидаги тепаликда бир неча асрлар давомида Наврўз «сайил»лари ўтказиб келинган. Бундай сайил охириги марта 1925 йилнинг баҳорида ўтказилган.

Шаҳарнинг ғарбий ва шарқий тарафларида бозорлар бўлиб, ғарбий бозор «кандолат», шарқий бозор «заргарлик» номлари билан юритилган. Бу бозорларнинг номлари ҳозиргача сақланиб қолган. Шаҳар атрофидаги кишлоқ аҳолиси хунармандчилик, савдо-сотик ва дехқончилик билан шуғулланишган.

Зарафшоннинг ирмоқлари бўлмиш Окдарё ва Корадарё ҳосил қилган оролнинг юқори қисмини Темурийлар даврида Ним Суғда ёки Суғди Хурд тумани эгаллаган. Офаринкент шаҳри ушбу тумanning маркази бўлиб, Шайбонийлар давридан бошлаб эса туман ҳам шу ном билан атала бошлаган.

1512 (919 хижрий) йилда Бобур Мирзо билан шайбонийлар ўртасида Чўли Маликда бўлиб ўтган жангда Бобур Мирзо мағлубиятга учраб, Самарқанддан қувилди. Шундан сўнг Мовароуннахр шайбонийзодалар ўртасида тақсимланади. Миёнкол билан Нурота Жонибек Султон ва унинг ўғилларига тегади. Жонибек Султон – Карманда, Офаринкентда эса ўғли Искандар Султон жойлашади. Искандар Султон Офаринкент туманини отасининг ўлимигача (1529) бошқаради.

Хофиз Таниш ал-Бухорий ўзининг «Абдуллонома» (“Шарафномаи шохий”) асарида Офаринкентни табиати гўзал, хушхаво, иклими жуда қулай вилоят сифатида таърифлаб, уни Искандарнишонхон Абулфатх Баҳодирхон бошқарганлиги тўғрисида маълумот беради. Манбалар шундан далолат берадики, Офаринкент шаҳрининг мавқеи дастлаб IX–XI асрларда, сўнгра Шайбонийлар даврида (1500–1599) ўзининг юқори чўккисига кўтарилган.

Аштархонийлар даврида (1599–1753) ҳам Офаринкент шаҳри ҳоким ёки бек, ёхуд кўшин қозисининг қароргоҳи бўлиб хизмат қилган.

XVII асрнинг ўрталарига келиб Офаринкент инкирозга юз туган. Унинг нуфузини Даҳбед шаҳри эгаллаган. Бухоро амирлиги даврида Офаринкент туманининг маркази вазифасини Даҳбед шаҳри ўтаган.

XVI–XIX асрларга оид кўплаб қўлзма манбаларда Офаринкент гоҳ туман, гоҳ вилоят сифатида тилга олинади. XVIII асрнинг иккинчи ярмидан то XIX асрнинг 60-йилларигача, яъни Зарафшон водийсининг катта қисми Россия томонидан босиб олингунига қадар (1868) Офаринкент туман сифатида Бухоро амирлигининг Самарқанд беқлиги тасарруфига кириб, маъмурий жиҳатдан 3 та амлоқлик, 26 та даҳа, 136 та қишлоқни ўз ичига олган. Бу туман Бухоро амирлигининг энг йирик, ҳосилдор ҳамда аҳолиси зич жойлашган туманларидан бири ҳисобланган. Бу тумани Бухоро ҳукмдорлари томонидан тайинланган беқлар бошқарганлар.

Юқоридаги Офаринкент тумани тўғрисидаги маълумотларни ЎзР МДА нинг 373-чи «Офаринкент тумани қозиси» жағфармасида сақланаётган кўплаб ҳужжатлар тасдиқлайди. Туман қозисининг ҳужжатларида туман бошқарувига тайинланган беқларнинг рўйхатлари, Бухоро ҳукмдорлари ва бош қозиларининг (қозикалонларининг) муҳрлари билан тасдиқланган, туман ҳудудларидаги кўплаб мулкларнинг (вақф, мулки хурри-халис, амлоқ) асл ҳужжатлари (иноятномалар, ёрликлар) мавжуд. Офаринкент шаҳарининг харобалари ҳозирги Самарқанд вилояти, Окдарё тумани, Примкент қишлоғи ҳудудидадир.

ANCIENT OFARINKENT

Geographically Ofarinkent is situated in the centre of the Zarafshan valley between the influxes of the river Zarafshan: Okdaroy and Koradaroy. Originally it was a densely populated point at the place called Samarkand's Sogd, Nim Sogd (Half-Sogd), Cogdi Hurd (Small Sogd), and later – Miyonkol which got famous of his beautiful nature, clean cities and villages, and hospitable people.

The ancient book «Kandiya» tells that Ofarinkent was build by the governor of Samarkand – Gurak. In the reference to this book V.V. Bartold says «the governor of Samarkand, Gurak, had brothers whose names were Tarhun and Ofarin. The latter was the youngest and poorest. At the distance of four farsahs from Samarkand Gurak built a town-fortress Ofarinkent and gifted it to his brother Ofarin».

The archeological research done by G Grigoryev in 1936-1937 also confirm this information about ancient Ofarinkent.

143 hums (zoroastrizm's ostodonts) with diameter of 70-80cm and height of 1 meter were found during the archeological excavations of the ancient town. The town itself laid from north-west to the south-east and had area of almost 14 hectares. The town was surrounded with a fortress wall with the height of 7-9 meters, at the western part there were two hills (they are still present: Ughiltepa – height 22-23 meters and Kiztepa 17-18 meters high). Eastern part of the wall was protected by a trench filled with water. On the northern side of Kiztepa there was a big spring Chilota which supplied the town and its neighborhood with water.

In the center of the town there was a residence of the bek, the ruler of the town. At the south part there was a graveyard, on the hill in the northern part every spring there was held celebration of Navruz.

In the western and eastern parts of the city were markets, on the western market candies were sold and so it had a name «kandolat bazaar» (candies market), on the eastern – jewelry were sold and it had a name «zargarlik» (jewelry market). The names of the markets are known until now. People from the local villages knew many crafts, their business were trade and husbandry.

In 1512 (919 from khidjra) there happened a battle between Babur Mirzo and the sheibonids, and Babur Mirzo lost this battle and left Samarkand. Movarannahr was divided between the sheibonids. Miyoncul and Nurata were given to Janibek Sultan and his sons. Janibek Sultan took Karman and his son Iskandar Sultan took Ofarinkent, where he ruled until his father's death (1529/935). That period of reigning was described in the book «Abduல்லонома» by Hafiz Tanish al-Bukhariy. At the times of the sheibonids all that region was called Ofarinkent.

According to the written sources, the blossoming of Ofarinkent falls to the 9th-11th centuries, and later – to the sheibonids period (1500-1599).

At the times of Ashtarkhanids (1599-1753) Ofarinkent served as the residence place for khakim or bek, or kaziy of the army.

At the middle of the 17th century the town came to decay. Dakhbed became the center of the region.

In the written sources of the 16th-19th centuries Ofarinkent was mentioned either as a town or as a region. From the second part of the 18th century until the 60s of the 19th century before the Russians conquered the biggest part of the Zarafshan valley in (1868), Ofarinkent was part of the Samarkands Bek-land in the status of the Bukhara emirate; and as an administrative place it consisted of 3 amloks, 26 dax, 136 villages. It was the biggest, the most productive and the most densely populated region of the Bukhara emirate. It was governed by beks appointed by the Bukhara emir. This and many other data can be found in the collection of documents under the number 373 – «The kaziy of the Ofarinkent area» kept in the State archive of Uzbekistan.

The ruins of Ofarinkent are located in the Primkent village of the Okdaryas region, now the Samarkand region.

МАМЛАКАТИМИЗ ЖАНУБИДАГИ КАМ СОҢЛИ ЭТНОСЛАР

Юсуф АБАЗОВ

МАЛОЧИСЛЕННЫЕ ЭТНОСЫ НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА

При изучении истории восточной части Бухарского эмирата появилась возможность изучить этногенез малочисленных этносов, проживающих на этой территории. Например, в долине Сурхана можно встретить разные виды традиционного хозяйства, которые связаны с традициями определенного рода или племени. Эти малочисленные этносы живут рядом с оседлыми родами и имеют свою отличительную этническую историю.

Вот что писал исследователь И.Магидович о малочисленном этносе дурмень: «Дурмени – племя, восходящее к монголам, известное со времен Чингисхана, они участвовали в завоевании Южно-Восточного Туркестана и с монголами и с узбеками». О них упоминалось еще в XV веке в числе племён, объединившихся в государство узбеков. По антропологическому типу, диалекту и методу устройства жилища они схожи с кунгратами. Очевидно, в долину Сурхана дурмени прибыли первоначально с воинами Чингисхана, затем с воинами Шайбанихана и осели здесь, рядом с кунгратами.

О другом малочисленном племени кенагас в 1924 году И.Магидович писал исследователю Яворскому: «Говорят, это племя является частью мангитского племени, но впоследствии они разделились, а теперь они враги друг другу». Но вскоре И.Магидович усомнился в этом и пришел к выводу, что кенагасы – союз мелких частей тюркских племен. Сами кенагасы считают себя выходцами из Кашкадарьи. Отсюда же в долину Сурхана переселились и осели небольшие племена ковчин и кутчи, происходящие, как полагает И.Магидович, из монголов. Он отрицает их родство с малочисленными туркменскими племенами, заселявшими Нурату (ныне район в Самаркандской области). Ученый изучил и туркменские племена, записал названия всех 50 родственных ветвей племени.

Малочисленные этносы, как и большие, в долине Сурхана и Самарканде издревле занимались сельским хозяйством. Они хорошо освоили поливное земледелие, выращивали овощи, бахчевые, хлопок, разводили сады.

Орудиями труда у них были плуг, кетмень, вилы, лопата, серп и другие, которые изготавливались местными ремесленниками.

Туркмены на берегу Амударьи занимались скотоводством. Из шерсти коз и овец местные мастера ткали ковры, хурджуны, вили веревки, изготавливали войлок. Из кожи мелкого рогатого скота шили национальную обувь.

До 1920 года малочисленные этносы частично освобождались от уплаты налогов и различных сборов, так как жизнь у них была очень тяжелой. У малочисленных этносов не было руководящего звена, например, сельские ремесленники подчинялись городским старшинам. В вере они придерживались ислама, поэтому соблюдали исламские традиции.

Шарқий Бухоро худудидаги бекликлар тарихини ўрганиш, ижтимоий-иқтисодий, маданий ҳўжалик ҳаётига доир маълумотларни таҳлил этиш натижасида кам соғли этносларнинг этногенезини ўрганиш имкониятлари юзага келди. Тадқиқотлар натижасида Сурхон воҳасида кам соғли этнос сифатида дўрмон, кенагас, қовчин, қўтчи, туркман, батош, қоратамғали қабиларни кўрсатиш мумкин. Бу кичик уруғлар маҳаллий қадимий ўтрок уруғлар билан ёнма-ён яшаб, ўзларининг маълум этник тарихи билан ажралиб туради. Дўрмон кам соғли этноси ҳақида тадқиқотчи И.Магидович қуйидагича маълумот келтиради: «Дўрмон–мўғуллардан келиб чиққан қabila бўлиб, Чингизхон давридан маълум ва улар Жануби-Шарқий Туркистонни мўғуллар томонидан истило қилинишида ҳамда ўзбеклар томонидан истило қилинишида ҳам қатнашганлар». Дурмонлар антропологик типни, шеvasи ва ўтовининг қурлиши бўйича ўзбек қўнғиротларидан фарк қилмайдилар. Худди шундай кам соғли этнослардан бири Кенагас уруғи бўлиб, 1924 йилда И.Магидович Кенагас уруғи ҳақидаги тадқиқотчи Яворскийнинг қуйидаги фикрини келтириб ўтади: «Эмишки, бу уруғ аввал мангит уруғининг бир бўлими бўлиб, аммо кейин ундан ажралиб чиққан ва энди улар бир-бирига ашаддий душман». Бу фикрни И.Магидович қуйидагича давом эттиради: «Кенагасларни мангитлардан келиб чиққанлиги шубҳали, Кенагаснинг бўлимлари номидан кўриниб турибдики, бу қabila бир неча турк қабилалари бўлакчаларининг иттифоқидир». Тадқиқотлар давомида ўтказилган сўровларда эса, сурхондарёлик кенагаслар ўзларини Кашкадарёдан келган, деб ҳисоблайдилар.

И.Магидовичнинг билдирган маълумотида, Сурхондарё воҳасига кам соғли қовчин ва қўтчи уруғлар Кашкадарёдан кўчиб келиб ўрнашган, аммо уларнинг асл келиб чиқishi мўғуллардан эканлиги эҳтимолга жуда яқин. Кам соғли этнос сифатида туркман уруғи ҳам қайд этилган бўлиб, И.Магидович ўз маълумотларида, «туркман уруғининг ўзбек қабиласи ёки уруғи Қашкадарё ва Самарканд худудидан Сурхондарё воҳасига кўчиб келган», деб таъкидлайди. И.Магидович уларни ҳақиқий туркманлар билан қариндошлигини инкор этиб, уларни ўзбек қабилалари билан бир уруғдан эканлигини тасдиқлашга ҳаракат қилади. 1924 йилда рўйхатга олинган қозийқли, бўғайтили, қонжигали ва ойтамғали уруғлари ўзбекларнинг найман, қўнғирот ва кенагас қабилалари таркибида учрайдилар, аммо булар туркман қабилалари таркибига кирмайди, деб изоҳ берилган. И.Магидович туркманларнинг эрсари уруғининг тўрт авлодини тадқиқот даврида ўрганиб, уларни қуйидаги уруғлар эканлигини аниқлайди: Улуғтепа, Ғунаш, Қора ва Бакавул. Шунингдек, туркманларга тааллуқли бўлган 50 га яқин авлод қариндош-уруғларини ҳам аниқлади. Қайд этилган 4 уруғ Термиз тумани Халқобод жамоа ҳўжалигида жойлашган Қаптархона қишлоғида яшаб, ҳар бири кичик гуруҳ-авлодларни ўз ичига олганлиги аниқланди. Мисол учун Ғунаш уруғи Чақир, Ариқботир, Чеқир, Сулаймон каби гуруҳларга бўлинган бўлса, Эрсари уруғи 12 та авлод: Муқри, Хатан, Шайх, Улам, Дали, Қорача, Чайлар, Сурху, Тоғон, Қозон, Арслонбоб, Этбош каби гуруҳларга бўлинган.

Бизнинг тадқиқотларимизда тўрт қатта авлод ва 16 та майда уруғларга бўлиниши қайд этилиб, қатта авлодларга: Ултепа, Ғунаш, Қора, Бакавул уруғлари, бундан ташқари, кичик уруғларга Муқри, Хатан, Шайх, Улом, Дали, Чайлар, Сурху, Тоғон, Қозон, Этбоши, Қорача, Арслонбоб, Чеқир, Чақир, Ариқботир, Сулаймон уруғлари кирди. Шу нарсани таъкидлаш керакки, бизлар қайд этган уруғ бўлинмаларидан фақат еттигаси – Улом, Сурху, Этбош, Қорача, Чеқир, Чақир ва Сулаймон 1924 йилда И.Магидович томонидан қайд этилган уруғ бўлинмалар рўйхати билан мос келади.

Сурхондарё туркманлари ҳақида маълумот келтирган этнограф В.Г.Мошкованинг фикрича, Нурота тумани «туркман» ўзбек қабиласи иккита катта қабилга бирлашмаларига бўлинади: 1. Йигирма тўрт ота. 2. Беш ота Манғишлов. Йигирма тўрт ота, унинг келтирган маълумотларига кўра тўртта қабилга бўлинади: 1. Олти ота қозӣққли. 2. Олти ота қонжигали. 3. Олти ота ойтамғали. 4. Олти ота бўғайтили. Этнограф В.Г.Мошкова бу қабилаларни (уларни уруғлари билан биргаликда) Каспийорти туркманлари билан таққослаб, бу қабилаларни (аммо энди уруғ сифатида) Каспийорти йирик туркман қабилалари – теке (така), салир, гоклен (кўклан?), эрсари каби қабилалар таркибида ҳам қайд этди. В.Г.Мошкова фикрига кўра, Нурота туркманлари (улар ўзларини ўзбек деб ҳисобласа ҳам) билан Каспийорти туркманлари ўртасида қариндош-уруғчилик мавжуд деган фикр билдиради. Шунингдек, ушбу кўрсатиб ўтилган қабилалар ўзбек ва қорақалпоқ кўнғирот қабилаларининг таркибида ҳам бор. Тадқиқотлар натижасига эътибор берсак, шу нарсани алоҳида қайд этиш керакки, ўзбекларнинг «туркман» қабиласи ҳам тарихий, ҳам этнографик, ҳам антропологик нуқтан назардан чуқур ўрганишни тақозо этади. Шунинг алоҳида таъкидлаш керакки, В.Г.Мошкова Нурота тумани ўзбек-туркманлари орасида топган уруғлар Сурхондарё воҳасидаги ўзбек-туркман қабилалари орасида қайд этилмади. Уларнинг антропологик типига келсак, улар уруғ-қабилаларга бўлинмаган кўшни ўзбеклар ҳамда туркманлардан ҳеч бир фарқи йўқ. Кам сонли этнослардан яна бири Батош уруғи тўғрисида, И.Магидович 1924 йили қуйидаги маълумотни келтириб ўтади: «Батош уруғи туркманларнинг аймок қабиласининг бир қисми бўлиб, бу уруғ – Сурхондарё воҳасига Қашқадарё худудидан келиб жойлашган».

Кам сонли этносларни тадқиқот жараёнини таҳлил этиб, хўжалик ҳаётига оид анъанавий урф-одатларни ўрганиш ўзининг ижобий натижаларини беради.

Сурхон воҳасининг ўтрок аҳолисига айланган кам сонли этносларнинг деҳқончилик маданияти қадимий ҳамда кенг тармоқли ҳисобланган. Деҳқончиликда сабзавот, полиз экинларидан пиёз, шолғом, қад, сабзи, ловия, тарвуз, қовун, сули экилиб, боғбонлар узум, шафтоли, ўрик, олча, олма, нок, ёнғок, бодом, анор, анжир, тут каби боғдорчилик маҳсулотларини ҳам етиштирганлар.

Денов туман беқлигидаги дўрмонлар томонидан тайёрланиб қуритилган мевалар амирликнинг ташқи бозорига чиқарилган асосий маҳсулотлардан ҳисобланган. Дўрмонлар суғорма деҳқончиликда муҳим ўрин эгаллаган экинлардан бири бўлган пахта экиш билан шуғулланишган. Шунингдек, дўрмонлар пахтанинг кўк ва малла турини экишган. Кам сонли этнослардан батош, туркман уруғлари пахтанинг Америка навини экишган. Батош, кенагас, қавчин, кўтчи, уруғлари Сурхон, Шерободдарё бўйларида деҳқончилик қилиб полиз ва сабзавот экинлари экиб, қисман чорвачилик билан шуғулланишган.

Қишлоқ хўжалигида ишлатиладиган асосий меҳнат қуроллари оғоч, паншаха, мола, кетмон, белқурак, ўрок, ходи, сихмола бўлган. Ушбу меҳнат қуролларининг барчаси маҳаллий ҳунармандлар томонидан тайёрланган.

Туркманлар Амударё бўйларида чорвачилик билан шуғулланишган. Батош, Қоратамғали уруғлари томонидан тайёрланган эчки жунига талаб жуда катта бўлиб, маҳаллий ҳунармандлар ундан гилам, кигиз, хуржун, қоп, арқон, мато тайёрлашган. Кўй терисидан тайёрланган чармдан ҳунармандлар этик, маҳси, қавуш, меш, дам, чолвор, камар каби буюмлар тайёрлашган.

В.В.Бартольд маълумотига кўра, амир Шоҳмурод даврида барча солиқ ва йиғимлардан Шарқий Бухоро аҳолиси ҳам қисман озод этилган. Шу жумладан, кам сонли этнослар ҳам 1920 йилга қадар бу имкониятлардан фойдаланилган. Бошқа уруғларда бўлгани каби кам сонли этносларда ҳам қишлоқ ҳунармандлари шаҳардаги бобо ва оқсоқолга бўйсунганлар. Бошқа йирик уруғларда бўлгани каби кам сонли этносларнинг диний урф-одатлари ислом динига ҳос бўлиб, қишлоқ анъаналари айнан шунга мосланган.

SMALL ETHNOS GROUPS IN THE SOUTH OF UZBEKISTAN

While studying the history of the eastern part of the Bukhara emirate, there appeared opportunity to study ethnogeny of small ethnoses groups living in this territory. For example, in the valley of Surkhan one can find different kinds of traditional economy connected to traditions of the certain family-group or of the tribe. These small ethnoses groups live near to settled family-groups and have their distinctive ethnic history.

This is what the researcher I.Magidovich wrote about the small ethnoses of the durmen: «The Durmen are the tribe originating from the Mongols, it is known since times of Chinghiskhan, they participated in conquering South-East Turkestan both with the Mongols and with the Uzbeks». They were mentioned in the 15th century among the tribes united into the state of the Uzbeks. Their anthropological type, dialect and life-style are similar to the ones of the Kungrats. Obviously, the Durmen initially arrived to the valley of Surkhan with soldiers of Chinghizkhan, and then with soldiers of Shejbanikhan and settled here, near to the Kungrats.

I.Magidovich wrote in 1924 to the researcher Yavorskiy about another small tribe of the Kenagas: «It is said that this tribe is a part of the Mangit tribe, but subsequently they were divided, and now they are enemies to each other». But soon after that I.Magidovich doubted it and came to a conclusion that the Kenagas are the union of small parts of Turkic tribes. The Kenagas themselves believe that they come from Kashkadarya. Small tribes Kovchin and Kutchi, originating as I.Magidovich believes from the Mongols, moved from Kashkadarya and settled in the valley of Surkhan. He denies their relationship with small Turkmen tribes inhabiting Nurata (nowadays it is a district in the Samarkand region). The scientist has also studied the Turkmen tribes, has written down the names of all 50 related branches of the tribe.

Small ethnoses groups, as well as big ones, in the valley of Surkhan and in Samarkand were engaged in agriculture since olden times. They have well mastered irrigation agriculture, growing vegetables, melons and gourds, cotton, and they cultivated gardens.

Their instruments of labor were plough, ketmen, pitchfork, shovel, sickle and others made by local handicraftsmen.

The Turkmen on the coast of Amudarya were engaged in cattle breeding. The local masters weaved carpets, hordzhun from wool of goats and sheep, they twisted cords and made felt. The leather of little horned livestock was used for making national footwear.

Till 1920 small ethnoses groups were partially freed from paying the taxes and various gatherings because their life was very hard and difficult. Small ethnoses groups did not have a managing element, for example, rural handicraftsmen submitted to city foremen. As for their religion, they preached Islam; therefore they followed the Islamic traditions.

МИРОБ – СУВ ХУЖАЛИГИ

Очил БҮРНЕВ,
Фахриддин РАХМОНОВ

МИРАБ – ВЛАСТЕЛИН ВОДЫ

В Центральной Азии, как и во всех восточных странах с поливным земледелием, издревле существовали органы, исполняющие общественные функции. Например, такой орган занимался распределением в государстве поливных и питьевых вод, строительством ирригационных сооружений.

По свидетельству письменных источников, вопросами орошения и строительства ирригационных сооружений в Бухаре занимались казии – судьи. В средние века вопросами возведения крупных ирригационных сооружений занимались непосредственно сами ханы или их визири.

Самих руководителей водных хозяйств называли мирабами. «Мир» – от арабского слова «амир», и «об» – от персидского – «вода».

Это слово дошло и до наших дней в значении «ороситель» и широко употребляется как сельскохозяйственный термин, а также как профессия в колхозе.

До широкого распространения слова «мираб» было известно и употреблялось на практике тюркское слово «суббоши» (голова воды). Об этом писал еще в XVII веке тюркский путешественник Э.Челеби.

С течением времени в процессе этнокультурных изменений место «суббоши» занял термин «мираб».

В XIX веке в Бухарском ханстве всем водным хозяйством руководил мираб Шохрудского канала. Например, амир Музаффар (1860–1885) назначил мирабом некоего Абулвосье Мирохура, которому подчинялись все организации водных артерий ханства: рек, каналов, гидроузлов.

В Самарканде мирабы основных каналов назывались «аксакалами арыков». Например, в начале XX века водными ресурсами Самаркандского вилоята руководили 28 аксакалов арыков и 410 мирабов.

В Фергане и Коканде мирабов называли «аксакалами дехкан». Очистка и восстановление оросительных систем тоже возлагались на мирабов. Это мероприятие проводилось раз в год путем хашара. Но главной задачей мирабов было распределение воды.

У мирабов были свои подчиненные, ведавшие отдельными арыками, вытекающими из каналов, которые получали зарботки в натуральном виде от дехкан.

Мирабы в свою очередь отчитывались перед беками и казиями. В первой четверти XIX века в Намангане был мираббашаи Абдусаттар Мирзабек (Мирза кипчак), он был известен своей несправедливостью, ставшей причиной бунта населения, в результате которого Мирзабек получил увечья и умер. Его место заняла его жена Холбиби. За короткий период она своей мудростью и организаторскими способностями прославилась не только в Намангане, но и во всей Ферганской долине. К ней приезжали советовать многие другие мирабы.

Сохранившиеся документы XIX века свидетельствуют о месте мирабов в Хивинском ханстве. Они занимались организацией планирования, строительства и очистки действующих каналов. Основные каналы в Хорезме находились под наблюдением мирабов, назначаемых самим ханом. Главным мирабам плата выдавалась из казны, а их подчиненные получали в пользование земли и воду в размере полусуточной доли у земельной общины. Во время сбора урожая мираб получал у дехканна свою долю (8–10 кг зерновых), которая называлась «мирабана».

После завоевания Туркестана Россией в водном хозяйстве произошли некоторые изменения. Увеличилась сфера деятельности аксакалов арыков. Вопросами орошения областей теперь занимались они. К их ведомству стали также относиться дороги и мосты, а также сбор налогов.

В конце XIX – начале XX веков главным мираба в Туркестане назначала русская администрация. Областные мирабы обычно избирались в августе месяце при участии мирабов кишлаков, которые тоже избирались.

Мирабами избирались люди опытные, сведущие в водохозяйственном деле. Указания мирабов выполнялись неукоснительно. Однако мирабы не имели права эксплуатировать членов общины. В период работы мирабы подчинялись местным руководителям.

С установлением советской власти избирательная система в этой отрасли отпала. Многие традиции, связанные с водным хозяйством, были утрачены.

Тарихий манбаларнинг гувоҳлик беришича, Марказий Осиёда суғориш ва ирригация қурилиши ишларига қозилар бошчилик қилишган. Ўрта асрларда эса йирик ирригация иншоотларини барпо этилишига хонларнинг ўзлари бевосита раҳбар бўлишган. XVI–XVIII асрларда Бухоро хонлигида сув хўжалиги ишлари шахсан вазир – «оталик» назоратида эди.

Оталиқдан ташқари, айрим суғориш тармоқлари «мироблар», «амини-об» ва шаҳар каналининг «ароб»лари томонидан бошқарилган.

«Мироб» – (мир *(арабча)* «амир» сўзининг қисқаргани, яъни бошлиқ, раис, пешво, бек маъноларини англатади; «об» – *(форсча)* сув) сув тақсмоти ва суғориш тизими, шунингдек, ариқ-каналлар қозиш ишларига раҳбарлик қилувчи маъмурий бошлиқ.

Бу сўз оммалашгунга қадар туркий тилли халқлар «суббоши» атамасини қўллашган. Турк сайёҳи Э.Челебининг (XVII аср ўрталари) эсдаликларида туркийларда жамоа маъмурияти бошлиғи «суббоши», маъмурий бирлик эса «суб бошлиқ» дейилиши таъкидланган.

Давр ўтиши билан этномаданий жараёнлар натижасида сувбоши атамаси «мироб» билан алмашинади.

XIX асрда Бухоро хонлигининг барча сув хўжалиги тизими Шохруд канали мироби томонидан бошқарилган. Бу мансабга «мирохўр» ёки «тўқсабо» унвонидаги шахслар амир томонидан тайинланган. Масалан, амир Музаффар хукмронлиги даврида (1860–1885) Абулвосье миροхўр Шохруд мироби бўлган. Унга Зарафшоннинг барча асосий каналларининг мироблари, гидроузеллар (суб иншоотлари мажмуи)нинг бошлиқлари – «панжбегилар», дарёнинг юқори оқимидан сув ҳайдаб қилувчи – «обандозлар» ёки «манқуватлар», тўғончилар – «вархбон» ёки «бандибонлар», Бухоро сув-суғориш тизимининг қуйи поғона амалдорлари – «махрам»лар, суғориш тизимлариаро дарё сувининг тақсмотини кузатиб турувчи – «оброн»лар, шохарикларнинг мироблари – «жўйбон», «ароб», «пайкорлар» бўйсунушган.

Самарқанд вилоятида асосий каналларнинг мироблари «арик оқсоқоли» дейилган. Масалан, XX асрнинг бошларида Самарқанд вилоятида ирригация ишларини 28 та ариқ оқсоқоллари – бандбонлар ва 410 та мироб бошқарган.

Бухоро ва Қўқон хонлиқларида ариқ, каналларни тозалаш ишлари ва сувдан фойдаланиш мироб, ариқ-амин ва бош мироблар томонидан амалга оширилган. Фарғона вилоятида алоҳида суғориш иншоотларини назорат қилувчиларни «деҳқон оқсоқоли» деб ҳам аташган.

Бош тўғонлардан, каналлардан катта ариқларга сув тақсимловчи шахс мироббоши (мир-ароб) ёки ариқ оқсоқоли дейилган. Сув тақсимлашдан ташқари мироббоши зиммасида тўғон ва каналларни ҳар йили бир марта ҳашар йўли билан тозалашни уюштириш, канал ва тўғонларни тузатиш ишлари ҳам юкланган. Бош каналдан сув оладиган катта-кичик ариқлар (ён ариқ, шохарик, даҳалар)ни назорат қилувчи кичик мироблар мироббошига бўйсунганлар.

Мироблар одатда эрта баҳорда оилали, обрўли ва суғориш билан боғлиқ юмушларни пухта билладиган кишилардан сайланган.

Мироб ва оброн ишини амин назорат қилган ва сув масалалари бўйича низолар чиқса, бек ва қозига ҳисоб берган. Мироб одатда 2-3 та, баъзан 3-4 та кишлокка хизмат қилган.

XIX asrning birinchi choragida Namanganda mirobboshi vazifasiga Abdusattor Mirzabek (Mirza kipchok) tayinlangan. Abdusattor mirobboshiлик қилган даврда кўп ноҳақликлар содир бўлган ва халқ норозилиги кучайган. Норозилик уриш-жанжалга айланган, натижада Abdusattor қаттиқ жароҳатланиб вафот этади. Шундан сўнг унинг хотини Холбиби mirobboshiликни давом эттиради. Киска вақт ичида Холбиби, наинки, Наманган вилоятида, балки бутун Фарғона водийсида ҳам машхур бўлиб кетади. Mirobboshiлар бу доно аёлдан маслаҳатлар олиб туришган, халқ унинг иззат-хурматини қилиб, Холбиби mirobboshi деб атаган. Наманганда ҳали-ҳануз Холбиби mirobboshi номини хурмат билан эслашади ва унинг ўткир ақл-заковатла одилона иш юритганини хотирлашади.

XIX асрга оид Хива ҳужжатларида хон мироблари каналларни лойиҳалаш ва қуриш ишлари билан шуғулланишган.

Хоразмда ҳар бир асосий канал бевосита хоннинг ўзи тайинлайдиган ва қушбеги ёки меҳтарга (бошлик) бўйсунадиган бир-икки нафар катта мироб назорати остида бўлган.

Миробларга хизматлари эвазига ўз жамоаларидан ярим суткалик микдоригача сув ва шунга яраша ер берилган. Бош мироблар давлат хазинасидан маош – даҳяқ олишган. Маҳаллий миробларга эса хазинадан маош тўланмаган, уларни сувдан фойдаланувчиларни ўзлари таъминлашган. Мироб ҳосил йиғилаётганда деҳқондан ўзига тегишли қисмини олган, бу “миробона” дейилган. Миробона – ҳар бир деҳқон хўжалиги бир-икки ғалвир (8–10 кг) ҳажмдаги бугдой, шולי ёки ҳосилнинг маълум пул ҳисобида тўланишидир.

Туркистон Россия томонидан босиб олингач, сув хўжалиги маъмурияти тизимида ҳам баъзи ўзгаришлар содир бўлган. Бош мироб лавозими ариқ оқсоқолига юклатилган. Ариқ оқсоқолининг хизмат доираси янада кенгайиб, бутун вилоят суғориш тизимига раҳбарлик қила бошлаган ҳамда сувдан фойдаланиш тартибларига бош бўлган ва рўй берадиган низоларни ҳал этган. Шу билан бирга, у йўл ва кўприклардан фойдаланиш билан боғлиқ муаммоларни ҳал қилган ҳамда маҳаллий маъмурлар томонидан солиқ тўпланишини ҳам ўз назоратига олган.

Умумвоҳа мироби сайлаб қўйиладиган лавозим ҳисобланиб, уни одатда август ойининг иккинчи ярмида ер-сув жамоаси вакиллари маслаҳатида, шу жумладан, қишлоқ мироблари иштирокида сайлашган. Туркистонда XIX асрнинг охири – XX асрнинг бошларида бош мироб рус маъмурлари томонидан тайинлана бошланган.

Суғориш ишларини ташкил этиш, ирригация иншоотларини таъмирлаш ва меъёрида сақлаш борасида етарли тажриба ҳамда малакага эга бўлган кишилар мироблик вазифасини бажаришган. Иш жараёнида миробнинг кўрсатмаларига сўзсиз амал қилинган. Бироқ мироблар жамоа аъзоларини мажбурий ишлатиш ҳуқуқига эга бўлишмаган. XIX асрнинг охиридан бошлаб эса Туркистонда мироблар ҳам маҳаллий раҳбарларга бўйсунилган. Улар турли тўловларни йиғиш ишлари билан шуғулланишган.

Қадимдан ўзбек тилида миробдан ташқари ариқчи, сувтўра, сувбеги, сепоячи, коризчи, сувчи каби сувчиликка оид шахс номлари мавжуд бўлган ва ҳозир ҳам айрим шева вакиллари нутқида қўлланилади. Суғоришга эҳтиёж ошиши муносабати билан тилда шахс ва касб-ҳунар номларини ифodalayдиган кўплаб атамалар пайдо бўлган ва амалиётда қўлланилмоқда: сувчи, уста сувчи, бош сувчи, сув бошинги, ирригатор, мелиоратор, гидротехник ва ҳоказолар.

Маълумки, шўро тузumi даврида халқимиз удум ва анъаналарига риоя қилинмади, жамоа ўзини ўзи бошқарувининг азалий тартиблари амалда йўққа чиқарилди. Жумладан, миробларнинг халқ ўртасидан сайланиши ва бошқарув тизими янги ҳокимият тамойилларига мос келмаслиги эълон қилинди. Улар маҳаллий шўро ҳокимияти томондан тайинланиб, белгиланган ўрин (штар)даги ходимлар сифатида сув хўжалиги тизимига ўтказиб юборилди.

MIRAB – THE LORD OF WATER

In the Central Asia, as well as in all east countries with irrigation agriculture, since olden days there were bodies performing public functions. For example, such body was engaged in distribution of irrigation and potable water in the state, construction of irrigational buildings.

Under the certificate of written sources, questions of irrigation and construction of irrigational buildings in Bukhara were under responsibility of kazi – judges. In Middle Ages directly khans or their viziers were engaged in matters of erection of large irrigational constructions.

Heads of water management were named mirabs. «Mir» – from the Arabian word «amir», and «ob» – from Persian – «water».

This word still exists with meaning «sprinkler» and is widely used as the agricultural term, and also as a trade in collective farming.

Before the word «mirab» got wide spread, the Turkic word «subvoshi» (a head of water) was known and used in practice. The Turkic traveler E.Chelebi wrote about it in the 17th century.

Eventually during ethnocultural changes the place of «subvoshi» was borrowed by the term «mirab».

In the 19th century the mirab of the Shokhrud channel supervised over all water management in the Bukhara khanate. For example, amir Muzaffar (1860–1885) has appointed as a mirab one Abulvosie Mirohur to whom all organizations of waterways of the khanate submitted: the rivers, channels, hydrounits.

In Samarkand mirabs of the basic channels referred to as «the aksakals of aryks». For example, in the beginning of the 20th century the water resources of the Samarkand region were supervised by 28 aksakals of aryks and 410 mirabs.

In Fergana and Kokand mirabs were named «the aksakals of dekhans».

Clearing and restoration of irrigating systems were also assigned to mirabs. This action was carried out once a year by means of khashar. But the main task of mirabs remained distribution of water.

The mirabs had their subordinates responsible for separate aryks that flowed from channels who received earnings in natural kind from dekhans.

Mirabs in turn reported to beks and kazi.

In the first quarter of the 19th century in Namangan lived mirabbashi Abdusattar Mirzabek (Mirza kipchak). He was known by his injustice that became the reason of revolt of the population as a result of which Mirzabek got mutilated and died. His wife Holbibi took his place. For the short period she became famous for her wisdom and organizing abilities not only in Namangan, but also in all Fergana valley. Many others mirabs would come to her to consult.

The documents of the 19th century testify to a place of the mirabs in the Khiva khanate. They were engaged in organization of planning, construction and clearing of operating channels. The basic channels in Khorezm were under supervision of the mirabs, appointed by the khan. The payment to general mirabs was given out from treasury, and their subordinates received in using the ground and water at a rate of semidiurnal portion from the Land community. During harvesting one mirab received from the dekhan the share (8–10 of grain) which referred to as «mirabana».

Some changes have taken place in water management after Russai conquered Turkistan. The field of activity of the aksakals of aryks increased. They now were engaged in questions of irrigation of areas. Now they were also in charge for roads, bridges and also taxation.

At the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries the Russian administration appointed the general mirab in Turkistan. Regional mirabs were usually elected in August with participation of the mirabs of kishlaks who were also elected.

Mirabs were elected from people skilled, experts in water-economic business. Instructions of the mirabs were carried out strictly. However, the mirabs had no right to use the members of a community. During the work mirabs submitted to local heads.

With establishment of the Soviet authority the electoral system in this branch disappeared. Many traditions connected to water management got lost.

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ В ЖИВОПИСИ И ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ АНДИЖАНА

Народное художественное ремесло и изобразительное искусство на протяжении многих столетий служат своеобразным индикатором уровня духовного и культурного развития народа.

Особенно ярко народные традиции и эстетические воззрения отражают произведения керамического искусства. Андижанская школа гончарного искусства ярко представлена произведениями самобытных мастеров – керамистов Мухаммадали Хайдарова, Кутбиддина Турдиева, Абдуманнона Акбаралиева.

Тюбетейки – национальная гордость и символ узбекского народа, искусство их вышивания невозможно представить без работ андижанских мастеров. Тюбетейки «Калин» (Плотный), «Инжик» (Капризный), «Сетора» распространены и за пределами Узбекистана – в Кыргызстане и Таджикистане. Особыми узорами вышивки отличаются андижанские сюзаны, занавеси, двойные поясные платки, которые составляют основу приданого невесты.

Андижан славится мастерами чеканки по меди, создающими изделия с неповторимыми рисунками и узорами. А слава мастеров Карасува и Шахрихана по изготовлению национальных ножей распространилась далеко за пределы области. По красоте узора и остроте лезвия они успешно конкурируют с изделиями мастеров Чуста, Коканда, Хивы, Бухары, Ургута.

Изготовленные шахриханскими мастерами-братьями Нумонжоном, Рахматходжой и Полвонходжой Алиходжаевами, Садыкжаном Негматовым ножи и узорчатые ножны из серебра, мельхиора, меди не только продолжают вековые традиции, но и обогащают их. Их ножи, достигая уровня произведений прикладного искусства, занимают достойное место на международных выставках.

Еще одним видом народного ремесла является изготовление народных музыкальных инструментов. Успешно трудятся в этой сфере Абдусаттар Рахимов, Камолитдин Исомиддинов, а мастер Абдумалик Мадрахимов на основе древних инструментов XV–XVI веков заново воссоздал своеобразные по форме и звучанию инструменты «Дилнаво», «Мерос», «Гиджак Бобура».

Гобелен (изображение на ковре) – конгломерат изобразительного и прикладного искусства, – больше свойственный Западной Европе, стал предметом творчества андижанского художника Абдуллажона Журабаева. Его работы воспевают красоту, молодость, национальные традиции, отражают образы великих исторических деятелей Амира Темура, Алишера Навои, Бобура.

Образы наших великих соотечественников мы видим в скульптурных работах андижанских мастеров. Памятники Бобура украшают его родину – Андижан. Один установлен в Музее памяти Бобура (автор Абдурашид Сулаймонов), второй – монументальный (автор Жалалидин Миргаджиев) – установлен в центре города. В пригородном парке Богитамол создан архитектурный комплекс «Парк Бобура», куда входят скульптура Бобура (автор Кадыр Салахиддинов), настенная роспись, выполненная художником Улугбеком Болтаевым, резба по ганчу – мастером Иброхимжоном Мамадалиевым. Образ Бобура отражен также в творчестве художников Хасана Саидова, Камбарали Юсупова, Адхама Сайбурханова, Рустама Уразова.

Творчество андижанских художников и скульпторов положило начало «Изобразительному Чулпаннаме» в искусстве. Работа скульптора Ж.Мирходжиева, установленная в парке Чулпана, была посвящена 100-летию поэта. Памятник Баходдара Расулова «Чулпан – утренняя звезда» украшает двор Андижанского Педагогического института, образу Чулпана посвящены портретные работы Н.Кузиева, У.Болтаева, Ш.Ташбай, Б.Курбанова.

Памяти великого Навои посвящены работы на тему произведений гениального поэта из пятерницы «Хамса»; ими украшены стены и купол символических ворот городского Парка культуры и отдыха. Настенная роспись (автор У.Болтаев), резба по ганчу и неповторимые люстры (мастер И.Мамадалиев) – все эти работы андижанских мастеров посвящены Навои.

Широко известны работы народного мастера Узбекистана, основателя андижанской школы резьбы по дереву Юлбарса Утаганова из Избаскана. Он – один авторов прекрасных узоров на воротах и деревянных колоннах архитектурных комплексов «Площадь памяти погибших на войне» в Ташкенте, «Имам ал-Бухарий» в Самарканде, Музея Чулпана в Андижане.

Увенчались успехом творческие поиски мастеров книжной и станковой графики Андижана. Национальные традиции с любовью изображены в работах Шухрата Тошбуева «Свадьба», «Узбекский дом» и в миниатюрах, выполненных на поверхности тыкв Нурматжоном Шариповым.

С учетом национальных традиций выполнен ряд театральных декораций к спектаклям «Чулпан», «Бобур», «Возвращение Алпамыша» заслуженным деятелем культуры Узбекистана Виктором Липаевым.

Изучению, сохранению и формированию новых культурных традиций в Андижане помогают действующие здесь Международная экспедиция Бобура, Фонд «Олтин мерос», Краеведческий музей, Музей литературы и искусства, Музей памяти Бобура и Чулпана, Ассоциация изобразительных и прикладных искусств, Центр духовности и просвещения, Общество «Хунарманд».

Они служат тем мостом, который объединяет прошлое с будущим, передавая духовные ценности предков настоящему и будущему поколениям.

АНДИЖОН АМАЛИЙ ВА ТАСВИРИЙ САНЪАТИДА МИЛЛИЙ ҚАДРИЯТЛАР

Дилшодбек ЮСУПОВ

Халқ бадий хунармандчилиги ва тасвирий санъат асрлар давомида халқнинг маънавий ва маданий тараққиётининг даражасини белгиловчи мезон сифатида хизмат қилиб келмоқдалар.

Анъана ва аждодлар руҳияти, айниқса, кулолчилик санъатида кенг намоён бўлади. Моҳир кулоллардан Мухаммадали Хайдаров, Кутбиддин Турдиев, Абдуманноб Акбаралиевлар ижоди Андижон кулолчилиги мактабининг ёрқин намунаси бўла олади.

Ўзбек халқининг миллий ифтихори, рамзий ифодаси ҳисобланган дўппиларсиз Андижон каштачилик санъатини тасаввур қилиш қийин. «Калин», «Инжик», «Сетора» деб номланувчи дўппилар фақат Республикамиздагина эмас, ҳатто Қирғизистон ва Тожикистонда ҳам кенг тарқалган. Андижон миллий каштачилигининг ўзига хос хусусиятларини акс эттирувчи турли чойшаб, дарпарда, қўшқийик, жойнамозларга тикилган «Нон», «Кийик қош», «Етти оғайни», «Олмагул» каби хонаки тархли гулдастасимон кашталар келин сепининг асосини ташкил қилади.

Исмоилжон Кўчқоров мисгарлик санъати анъанасининг Республикамиздаги санокли ва моҳир давомчиларидан бири ҳисобланади. Унинг нафис нақшлар чекилган обдаста, чилопчин, кўза, чойиш, коса ва пилалари Республикадан ташқарида ҳам машхур.

Корасув ва Шахрихон миллий пичоклари ўта кескирлиги, бетакрор шакли, ўзига хос бадийи беағи ва услуби билан Чуст, Қўқон, Хива, Бухоро, Ургут каби Республикадаги машхур пичоксозлик мактаблари қаторида туради.

Қўп асрлик тарихга эга анъанавий Шахрихон пичоксозлиги мисли кўрилмаган ривожланиш поғонасига етди. Ака-ука Нўъмонжон, Раҳматхўжа ва Полвонхўжа Алихўжаевлар, Содикжон Нейматов каби усталар ясаган пичоклар, ханжару қиличларнинг кумуш, мелхиор, мисдан тайёрланган нақшинкор қинлари қадимий анъаналаримизнинг давомийлиги, ўзига хос ривожининг юксак намунаси ва амалий санъат асари сифатида халқро кўрғазмалардан ўрин олмоқда.

Халқ хунармандчилигининг яна бир тури – миллий мусиқа асбобеозлигида уста Абдусаттор Раҳимов ва Камолитдин Исомиддиновлар самарали ижод қилиб келаётган бўлсалар, уста Абдумалик Мадрахимовнинг XV–XVI аср қадимий намуналари асосида «Дилнаво», «Мерос», «Ғижжаки Бобурий» каби ўзига хос оҳанг ва бадийи шаклга эга созларни қайта тиклади.

Ғарб санъатига хос бўлган тасвирий ҳамда амалий санъат хусусиятларини ўзида уйғунлаштирган гобелен (пиламга сурат тўқиш) санъат тури андижонлик мусаввир Абдуллажон Жўрабоев ижодида гўзаллик, ёшлик, миллий урф-одатлар, мустақиллик мавзулари билан бирга Амир Темура, Бобур, Алишер Навоий каби буюк шахслар сиймолари ўз ифодасини топди.

1980 йилларнинг биринчи ярмида хайкалтарош Абдурашид Сулаймонов томонидан тайёрланган ва давр сиёсати зарбаларига дуч келиб «зиндонбанд этилган» Бобур ҳайкалининг 1991 йилда «Бобур ёдгорлик музейи» саҳнига қўйилишини миллий қадриятларимизнинг дастлабки тантанаси, дея эътироф этиш мумкин.

Буюк бобокалонимиз Захириддин Муҳаммад Бобур таваллудининг 510 йиллиги муносабати билан Андижоннинг Марказий майдонида хайкалтарош Жалолиддин Миртожиев томонидан ишланган шоир ва давлат арбобининг маҳобатли хайкали ўзига хос бадний ечим, тасвирий рамзий ифодаси билан маданий меросимизга ўрнатилган дастлабки ёдгорликлардан бири бўлди. Бугунги кунда ушбу майдон Бобур номи билан юритилади.

«Бобур халқаро экспедиция»си раҳнамолитида Боғишамол дам олиш қароргоҳида «Боғи Бобур» номи меъморий мажмуа (меъмор Муҳаммадjon Мирзаев) барпо этилди. Мажмуа таркибидagi Бобур хайкали (муаллиф Қодир Салоҳиддинов), «Бобур ва жаҳон маданияти музейи» деворларига ишланган маҳобатли рангтасвир (рассом Улуғбек Болтабоев), юксак дид ва маҳорат билан ижро этилган ганч ўймакорлиги (уста Иброҳимжон Мамадалиев) намуналари энг аввало санъатда янги ғоявий давр бошланганлигини билдирса, иккинчидан, Андижоннинг юксак истеъдод соҳиблари ижод намуналаридан дарак беради. Чунончи, истеъдодли мусаввир Ҳасан Саидов фаолиятида Бобур мавзуи, айниқса, кенг ёритилган бўлса, Камбарали Юсупов, Адхам Сайбурхонов, Рустам Ўрозов каби ижодкорларнинг рангтасвирлари аллома ҳаётининг турли жабҳаларини ифодалайди.

Шоир, адиб ва драматург Абдулҳамид Чўлпон таваллудининг 100 йиллиги нишонланиши муносабати билан Чўлпон боғидаги Жалолиддин Миртожиев ижодига мансуб Чўлпон хайкали, Педагогика билим юрти ҳовлисидаги Баҳодир Расулловнинг «Чўлпон – тонг юлдузи» хайкали, Чўлпон ёдгорлик музейи ҳамда ушбу музей мазмунини бойитиб турган портретлар устаси Н.Кўзиев, У.Болтабоев, Ш.Тошбой, Б.Қурбонов каби рассомларнинг рангтасвирлари санъатимизда «Тасвирий Чўлпоннома» саҳифасини бошлаб берди.

Алишер Навоий номи Маданият ва истироҳат боғига қираверишдаги маҳобатли рамзий дарвоза гумбазлари остига ишланган буюк шоирнинг «Хамса» асарии асосидаги деворий рангтасвир (муаллиф У.Болтабоев) ва шифтлардаги ўзига хос ганч ўймакорлиги намуналари, қандиллар (уста И.Мамадалиев) ўзаро уйғушликдаги меъморий шакли ва юксак ғоявий-бадний ечими билан андижонликларнинг буюк Навоий даҳосига ҳурмат-эҳтиромии бўлди.

Янги бунёд этилган «Хотира ва Қадрлаш» меъморий мажмуаси Ватан учун жангларда ҳалок бўлганлар хотирасига қўйилган мангу ёдгорликдир.

Бугунги кунда Избосканлик ёғоч ўймакори Ўзбекистон халқ устаси Йўлбарс Ўтагановнинг номини Андижонда ёғоч ўймакорлик санъати асосчиси, қолаверса, Андижондаги Чўлпон музейи, Самарқандаги Имом ал-Бухорий ҳамда Тошкентдаги «Хотира» майдони меъморий мажмуаларидаги нақшинкор эшик ва устунларнинг муаллифларидан бири сифатида биладилар. Китоб ва дастгоҳли графика устаси Низомиддин Холиқовнинг мустақиллик йилларидаги фаолияти рангтасвир борасидаги бегақор изланишлардан иборат бўлса, «Ўзбегим уйлари», «Тўй» каби миллий урф-одатларимизнинг рангин талқини эса Шухрат Тошбойнинг миллий қадриятларимизга бўлган буюк муҳаббатини ифода этади. Ўзига хос шакл ва тасвирий мавзулар соҳибии Нурматжон Шариповнинг қовоқлар сатҳига ишлаган миниатюралари бугунги кунда энг аввало ўзига хос миллий рухияти билан халқаро кўрғазмаларда эътиборга тушмоқда.

«Чўлпон», «Бобур», «Занжирбанд шер», «Алпомишнинг қайтиши» каби саҳна асарларига ишланган безаклар Ўзбекистонда хизмат кўрсатган маданият ходими, кекса рассом Виктор Лигайнинг миллий анъаналаримиз, қадриятларимизнинг билимдони эканлигидан далолат беради.

Андижонда миллий қадриятларимизни, урф-одатларимизни, маданий ва маънавий меросимизни ўрганиб, эъозлаб, унинг қайта шаклланишида Бобур Халқаро экспедицияси, «Олтин мерос» жамғармаси, Ўлкашунослик музейи, ўз таркибида адабиёт, санъат, Чўлпон ва Бобур ёдгорлик музейи ҳамда қадимий қўлёзмалар бўлимларини бирлаштирган Адабиёт ва санъат музейи, Халқ амалии ва тасвирий санъати ассоциацияси, Маънавият ва маърифат маркази, «Хунарманд» уюшмаларининг ўрни бекиёсдир.

Улар кечаги миллий анъана ва қадриятларимизни эртанги авлодга етказувчи кўприк бўлиб хизмат қилади ва бу кўприк мустаҳкам асосда қурилаётганига асло шубҳа йўқ.

NATIONAL TRADITIONS IN PAINTING AND APPLIED ARTS OF ANDIZHAN

National art crafts and painting during many centuries serve as peculiar indicator of the level of the peoples cultural and spiritual development.

Products of ceramic art especially brightly reflect national traditions and aesthetic ideas. The art of the Andizhan masters—ceramists Mukhammadali Khaidarov, Kutbiddin Turdiev, and Abdumannon Akbaraliyev is especially original.

Tjubeiteka, embroidered skull-caps, – is national pride and a symbol of the Uzbek people. It is impossible to present art of their embroidery without works of the Andizhan masters. Tjubeiteka «Kalin» (Tight), «Inzhik» (Whimsical), «Setora» spread even out of Uzbekistan – in Kyrgyzstan and Tajikistan. Andizhan suzane, curtains, and belt scarves still making a part of a bride's dowry differ with their special embroidery patterns.

Andizhan always was renowned for masters on copper who made household utensils with unique pictures and patterns. The glory of masters from Karasuv and Shakhrikhan on manufacturing national knives spread far beyond the region. Regarding the beauty of knife and acuteness of its blade-edge they did not concede to the glorified works of masters from Chust, Kokand, Khiva, Bukhara, and Urgut.

Making traditional knives in Shakhrikhan has centuries-old history. Made by brothers Numonzhon, Rakhmathodja and Polvonhodja Alikhodjaev, Sadykdzhan Negmatov, knives and figured sheaths made of silver, cupronickel, and copper not only continue century traditions but also are top of development of original skill. The utilitarian knife, turning into a memorable subject and reaching a level of applied art product, takes a worthy place at the international exhibitions.

Another kind of national craft is manufacturing the national musical instruments. Abdusattar Rakhimov and Kamoliddin Isomiddinov successfully create in this sphere. And the master Abdumalik Madrakhimov, on the basis of ancient tools of the 15th-16th centuries, has anew recreated the musical instruments «Dilnavo», «Meros», «Babur's Ghidzhak», original with their form and sounding.

Gobelin (illustration on carpet), a conglomerate of graphic and applied art, more peculiar to the Western art, became a subject of creativity of the Andizhan artist Abdullazhon Zhurabaev. His works sing of beauty, youth, national traditions, and reflect images of the great historical figures of Amir Temur, Alisher Navoi, and Babur.

We see the images of our great compatriots in sculptural works of the Andizhan masters. Monuments of Babur decorate his hometown – Andizhan. One of them is established in the Museum of memories of Babur (author Abdurashid Sulajmonov), the second one – the monumental one (author Zhalaliddin Mirtadzhiev) is established in the city centre. The architectural complex «Babur's Park» is created in the suburban park Boghishamol. It consists of the sculpture of Babur (author Kadyr Salakhiddinov), the wall painting executed by artist Ulugbek Boltaev, ganch-carving by the master Ibrohimzhon Mamadaliev. The image of Babur is also reflected in creativity of the artists: Khasan Saidov, Kambarali Jusupov, Adkham Saiburkhanov, and Rustam Urazov.

Creativity of the Andizhan artists and sculptors began «Chulpanname Graphic» in art. The work of the sculptor Z.Mirkhodzhiev, established in the park of Chulpan, was erected to the 100-anniversary of the poet. The monument by Bakhodiy Rasulov «Chulpan – a morning star» decorates the courtyard of the Andizhan Pedagogical Institute. Portrait works by N.Kuziev, U.Boltaev, S.Tashbaj, and B.Kurbanov are devoted to the image of Chulpan.

Respect of the Andizhan citizens to the image of great Navoi is expressed in works based on themes of the five-part book «Khamasa» written by the ingenious poet. They decorate walls and a dome of the symbolical gates of the City Recreation Park. Wall paintings (author U.Boltaev), ganch-carving and unique lusters (master I.Mamadaliyev) – all these works of the Andizhan masters are devoted to Navoi.

Creativity of the national master of Uzbekistan, the founder of the Andizhan school of woodcarving Julbars Utaganov from Izbaskan is widely known. He is one of the authors of beautiful patterns on gates and wooden columns of the architectural complexes «the Square of memory of victims of wars» in Tashkent, «Imam al-Bukhary» in Samarkand, and the Museum of Chulpan in Andizhan.

Creative searches of masters of the book graphics and easel graphics from Andizhan reached success. National traditions are represented with love in the works by Shukhrat Toshbuev «Wedding», «Uzbek house», and also in the miniatures performed on pumpkin surface by Nurmatzhon Sharipov.

Some theatrical sceneries for the plays «Chulpan», «Babur», «Returning of Alpaymysh», created by the honored worker of culture of Uzbekistan Victor Ligai, are executed in view of the national traditions.

Presently operating in Andizhan, the International expedition of Babur, the Fund «Oltin Meros», the Study of Local Lore Museum, the Museum of the Literature and Art, the Museum of Memory of Babur and Chulpan, the Association of Graphic and Applied Arts, the Center of Spirituality and Education, and the Society «Khunarmand» help for studying, preservation and formation of new cultural traditions in Andizhan.

They serve as the bridge that unites the past and the future, transferring the cultural values of the ancestors to the present and future generations.

БУЮК ИПАК ЙЎЛИ – ҲАЁТ ВА ТАҚДИРЛАР ДАРЁСИ

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ – РЕКА ЖИЗНЕЙ И СУДЕБ

THE GREAT SILK ROAD – THE RIVER OF LIVES AND FATES

ПУТЕШЕСТВИЕ В БУХАРУ ЭНТОНИ ДЖЕНКИНСОНА

Шестнадцатый век. Путешествия в те времена были продолжительными и опасными.

Но несмотря на все трудности и опасности, караванная торговля продолжалась, Великий шелковый путь жил. Как говорили древние, *Via est Vita* – дорога – это жизнь. Англия, Швеция, Голландия через Русь стремились на Восток – в Персию, Индию, Китай. Караванными тропами, а потом по морю везли на Запад шелка, дорогие ткани, пряности, индиго и кошениль, драгоценные сосуды, украшения, ковры...

Многие исследователи в средние века пытались достичь Индии и вообще Востока кратчайшим путем. Один, как Христофор Колумб, двигались через океан на Запад. Другие, как Васко да Гама, обгибая Африку с юга. Ну, а третьи искали морской проход вдоль северных границ Азии. Среди них была и снаряженная в 1553 году экспедиция английских мореплавателей Хью Уиллоби и Оичард Ченслера. В Москве Ченслер был принят Иваном IV. Грозный царь был милостив и разрешил англичанам торговлю в России.

Так в Московии, как называли страну иностранцы, начала действовать англо-русская торговая компания. В 1557 году, после смерти Ченслера, главным представителем этой компании в России стал Энтони Дженкинсон, опытный торговец и бывалый путешественник, который имел поручение от компании разведать путь в Индию и Китай.

Однако и новые попытки пробиться в Азию через Северо-Восточный проход окончились неудачей. Корабли дошли лишь до острова Вайгач в Карском море и повернули назад. Было принято решение двигаться по суше. Кратчайший путь на Восток лежал через Российское царство вдоль по Волге до Астрахани, затем по Каспию и далее по Великому шелковому пути.

И вот в 1557 году компания снарядила экспедицию из Английского королевства в Москву и далее в Китай через Центральную Азию. Во главе экспедиции стал Энтони Дженкинсон. Обстановка как будто благоприятствовала путешествию. Незадолго до этого Россия завоевала Казанское и Астраханское ханства, расширив далеко на юго-восток свои владения. Но, с другой стороны, в год, когда экспедиция покинула Москву, началась так называемая Ливонская война между Россией, Швецией, Польшей и Литвой. А войны, как известно, не лучшее время для путешествий.

Но как бы то ни было, а 23 апреля 1558 года экспедиция наконец покинула Москву и отправилась в далекий путь. Кроме руководителя, в состав ее входили служанье англо-русской компании Ричард и Роберт Джонсоны и татарин-переводчик. Но до этого предусмотрительный Дженкинсон заручился письмами царя к правителям чужеземных стран с просьбой о помощи и содействии. Впрочем, они не защищали от разбойников – главных в те времена врагов странствующих и путешествующих.

Бывалый землепроходец, Дженкинсон выбрал речной путь. Путешественники плыли вниз по Оке, делая остановки в прибрежных городах - Переяславле Рязанском, стоявшем в пятидесяти верстах от сожженной ханом Батыею Рязани (только в восемнадцатом веке город был переименован в современную Рязань), в Муроме, известном своими ярмарками, но также и разбойниками в муромских лесах, в Нижнем Новгороде. На левом берегу Волги, у Макарьевского монастыря близ Нижнего Новгорода, путешественники как раз

ЭНТОНИ ЖЕНКИНСОННИНГ БУХОРОГА САЁҲАТИ

Рустам МИРЗАЕВ

Ўн олтинчи асрда саёхатлар ва сайёҳлик айни авж олганди. Саёхатлар бардавом ҳамда хавфли бўлишига карамай, саёхатчилар уйларида жуда узок вақтга, баъзида эса бир умрга чиқиб кетардилар. Шу сабабдан ҳам шарқ назмига олис-олисларга йўл олган карвон йўлдошларининг юракни орзиқтирувчи айрилик оҳанглари сингдирилганлиги бежиз эмас.

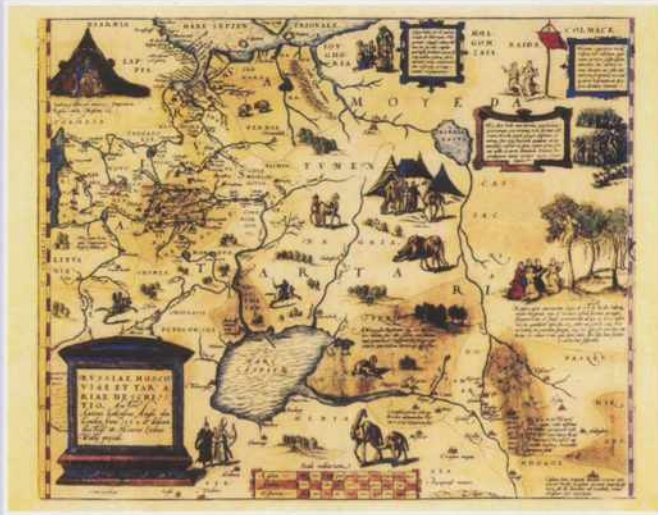
Лекин барча қийинчилик ва хавф-хатарларга карамай, савдо карвонлари у ёқдан-бу ёққа қатнар, Буюк Ипак йўли гавжум эди. Қадимпилар таъкидлаганидек, *Via est Vita* – йўл – бу ҳаётдир. Англия, Швеция, Голландия, Русь орқали Шарққа – Эрон, Ҳиндистон, Хитойга интилишарди. Карвон сўқмоқлари, кейин эса денгиз орқали Фарбга шойи, мушқу анбар, қимматбаҳо идиш-товоклар, зеб-зийнат ва ғиламлар... олиб келишарди...

Савдогарларни фақат савдо-сотикдан келадиган фойдагина эмас, балки янгидан-янги мамлакатлар ва халқларни кўриш иштиёқи ҳам йўлга етаклар эди.

Ўрта асрларда кўпгина талқикотчилар Ҳиндистонга ва умуман, Шарққа қисқа йўллар билан етишга интилишарди. Баъзилари худди Христофор Колумбдек денгиз орқали фарбдан, бошқалари эса Васко да Гамага ўхшаб Африкани ёқалаб жанубдан, учинчилари эса, Осиёнинг шимолий чегаралари орқали денгиздан йўл излашга уриниб кўрдилар. Шулар қаторида 1553 йили инглиз денгизчилари Хью Уиллоби ва Оичард Ченслер томонидан ташкил этилган экспедиция ҳам бор эди. Экспедиция халокатга учради, фақат Ченслергина Шимолий Двинага етиб боришга муваффақ бўлди. Шу тахлит, довурак денгизчи Европа учун Шимоли-Шарқий йўл ўрнига Рус Шимолини кашф қилди. Москвада Ченслер подшоҳ Иван IV томонидан қабул қилинди. Подшоҳ марҳамат қилиб, инглизларга Россияда савдо-сотик қилишга рухсат берди.

Шундай қилиб, Москвада инглиз-рус савдо компанияси ишлаш бошлади. 1557 йили, Ченслер вафотидан сўнг, мазкур компаниянинг Россиядаги бош вакили қилиб тажрибали савдогар ва кўпни кўрган сайёҳ Энтони Женкинсон тайинланди. Бундан ўн йил аввал у Левантда (Шарқий Ўрта Ер денгизини шундай аташарди) муваффақият билан савдо-сотик ишларини олиб борганди.

Женкинсоннинг «Московия» орқали Осиёга қилган сафари пайтида тузган харитаси.

A map made by Jenkinson during his trip to Asia through «Moskovia». Карта, составленная Дженкинсоном во время путешествия в Азию через «Московию».

Эндиликда Женкинсон компаниядан Хиндистон билан Хитойга борадиган йўлни кидириш топшириғини олганди.

Бинобарин, Осиёга Шимоли-Шарқий йўл орқали ўтишга уриниш самарасиз бўлди. Кемалар Кариб денгиздаги Вайгач оролигача етиб келиб, орқага қайтдилар. Энди қуруқлик орқали ҳаракат қилишга қарор қилинди. Шарққа энг қисқа йўл Россия подшоҳлиги орқали Волга бўйлаб Астрахангача, сўнг Каспий бўйлаб Буюк Ипак йўлида давом этарди.

1557 йили компания Англия қироллигидан Москва, ундан Марказий Осиё орқали Хитойга бориш мақсадида экспедиция ташкил қилди. Экспедицияга Энтони Женкинсон раҳбар этиб тайинланди. Халқаро аҳвол ҳам экспедицияга қўл келмаётганди. Бундан сал олдин Россия Қозон ва Астрахань хонлиқларини босиб олиб, ўз амлоқларини жануби-шарқ томон анча кенгайтирганди. Лекин, бошқа томондан, экспедиция Москвани тарк этиш арафасида Россия, Швеция, Польша ва Литва ўртасида Ливон уруши деб номланган уруш бошланганди. Урушлар, одатда, саёҳатлар учун таҳликали эди.

Нима бўлгандаям, экспедиция 1558 йилнинг 23 апрелида Москвани тарк этиб, узоқ ва машаққатли йўлга отланди. Раҳбардан ташқари, экспедиция таркибига инглиз-рус компанияси ходимлари ака-ука Ричард ва Роберт Жонсон ҳамда татар таржимон кирганди. Экспедиция олдида

ANTHONY JENKINSON'S JOURNEY TO BUKHARA

The sixteenth century. Journeys in that times were long-lasting and dangerous.

But in spite of all difficulties and dangers caravan trade lasted, Great silk road lived. Like ancients said «Via est Vita» - a road is a life. England, Sweden, Holland, through Russia, strove to the Orient - to Percy, India, China. Caravan's trope, carried silk, expensive fabrics, spices, indigo and cochineal, precious containers, embellishment, carpets ... and others to the West.

Many researchers in the middle centuries tried to reach India, and Orient in general, with the shortest way. Some, like Christopher Columbus, moved through ocean to the West. Others, like Vasco da Gama, bending around Africa to the south. And the third searched for the sea passage along the north borders of Asia. Among them was equipped in 1553 expedition of the English seafarers Hugh Willoby and Oichard Chensler. It has failed, ships perished, and only Chensler with his nave managed to reach the mouth of the river North Dvina. And thereby, instead of North-Easterly passage gallant seafarer opened the Russian North for Europe. In Moscow Chensler was accepted by Ivan IV. The awesome tsar was merciful and allowed the Englishman to trade in Russia.

So in Moskovia, how foreigners named the country, come into play English Russian trade company. In 1557, after Chensler's death, the main representative of his companies in Russia became Anthony Jenkinson, experienced merchant and worldly-wise traveller. Even for ten years before the described event he successfully traded with Levant, the countries of the east Mediterranean. But now Jenkinson had a commission from the company to reconnoiter the way to India and China.

However his new attempts to entrench to Asia through North-Easterly passage ended with failure. The naves reached only island Vaygach in the Karsk sea and turned back. There was taken a decision to move by land. The shortest way to the Orient lay through the Russian kingdom along the Volga river to Astrakhan, then by the Kaspian sea and then on the Great Silk Road.

So here in 1557 the company has equipped the English kingdom expedition to Moscow and then to China through Central Asia. The chief of the expedition was Anthony Jenkinson. The situation favored to the journey. Shortly before this, Russia has conquered Kazan's and Astrakhan's khanate's, having increased her own holdings onto the south-east. But, on the other way, the year, when expedition has abandoned Moscow, the so-called Livon war began between Russia, Sweden, Poland and Lithuania. But wars, as is well known, not the best time for journey.

Anyway, but on April 23, 1558 the expedition has finally left Moscow for the distant way. Except the leader, it consisted of employees of the English Russian company Richard and Robert Johnson and Tatar-translator. But before this prudent Jenkinson secured with the letter reigning to the rulers of the foreign countries with request about help and assistance. However, they did not protect from the robbers - a main in that time enemy of the peripatetic and traveling.

The worldly-wise explorer, Jenkinson has chosen the river way. The travelers sailed down to Oka, making stops in coast city- Pereyaslavl Ryazansk's, stood in fifty versts from the incinerated by khan Batiy Ryazan (only in the eighteenth century city was renamed to modern Ryazan), in Murom, the well known with their fair, as well as robbers in Murom's wood, in Lower Novgorod. On the left coast of Volga, beside Makarievskiy priory near Lower Novgorod, travelers have just in time on fair, where made sure that the merchants carry goods not only from Russian cities and villages, but also from Bukhara, India, Persia: handguns and guns, fur and skins, silk, carpets, spices and jewels, wax and honey, overseas blame and sugar, fish and caviar...

«We have lived in Lower Novgorod for several days, - reports Jenkinson, - when to the city came commander, sent by tsar to control Astrakhan, with the big caravan of ships, carried provisions and equipment, with archers on the board». The caravan turned out to be as it is impossible apropos, and then expedition followed in his riverbed.

In Kazan, which is only five years before beginning of the expedition was conquered by Russian troops, were seen a traces of the siege and assault. For travelers this was already Asia - with noise markets, beauty of the paints and diversity of colors of the persons.

The Astrakhan khanate even later, than Kazan's, only two years before Jenkinson's expedition was conquered by Russia. Having arrived to the city in the mouth of the river Volga, Jenkinson in his diary has noted that Russian tsar cherished with new acquisition and took care of the fortification of the city, sending there best people and provisions.

From Astrakhan Jenkinson already followed without tsarist archers.

The ship with merchants from different countries moved along the north coast of the Kaspian rate to the south-east. And the first, with whom seafarers faced, were naturally «pirates». The boat with thirty armed people came to the ship with obviously trouble by intentions.

поспели на ярмарку, где убедились, что товары купцы везут не только из российских городов и сел, но и из Бухары, Закавказья, Индии, Персии: ружья и пистолеты, меха и кожи, шелка, ковры, пряности и драгоценные камни, воск и мед, заморские вина и сахар, рыбу и икру...

«Мы прожили в Нижнем Новгороде несколько дней, — сообщает Дженкинсон, — когда в город прибыл воевода, посланный царем, чтобы управлять Астраханью, с большим караваном судов, груженных продовольствием и снаряжением, со стрельцами на борту». Караван оказался как нельзя кстати, и далее экспедиция следовала в его русле.

В Казани, которая всего лишь за пять лет до начала экспедиции была завоевана русскими войсками, еще видны были следы осады и штурма. Для путешественников это была уже Азия — с шумом базаров, живописностью красок и пестротой лиц.

Астраханское ханство еще позже, чем Казанское, всего за два года до экспедиции Дженкинсона было завоевано Россией. Прибыв в город в устье Волги, Дженкинсон в своем дневнике отметил, что русский царь дорожил новым приобретением и заботился об укреплении города, посылая туда лучших людей и продовольствие.

От Астрахани Дженкинсон уже следовал без охраны царских стрельцов.

Судно с торговцами из разных стран двинулось вдоль северных берегов Каспия курсом на юго-восток. И первые, с кем столкнулись мореплаватели, были, естественно, «пираты». Лодка с тридцатью вооруженными людьми подошла к кораблю с явно недобрыми намерениями. Положение спас Азиз, святой человек, по словам Дженкинсона, совершивший паломничество в Мекку. Он убедил «пиратов», что на судне нет «неверных», и корабль был отпущен.

Почти месяц продолжалось плавание, и, наконец, судно причалило к Мангышлаку. «3 сентября 1558 года мы разгрузили наш корабль и были приняты правителем и его людьми. И все время до отправления эти люди досаждали нам, воруя наши вещи, повышая цену на лошадей и верблюдов, продавая нам продовольствие по двойной цене и вынуждая нас покупать воду, которую мы пили».

В ту пору места севернее Каспия и Аральского моря занимала Ногайская орда, в свое время — часть Золотой орды. Как раз в середине шестнадцатого века Ногайская орда распалась на три самостоятельных владения. На всем пространстве между северным Каспием и Аралом простиралась владения хорезмского хана.

«16 октября прибыли в город, который называется Ургенчем, где заплатили пошлину за нас, за наших лошадей и верблюдов». Здесь, в Хорезме, англичане впервые увидели диковинные плоды — дыни и арбузы, которые имели «вид большого огурца, но были желтыми и сладкими как сахар». Плоды эти местные жители ели после мясных блюд, вместо напитков. Удивило путешественников и незнакомое растение «джугара», у которого зерна росли «на верхушке тростника и имели вид гроздьев винограда».

Дженкинсон описывает Ургенч как город, расположенный на равнине и окруженный стеной. В городе имеется длинная улица, которая является местом торговли. Но из-за частых войн торговые отношения в этих местах ухудшились, и торговцы довольно бедны. Основные товары, которые продаются в городе, привезены из Бухары и Персии.

«Большинство зданий в этом городе, — пишет Дженкинсон, — построены из грунта, что является причиной их скорого разрушения». Действительно, в этих беслесных краях жилые дома были либо глинобитными, либо сложенными из сырцового кирпича.

Дженкинсон был принят правителем Хорезма Эшмухаммадом Султаном, передал ему письмо русского царя и преподнес подарки. «Надо сказать, — писал англичанин, — он принял нас очень хорошо, я отведал различные яства в его присутствии. И на следующий день он снова послал за мной и стал задавать различные вопросы о нашей стране, о законах. В итоге, когда я покидал его, он предоставил мне письмо с гарантиями безопасности».

Среди диковинок, которые увидел Дженкинсон во дворце, была рукопись исторического эпоса «Шах-наме», лишь недавно, в 1556 году, богато иллюстрированная по заказу Эшмухаммада Султана художником из Самарканда Мухаммадом Мурадом. Дивной красоты миниатюры запечатлели сцены битв и поединков, беседы мудрецов и царские приемы, свидания влюбленных и состязания поэтов.

Несмотря на охранную грамоту хорезмского правителя, на пути из Хорезма в Бухару Дженкинсону постоянно досаждали разбойники. Вот как описывает Дженкинсон затянувшуюся схватку с местными роби́н- гудами где-то в степи под Ургенчем: «15 декабря утром мы увидели наездников, двигающихся в нашем направлении, и предположив, что это грабители, приготовились к схватке. Нас было 40 человек. Прочтя молитвы, мы решили сражаться не на жизнь, а на смерть. Когда разбойники приблизились, мы увидели, что их около 40 человек и они вооружены луками, стрелами и мечами. Они предложили нам сдаться, угрожая смертью, но мы отвергли их угрозу и началась схватка, которая длилась до ночи и были убитые и раненые с обеих сторон. Утром мы получили предложение от главаря шайки и, соизмерив свои возможности, решили принять его условия. Мы отдали грабителям одного верблюда и много разных вещей и они прекратили преследование. А мы продолжили свой путь и следующей ночью вышли к Амударье».

Ровно через восемь месяцев после того, как Дженкинсон и его спутники покинули Москву, перед ними показались высокие стены

эҳтиёткор Женкинсон хорижий мамлакат хукмдорлари номига экспедицияга ёрдам кўрсатиш ҳақидаги подшоҳнинг кафолатли хатини ола билганди. Аммо-лекин, бу хатлар қароқчилардан, яъни сайёҳларнинг энг асосий душманларидан химоя қилолмасди.

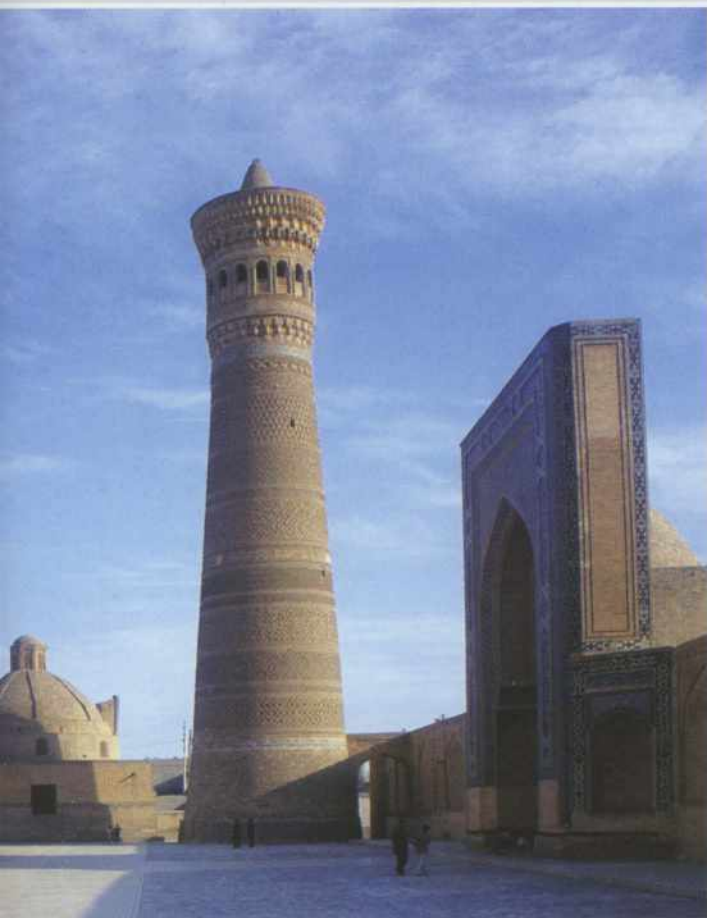
Кўпни кўрган таджикотчи Женкинсон, дарё йўлини танлади. Сайёҳлар Ока бўйлаб куйига, қирғоқ бўйи шаҳарларини, жумладан, Ботирхон томонидан кули кўкка созурилган Рязандан элик чақирим масофадаги Рязань Переяславли (факат XVIII асрдагина шаҳарнинг номи Рязань деб ўзгартирилди), ярмарка ва ўрмонлардаги қароқчилари билан машҳур бўлган Муром, Нижний Новгородни зиёрат қилганча сузиб боришарди. Сайёҳлар Волганинг чап қирғоғида, Нижний Новгород яқинидаги Макарьев монастырида уюштирилган ярмаркада қатнашишга муяссар бўлишди ҳамда савдогарлар факатгина Россия шаҳарларидангина эмас, Бухоро, Кавказорти, Хиндистон, Эрондан товар олиб келишларининг шохиди бўлишди, чунончи: қурол ва пистолетлар, мўйна ва кўн, шойи, ғилам, мушқу анбар ва қимматбаҳо тошлар, шағам ва асал, денгиз ортидан келтирилган шароб ва канд, балиқ ва икра...

«Биз Нижний Новгородда бир неча кун, — деб ёзди Женкинсон, — подшоҳ томонидан Астраханни бошқариш учун юборилган ҳоким ҳамда озиқ-овқат ва аслаҳа-анжомлар ортилган, бортида ўқчилари бўлган кемалар қарвони келгунча турдик». Қарвон уларнинг жонига ора кирди, йўлнинг давомини қарвон ҳамроҳлигида давом эттиришди.

Бундан атиги беш йилгина аввал рус кўшинлари томонидан ишғол қилинган Козонда ҳалиям уруш асоратлари билиниб турарди. Сайёҳлар учун мазкур шаҳар ўзининг шовқин-суронли бозорини олачипор кийимлари билан Осиёнинг бир бўлаги эди.

Астрахань ҳолиги Женкинсон экспедицияси бошланишидан атиги икки йил аввал Россия томонидан

забт этилганди. Женкинсоннинг таъкидлашича, рус подшоси шаҳарга алоҳида эътибор бериб, уни мустаҳкамлаш борасида қайғуриб, энг яхши мутахассису озик-овқат маҳсулотлари юбориб турган. Холбуки, бу ерда на ўрмону ўтлоқ бор эди, маҳаллий аҳолининг асосий емиши эса балиқ бўлган. «Савдо алоқалари, – деб таъкидлайди сайёҳ, – алоҳида гавжумлиги билан фарқ қилмайди, лекин барибир ҳам савдогарлар турли-туман жойлардан ўз молларини олиб келаверадилар, хусусан, Россиядан буғдой, Эрондан шойи...»

Астрахандан турли мамлакат савдогарлари тушган кема Каспий денгизининг шимолий қирғоқлари бўйлаб жануби-шарққа йўл олди. Деярли бир ой сузишгандан кейин, ниҳоят кема Манғишлоққа етиб келди. «1558 йилнинг 3 сентябрида биз юқларимизни кемадан туширдик ва ҳукмдор ҳамда унинг аъёнлари томонидан қабул қилиндик. Бу ердан жўнаб кетганимизгача улар бизни гоҳ буюмларимизни ўғирлаб, гоҳ от ва туяларнинг нархини ошириб, гоҳ озик-овқат маҳсулотларини икки-уч баробар қимматига сотиб ва ичимлик сувини сотиб олишга мажбур қилиб ранжитишарди». Умуман, бож, молларнинг нархини ошириш ёки совға-саломлар кўринишидаги йиғимлар деярли барча қарвонларга мажбурий эди.

Ўша даврда Каспийнинг ва Орол денгизининг шимолроғидаги жойлар ўз вақтида Олтин ўрданинг бир қисми бўлган Нўғой ўрдаси тасарруфида эди. XVI асрнинг ўрталарида Нўғой ўрдаси учта мустакил давлатга бўлиниб кетди. Шимолий Каспий ва Орол денгизи оралиғидаги майдонни Хоразм хонлиги эгаллаганди.

«16 октябрда Урганч деб номланган шаҳарга етиб келдик, бу ерда ўзимизга ҳамда от ва туяларимизга бож тўладик». Хоразмда инглизлар илк маротаба қовун ва тарвузларни кўрдилар, улар «катта бодринта ўхшаш, лекин сарик бўлиб худди қандай ширин эди». Сайёҳларни

The position was rescued by Aziz, saint person, according to Jenkinson, made pilgrimage to Mecca. He has convinced «pirates» that there is no «unfaithful» on the ship, and the ship was freed.

Sail lasted nearly, the month, and finally, ship has moored to Mangyshlak. «September 3, 1558 we have unloaded our ship and were accepted by the ruler and his people. And all the times before departure these people disturbed us, thieving our belongings, raising price on horses and camels, selling to us provisions on double price and compelling us to buy water, which we drank».

In that time the lands to north for the Kaspian sea and Aral were occupied by the Nogai horde, in due course part of Golden horde. Just in the middle of the sixteenth century Nogai horde disintegrated to the three independent holdings. On the all space between north Kaspian and Aral spread the holdings of the Khorezm khan.

«On October 16, we arrived to the city, which is identified as Urgench, where have paid the duty for us, for our horses and camels». Here, in Khorezm the Englishmen for the first time saw the outlandish fruits - melons and watermelons, which had «type of the big cucumber, but were yellow and sweet as sugar». This fruits local inhabitants ate after meat, instead of drink. The travelers were surprised when they saw an unacquainted plant «jugara», whose seeds grew «on top of the reed and were in the form of grapes».

Jenkinson describes Urgench as a city, located on the plain and surrounded with wall. There is a long street in the city, which is the place of trade. But because of regular wars trade relations in these places grew worse, and salesmen are rather poor. The main goods, which are sold in the city, came from Bukhara and Persia.

«Majority of the buildings in this city, - writes Jenkinson, - are built from the soil that is a reason of their fast destruction». Really, in these empty edge dwellings were from clay, or built from bad brick.

Jenkinson was accepted by the ruler of Khorezm Eshmukhammad Sultan, gave him a letter from Russian tsar and presented gifts. «It is necessary to say, - wrote the Englishman, - he has taken us much well, I ate the different food in his presence. And the following day he has once again sent for me and ask different questions about our country, about law. As a result, when I left him, he gave me a letter with safety warranty».

Among the all things, which has seen Jenkinson in the palace, was a manuscript of the history epos «Shakh-name», only recently, in 1556, richly illustrated by the order of Eshmukhammad Sultan by artist from Samarkand, Mukhammad Murad. Indescribable beauties of the miniature show scenes of battles and duels, conversations of the wise-men and tsarist acceptance, lovers» dates and competitions of the poets.

In spite of safe papers from the ruler of Khorezm, on the way from Khorezm to Bukhara Jenkinson was constantly disturbed by robbers. Here is what Jenkinson writes about lingered fight with local Robin Hoods somewhere in the desert under Urgench.

«On December 15, in the morning we saw horsemen, moving in our direction, and having expected that they were robbers, we prepared to fight. We were 40 persons. After the prayers, we have solved to fought not for life, but for death. When robbers approached, we saw that they were 40 persons and they were armed with darts and swords. They offered us to surrender, threatening with death, but we rejected their threat and began the fight, which lasted till the night and there were the killed and wounded from the both sides. In the morning we got the offer from the leader of the gang, commensurable own possibility, we decided to accept his conditions. We returned to the robbers one camel and a lot of different things, and they stopped the persecution. And we continued our way and the following night left for Amudarya».

Exactly after eight months after Jenkinson and his companions left Moscow, they were shown the high wall of the Bukhara. Noble Bukhara, what Muslims of the Orient named her, putting in these word feeling not only religious, but also aesthetic respect, caught the imagination of the English merchants.

«On December 23, we arrived to the city of Bukhara, former Bactria. The city was surrounded by the high wall with many gates. The majority of the houses in this big city were made from clay, but there were also other constructions and monuments built from stone and covered with decorations. This is an achievement of the architecture, having no analogue in the world, and whose construction required a long time», - wrote Jenkinson.

What have the Englishmen seen in Bukhara, when, finally, moved in her gates? Approximately such, as the historical part of the city looks presently. The travelers were marveled with the beauty of a mausoleum of Ismail Samani, struck by its proportion and harmonica. The laying from the fine figured bricks created the complex pattern, which was changed depending on day light. There were talks that the amount of the wall ornament on the wall of mausoleum corresponds to the number of hours a day. There were tales about fire people who lived here in the antique times and admired the figure of the mosques Magoki-Attori, built as far back as the 12th century on the place of the

Бухару. Благородная Бухара, как называли ее мусульмане Востока, вкладывая в эти слова чувства не только религиозной, но и эстетической почтительности, поразила воображение английских купцов.

«23 декабря мы прибыли в город Бухару, бывшую Бактрию. Город окружен высокой стеной со многими воротами. Большинство домов в этом большом городе сделаны из глины, но имеются и другие строения и памятники, сооруженные из камня и покрытые украшениями. Это достижения архитектуры, не имеющие равных в мире, строительство которых требовало длительного времени», — писал Дженкинсон.

Какой же увидели Бухару англичане, когда въехали, наконец, в ее ворота? Да примерно такой же, какой выглядит сейчас историческая часть города. Путешественники дивились красоте мавзолея Исмаила Самани, поражающего своей соразмерностью и гармонией. Кладка из тонких фигурных кирпичей создавала сложный узор, который менялся в зависимости от освещения в течение дня. Говорили, что количество орнаментов на стенах мавзолея соответствует числу часов в сутках. Слушали рассказы о живших здесь в древности огнепоклонниках и любовались узорной кладкой мечети Магоки — Аттори, построенной еще в XII веке на месте зороастрийского храма. Минарет соборной мечети Калая — самое приметное сооружение в городе. Этот сорокаметровый колодезь возвышается над прочими постройками, став олицетворением величия и спокойствия. Недалеко от Калая расположено одно из трех медресе, построенных Мирзо Улутбеком — внуком знаменитого правителя и полководца Амира Темура, покорившего полмира. 140 великолепных архитектурных памятников — мечети, медресе, караван-сарай, бани, ханаки, украшенные майоликовыми плитками, резьбой по ганчу, возвышающиеся среди плоских крыш жилых домов, сверкающие небесно — голубыми куполами с гнездами священных птиц-анисов, делали Бухару похожей на город из восточной сказки.

В середине XVI века Бухарой правил Абдуллахан из династии Шайбанидов. В городе шло бурное строительство. Сверкало новизной медресе Мирн-Араб, в котором более 200 учеников осваивали премудрости знаний. Недалеко от одного из девяти водоемов, снабжавших водой жителей города, — Лабн-хауза кипело строительство будущего медресе Кукельташ. Тут же на берегу Лабн-хауза, рядом с медресе Набир Диван-Беги, в котором остановился Дженкинсон со своими спутниками, стояла большая ханака. Путешественникам казалось удивительным, что центром архитектурного ансамбля был искусственный водоем, а не площадь или улица, как это принято в Европе.

В новых крытых купольных торговых рядах «Токи заргарон» и «Тельпак фурушон», построенных на перекрестках узких улиц, торговали ювелирными украшениями и головными уборами. Под куполами Тима Абдуллахана покупателям предлагали прекрасной выделки местные шелковые ткани. В тенистых помещениях «Токи саррафон» сидели менялы с весами для взвешивания золотых и серебряных монет. На городских базарах лавки представляли собой открытые живописный развал товаров, где мимо степенных торговцев с неизменными чечками в руках текла пестрая толпа горожан.

Из мастерских ремесленников-кулолов (гончаров) в лавки поступали сосуды и блюда, покрытые прозрачной глазурью, с синей кобальтовой росписью, изображавшей растения и фигуры животных, летящих и сидящих птиц среди тонко написанной листвы деревьев. В узорах этих сосудов было видно явное влияние китайского фарфора, который привозили купцы из Китая, и стояли эти изделия очень дорого.

Славилась бухарские базары золотошвейными халатами и головными уборами, шерстяными яркими коврами, цветными войлоками и кошмами. Целые ряды лавок торговали чеканной медной посудой — кумганами, чойдышами, блюдами, украшенными тончайшим орнаментом.

Цитадель Арк — древняя резиденция Бухарского хана — возвышалась на искусственном холме над городом, мощные стены крепости защищали ее обитателей от стенобитных орудий во время осады.

«26 марта у нас появилась возможность лично встретиться с правителем, — сообщает Дженкинсон. — Мы передали ему письмо от русского царя и подарки, которые он принял с благодарностью и устроил по этому случаю пир. Через несколько дней он снова послал за мной, и мы провели много часов, разговоривая о различных вещах, о Великих Тюрках, о нашей стране, о власти, о законах, о религии...».

Дженкинсон побывал и на ежегодной торговой ярмарке в Бухаре. Караваны привозили из Индии прекрасную белую ткань и парчу, пряности и специи, из Персии — шерстяные ткани, из России и других государств — овечьи шкуры, сосуды, кожи... К сожалению, не было в тот год караванов из Китая. Караванные тропы Великого шелкового пути лежали через Кашгар и Ташкент, где уже три года шла война.

Дженкинсон не решился подвергать себя и своих спутников новым опасностям и решил возвратиться домой. И в марте 1559 года большой караван Дженкинсона отправился в путь.

2 сентября 1559 года Энтони Дженкинсон благополучно прибыл в Москву, далее путь его лежал в Холмогоры, а оттуда морем — в Англию.

шунингдек, дони «камишнинг учуда ўсадиган, узум бошларига ўхшаб кетадиган» «жўхори» хайратта солди.

Женкинсон Урганч шаҳри текисликда жойлашган ва деворлар билан ўраб олинганлигини тасвирлайди. Шаҳарда савдо-сотик қилинадиган узун кўча борлигини ёзади. Лекин тез-тез бўлиб турадиган урушлар туфайли савдо алоқалари анча ёмонлашган, шу боис савдогарларнинг моллари кам. Шаҳарда сотиладиган моллар асосан Бухоро ва Эрондан келтирилган.

«Шаҳардаги кўпгина бинолар, — деб ёзади Женкинсон, — пахсадан қурилган, бу эса уларнинг тезда емирилишига сабаб бўлади». Ҳақиқатанам, бу ўрмонсиз ўлкаларда тураржойлар пахса ёки хом ғиштдан қурилган.

Женкинсон Хоразм подшоҳи Эшмуҳаммад султон томонидан қабул қилинади, шунда у ҳукмдорга рус подшосининг мактуби ҳамда совғаларини топширди. «Шуни таъкидлаш жоизки, — деб ёзади инглиз сайёҳи, — у бизни жуда яхши қабул қилиб, шоҳона зиёфат қилди. Эртасига у яна мени ўз ҳузурига таклиф қилиб, мамлакатимиз ва қонунларимиз ҳақида сўраб-суриштирди. Сухбат охирида эса, у менга хавфсизликни қафолатловчи хат тақдим қилди».

Шоҳ саройида Женкинсонга намоён қилишган ажойиботлардан бири, яқиндагина, яъни 1556 йили Эшмуҳаммад султон буйруғи билан Самарқанддан таклиф қилинган мусаввир Муҳаммад Мурод томонидан ниҳоятда нафис безатилган «Шоҳнома» эпосининг қўлёзмаси эди. Ғўзалликнинг ажиб тимсоли бўлган миниатюралар муҳораба жангу жадаллари, донолар сухбатно шоҳона қабуллар, севишганлар висолино шоирлар мушоирасини акс эттирган. Мусаввир, шунингдек, яқиндагина Хоразмда темирчи Кова бошчилигида кўтарилган ва шафқатсизларча қонга ботирилган кўзғолонни ҳам тасвирлаганди.

Хоразм ҳукмдорининг муҳофазаловчи хати бўлишига қарамай, Хоразмдан Бухорога йўл олган Женкинсоннинг экспедициясини қароқчилар тинмай безовта қилишарди. Сахро султонлари бўлмиш ушбу қароқчилар худди қум бўронлари каби бебошвоқ бўлиб, қутилмаганда бостириб келишар ва шу тахлит ғойиб бўлишарди.

Ниҳоят, йўл машаққатларини енгиб, Женкинсон ҳамроҳлари билан Москвани тарк этганларидан роппароса саккиз ой ўтгач, кўз олдидарида Бухоронинг улғувор деворлари намоён бўлди. Шарқ мусулмонлари Муруватли деб атайдиган, зеро бу сўзларга нафақат диний, балки эстетик эҳтиром ҳисси йўғрилган Бухоро инглиз савдогарларининг тасаввурларини лол қолдирди.

«23 декабрда Бухорога, собиқ Бактрияга етиб келдик. Шаҳар кўплаб дарвозали баланд девор билан ўралган. Мазкур катта шаҳардаги кўпгина уйлар пахсадан қурилган, лекин тошдан қурилган ва ниҳоятда ҳашамдор безатилган иншоот ва ёдгорликлар ҳам бор. Бу дунёда тенги йўқ меъморий дурдоналар бўлиб, уларнинг қурилиши жуда узок муддатни талаб қилган», — деб ёзганди Женкинсон.

Сайёҳлар ўзининг мутаносиблиги ҳамда уйғунлиги билан лол қолдирувчи Исмоил Сомоний мақбарасининг ғўзаллигига хайратланишарди: ёруғликка боғлиқ ҳолда ўзгариб турадиган юпка, шаклли ғиштдан ҳосил қилинган мураккаб нақш; мақбара деворидаги нақшлар сони бир кеча-кундуздаги соатлар сонига мос келиши ва ҳоказо. Қадимда бу ерда истикомат қилган оташпарастлар ҳақидаги эртақларни тинглаб, XII асрда оташпарастлар ибодатхонаси ўрнида қад кўтарган Мағоки Атторий масжидининг нақшларини томоша қилишди. Шаҳарнинг энг кўзга кўринган иншоотларидан бири, қирқ метрли Қалон жомеъ масжидининг минораси улғуворлик ҳамда осойишталик рамзи сифатида қад ростлаб турибди. Қалон минораси яқинида Мирзо Улуғбек томонидан қурдирилган учта мадрасадан бири жойлашган. 140 та ҳашаматли

меъморий ёдгорликлар, яъни сирланган кошин билан безатилган, ганчкор нақшланган, муқаддас саналмиш лайлаклар ин кўйган хаворанг гумбазли масжид, мадраса, карвонсарой, ҳаммом, хонақоҳлар Бухорони шарқона эртақлар шаҳрига менгзатарди.

XVI асрнинг ўрталарида, яъни Бухорода Шайбонийзода Абдуллахон подшоҳлик қилган вақтда шаҳарда қурилишлар авж олганди. Янгигина қурилган Мир Араб мадрасасида 200 дан зиёд толиби илмлар сабоқ олишарди. Шаҳар аҳолисини ичимлик суви билан таъминловчи тўққизта ҳовузлардан бири бўлмиш Лаби Ҳовуз яқинида Кўкалдош мадрасасининг қурилиши кизгин давом этарди. Лаби Ҳовуз қирғонда Женкинсон ҳамроҳлари билан кўноқ бўлган Нодир Девонбеги мадрасаси ёнида каттақон хонақоҳ қад ростлаганди. Сайёҳларни меъморий мажмуа маркази ҳовуз бўлганлиги ҳайратга соларди, чунки Европада одатда бу вазифани майдон ёки кўча бажарарди-да.

Тор кўчалар чорраҳасида қурилган «Тоқи заргарон» ва «Телпак фурушон» тимларида заргарлик буюмлари ва бош кийимлари билан савдо қилишарди. Абдуллахон тимиди эса харидорларга аъло сифатли маҳаллий шойи газламалар таклиф қилишарди. «Тоқи саррафон»нинг соя-салкин хоналарида саррофлар олтин умуш тангаларни тортиш учун махсус тарозилари билан савлат тўкиб ўтиришарди.

Ҳунарманд кулолларнинг устахонларидан хаворанг кобальт нақшли, шаффоф сирланган ўсимлик ва ҳайвон шакллари тасвирловчи, ниҳоятда нозик ишланган дарахт барглари орасида кўниб турган ва учиб кетаётган қушларнинг тасвири туширилган идиш ва лаганлар сотиларди. Ушбу идишлардаги безакларда савдогарлар Чин (Хитой)дан келтирадиган ва ниҳоятда қимматбаҳо чинни идишларнинг таъсири шундоққина сезилиб турарди.

Бухоро бозорлари ўзининг зардўзи чопон ва бош кийимлари, жундан тўқилган сержилва гиламлари, гулдор намат ва кигизлари билан донг таратганди. Расталарда ниҳоятда нозик нақшлар чекилган мис идишлар – қумғон, чойдиш, косалар билан савдо қилинарди.

Арқ қалъаси – Бухоро амирининг қадимий резиденцияси шаҳар устидаги тепаликда савлат тўкиб турарди. Унда истикомат қилувчиларни қалъанинг қалин деворлари ташқаридан ҳужум вақтида девортешар қуроқлар хуружидан ҳимоя қилади.

«26 мартда ҳукмдор билан шахсан танишиш имкони туғилди, – деб ёзади Женкинсон. – Биз унга рус подшоҳининг мактубини ва совғаларимизни топширдик, подшоҳ совғаларни мамнуният билан қабул қилди ва шу муносабат билан зиёфат уюштирди. Бир неча кун ўтгандан сўнг у мени ҳузурига чақиртирди ва биз турли-туман нарсалар, яъни Буёқ Турклар, мамлакатимиз, давлат бошқаруви, қонулар, дин ҳақида бир неча соат суҳбатлашдик...»

Женкинсон Бухорода ҳар йили бўладиган савдо ярмаркасини бориб кўрди. Карвонлар Ҳиндистондан оқ мато ва парча, мушқу анбар ва зираворлар, Форс (Персия)дан жун газламалар, Россия ва бошқа давлатлардан мўйна, идиш-товоқлар, тери олиб келишарди. Афсуски, ўша йили Хитойдан карвон келмаганди. Буёқ Ипак йўлининг карвон сўқмоқлари Кошғар ва Тошкент орқали ўтарди, лекин у ерда уч йилдан бери уруш давом этарди.

Женкинсон ҳамроҳларини яна хавф-хатарга қўйишни истамай, уйга қайтишга қарор қилди. Шу тахлит 1559 йил мартда Женкинсоннинг катта карвони йўлга тушди.

1559 йил 2 сентябрда Энтони Женкинсон эсон-омон Москвага етиб келди, ундан у ёнига Холмагор, сўнг денгиз орқали Англия йўли ётарди.

Zoroastrizm's temple. The minaret of the cathedral mosque Kalyan is the most perceptible building in the city. This forty-seven-meter colossus towers over other buildings and became personification of the greatness and tranquillities. Not far from Kalyan is located one of the three medrese built by Mirzo Ulugbek – a grandson of the famous ruler and military leader Amir Temur who conquered half of the world. 140 splendid architectural monuments – mosques, medrese, caravan-shed, bank, hanaks, decorated with majolica bars, ganch-carving, towering among the flat roofs of houses, sparkling celestial-blue dome with jack of the holy birds-stork, made Bukhara look like the city from the oriental fairy tale.

In the middle of the 16th century Bukhara was ruled by Abdullakhan from the dynasty of the Sheibonids. The tempestuous construction went in the city. Sparkled with novelty the medrese of Miri-Arab, in which more than 200 pupils founded wisdoms of knowledge. Construction of the future medrese Kukeltash was in process near the one of the nine riverbanks that supplied the city inhabitants with water Labi-hauz. Here ashore Labi-hauz, near medrese Nadir Divan-Beghi, where Jenkinson stayed with his companions, stood a big hanaka. The travelers were amazed that the center of the architectural ensemble was an artificial river, rather than area or street, as was accepted in Europe.

In a new roofed dome-shaped trade rows «Toki zargaron» and «Telipak furushon», built on the crossroad of the narrow streets, people traded the jewelry decorations and headdresses. Beautiful quality local silk fabrics offered under the dome of Tim Abdullahan to the buyers. In the shadow premises «Toki sarrafon» sat the moneychangers with weight for gold and silver coins. On the town market the commissaries presented itself open picturesque decay goods, where through sedate merchant with true rosary beads in hand run making colorful crowd of the townsfolk. Towered over heads of the passer-by surrounded with servants and warriors outstanding riders in rich, embroidered golden robe; in stretcher-palakins, decorated with colour silk and carpets, strong porters carefully carried covered from immodest looks wives of the rich townsfolk; rang the campanula dervishes - a peripatetic monks; through drafts crowd slowly moved small burro harness to the vehicle with enormous wheels – an arabas, carried goods.

From workshops of the handicraftsman-kulols (potters) to commissaries came containers and sources, covered with transparent glaze, with blue cobalt painting, expressed plants and animal figures, flying and sitting birds among finely written foliage tree. In pattern of these containers one can see evident influence of the Chinese porcelain, brought by merchants from Chin, and these products cost a lot of money.

Bukhara's markets were famous for their gold sewing robes and headdresses, woolly bright carpets, colour felts. Whole counters of commissaries traded with the engraving copper dishes - kumgan, choydinash, dish, decorated with the most fine ornament.

The citadel Arch – ancient residence of the Bukhara khan, towered on an artificial hill on the city. Strong walls of the fortresses protected her inhabitants from the wall-crushing weapons during the siege.

«On March 26, we had a possibility to personally meet with the ruler, - reports Jenkinson. – We sent him a letter from the Russian tsar and gifts, which he took with thanks and made a feast on this matter. After some days he once again sent for me, and we have conducted many hours, talking about different things, about the Great Turks, about our country, about the authorities, about law, about religion...».

Jenkinson visited an annual trade fair in Bukhara. The caravans brought from India beautiful white fabrics and brocade, spices, from Persia – woolly fabrics, from Russia and the other states – vessels, leather, ram leatehr and others. Regrettably, that year there was no caravan from China, Caravan tropes of the Great Silk Road lay through Kashgar and Tashkent, where the war went for more than three years.

Jenkinson did not dare to put himself and his companions to danger again and decided to go back home. And in March 1559, Jenkinson's caravan hit the road home.

The camel elite with him thousand went,
And was not a cargo rich numbers.
One hundred redhead camels with dihrems went,
And forty camels dinars carried...
With bags, where musk and the best scarlet,
With silk, which is splendid . -
Their Chin delivers, and Misr, and Iran -
Went in thirty camels else caravan.

These lines Firdousi wrote not about Jenkinson. But in them - an unhurried walk of all trade caravans, passed through ancient Silk Road.

On September 2, 1559 Anthony Jenkinson successfully reached Moscow, and then his way lay to Kholmogor, and from there, by the sea to England.

КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ О СОГДИЙЦАХ

Среди китайские источников нет специальных работ, посвященных согдийцам. Информация о них встречается в разбросанном виде в работах по истории династий и в трудах китайских путешественников. Как известно, эти источники написаны на древнекитайском языке и имеют очень большой объем, поэтому в них сложно найти и перевести информацию о согдийцах. Впервые о согдийцах упоминается в источнике об истории династии Последнего Хана или Восточного Хана («Хоу Хан Шу», 8–22 гг. н.э.), но данные о них встречаются в работе под названием «История династии Вэй» («Вэй Шу»), в 102-главе.

Как известно «Хоу Хан Шу» был написан Симоу Бяо (? – 308 г. н.э.) в конце II в. – начале III в. н.э. «Вэй Шу» был написан в первой половине VI в. н.э. В середине века в Китае появились произведения, посвященные некоторым историческим вопросам и написанные новым стилем. В данных источниках термин «согдиец» (согд) написан такими разными иероглифами, как «сутэ», «суйи», «тэшюймэн».

В ранних источниках о согдийцах написано следующее: «Государство Сюйе подчиняется Кангжюю (Кангкия). Здесь земля (почва) и вода очень хорошая, поэтому вино, полученное из местных сортов винограда, пользуется большим спросом». Эта информация встречается и в истории династии Вэй.

В китайских источниках указано, что согдийцы жили в западной части Памира, но в древности они жили в северо-западной части государства Кангкия, тогда их государство называлось Янчай, Вэннаша.

Если учесть, что в III–I вв. до нашей эры Кангкия (Кангжюй) находилась на территории нынешней северо-восточной части Узбекистана, северо-западной части Киргизии и между озером Балхаш Казахстана и Каспийским морем, то получается, что согдийцы жили в северо-западной части сегодняшнего Казахстана.

Если обратить внимание на информацию о Янчайском государстве, приведенной в истории династии Хан, то становится ясно, что это государство в далекой древности было расположено на севере Каспийского моря, позже стало называться государством Алани. Некоторые китайские ученые Янчай называют государством Аурсу.

В последние годы в исследованиях, проводимых китайскими учеными, высказана мысль о том, что согдийцы являются потомками саков. Считается, что согдийцы с севера переселились на юг.

Есть информация о том, что в историях последующих династий Хан и Вэй согдийское государство подчинялось Кангкэйскому государству. Эта информация отмечена в истории династии Вэй.

В произведении «Тунцзян», написанном в 766–801 гг., упоминается о том, что «Согдийское государство является крупным государством, расположенным на западе Памира. В его подчинении находится более 400 мелких городов-государств. Во времена Тайбуди (408–452 гг. н.э.) это государство направляло послов».

В истории династии Чжоу говорится: «Баодин («Император») в 4 год своего правления (504 г.) отправил послов с подарками к Согдийскому императору Чаань». Как видно из этих источников, в период с V в. до середины – последней четверти VI в. нашей эры Согдийское государство в качестве крупного государства поддерживало отношения с Китаем.

Как свидетельствуют китайские источники, согдийцы играли важную роль в торговых отношениях на восточной части Великого Шелкового пути.

В 102 главе истории династии Вэй отмечено, что «Торговцы Согдийского государства раньше часто вели торговлю на земле Лянг. В Гуанге их можно было встретить в большом количестве». (Лянг и Гуанг – это сегодняшний город Увэй, в древности они были крупными торговыми центрами в коридоре Хэси).

В китайских источниках часто говорится о согдийцах, которые приехали в Китай, остались там жить. Но по пути в столицу древнего Китая Чаньан (Сиан) обязательно нужно было пройти через коридор Хэси, расположенный в крае Гансу, который превратился в очень удобное место для торговли. Поэтому такие места, как Шачжоу (Дунхуан) и Гусанг (Лянчжоу, Увэй) считались провинциями, где находится много согдийских кушумов.

В IV в. н.э. значительно увеличивается количество согдийцев, живущих в коридоре Хэси и в то же время из-за междоусобных войн торговле был нанесен большой урон. Правитель коридора Хэси даже в таком опасном положении уделял большое внимание торговле, старался создать удобные и льготные условия для согдийцев. В результате этого согдийские купцы считали это место удобным для проживания и ведения торговли, старались активно продавать свой товар, привезенный из стран Центральной и Западной Азии, в другие провинции Китая. Через некоторое время в ряде городов Центрального Китая были организованы согдийские махаллы.

Как отмечено в «Новой истории династии Танг» («Син Тангшу») в главе «Западные страны», после распада Согдийского государства на его территории появилось несколько мелких ханств. В то же время увеличилось число людей, которые, приехав в коридор Хэси, остались там и занимались торговлей. В этом источнике говорится следующее: «согдийцы способны заниматься торговлей, их мужчины после 20 лет начинают зарабатывать на жизнь в чужих странах».

Ряд китайских ученых, таких как Ванг Чжэнтянь, Гуан Лянжи, Ли Минпэй, Чэн Айчжу, Джиш Юэ высоко оценили роль согдийцев в развитии торговых и культурных связей через Великий Шелковый путь: «Согдийцы внесли огромную лепту в развитие отношений, которые в течение 1500

ХИТОЙ МАНБАЛАРИ СУҒДЛАР ҲАКИДА

Абдулаҳад ХҲЖАЕВ

Хитой манбалари орасида суғдийларга оид махсус асар йўқ. Улар ҳақидаги маълумотлар сулолалар тарихи ва хитой сайёҳлари асарларида сочилган ҳолда учрайди. Маълумки, ушбу манбалар қадимги хитой тилида ёзилганиги ва ҳажми катталиги учун, улардан суғдийларга оид маълумотларни топиш ва таржима қилиш жуда мураккаб.

Суғдийлар ҳақида илк бор Кейинги Хан ёки Шарқий Хан сулоласи (Хоу Хан Шу – милодий 8–220) тарихида эслатилади, аммо мавзуга оид махсус хабарлар Вэй сулоласи тарихи (Вэй Шу) номли асарнинг 102-бобида учрайди.

Маълумки, Хоу Хан Шу Сима Бяо (милодий ?–308) томонидан милодий II асрнинг охири – III аср бошларида битилган, Вэй Шу эса милодий VI асрнинг биринчи ярмида ёзилган. Ўрта асрларда Хитойда айрим тарихий масалаларга бағишланган ва аввалги аъёнлардан фарқли ўларок, янги услуб билан ёзилган асарлар юзага келган. «Тунгши» (Умумий тарих), «Зижи тунгжян» (Хукмдорлар фаолиятига ёрдам берувчи кўзгу), «Тунжян жиши бэнмо» (Хукмдорлар фаолиятига ёрдам берувчи муҳим тарихий воқеалар баёни) каби асарлар ана шулар жумласидандир. Мазкур манбаларда суғд атамаси «сутэ», «суйи», «тэшюймэн» каби ҳар хил иероглифлар билан ёзилган.

Суғдийларга оид илк бор учрайдиган маълумотда: «Суйе (Сивек-йек) давлати Кангжюй (Кангкия)нинг итотидаги давлатдир. Бу замнинг ер, суви яхши бўлганлиги сабабдан маҳаллий узумдан қилинган шаробнинг обрўси баланд», деб ёзилган. Ушбу маълумот Вэй сулоласи тарихида ҳам қайд этилади.

Хитой манбаларида суғдийлар Помирнинг ғарбий томонида яшаган, аммо улар қадимда Кангкия давлатининг ғарби-шимолида истиқомат қилишган, шунда уларнинг давлати Янчай, Вэннаша деб номланган, деб кўрсатилган.

Агар милотдан олдинги III–I асрларда Кангкия (Кангжюй) давлатининг ўрни Ўзбекистоннинг шарқи-шимолий, Қирғизistonнинг ғарби-шимолий қисмида ва Қозоғистоннинг Балхаш кўли билан Каспий денгизи оралиғидаги ҳудудда жойлашганлигини инобатга олинса, демак, суғдийлар ҳозирги Қозоғистоннинг ғарби-шимолида яшаган бўлиб чиқди.

Хитой манбаларида, жумладан, Хан сулоласи тарихида келтирилдиган Янчай давлатига оид маълумотларга эътибор берсак, ушбу давлат қадим замонда Каспий денгизининг шимолида жойлашган бўлиб, у кейинчалик Алани давлати деб аталганлиги маълум бўлади. Айрим Хитой олимлари Янчай давлатини Аурсу давлати деб аташмоқда.

Мазмунан олиб қараганда, Хан Шу милотдан аввалги II асрдан милодий III асрнинг 20-йилларигача мавжуд бўлган Ғарбий Хан (206 милодий – милодий 386–550) ва Шарқий Хан (милодий 8–220) номли икки Хан империяси тарихига бағишланган бўлса, Вэй Шу милодий IV–VI асрнинг мавжуд бўлган Шимолий Вэй (Бэй, Вэй, 386–534) ва Шарқий Вэй (Дунг Вэй, 537–550) хонликлари тарихларини қамраб олган асардир. Ундан кейинги даврларда битилган сулолалар тарихида Вэй Шудаги маълумотлар қайд этилиши билан бирга, кейинги даврдаги суғдийларга оид хабарлар ҳам келтирилади.

Вэй сулоласи тарихида зикр этилишича, Янчай давлати хунлар томонидан бўйсундирилган ва унинг подшоиси ўлдирилган. Ушбу воқеалар эҳтимол суғдларни Каспий денгизи шимолидаги жойлардан ҳозирги Ўзбекистон ҳудудига кўчиб келишга мажбур қилгандир.

Сўнги йилларда Хитой олимлари томонидан амалга оширилган тадқиқотларда суғдийлар сақлардан келиб чиққан, деган фикр олға сурилади. Унда суғдлар шимолдан жанубга бориб қолган ҳисобланади.

Кейинги Хан сулоласи ва Вэй сулоласи тарихларида Суғд давлати Кангхия давлатига тобе бўлганлиги зикр этилганлиги ҳақида эътиборга сазовор маълумот мавжуд. Ушбу маълумот Вэй сулоласи тарихида ҳам қайд этилади.

766–801 йилларда ёзилган «Тундя» номли асарда Суғд давлати «Помирнинг ғарбидаги йирик давлат... Унинг қармоғида 400 дан ортик майда шаҳар давлатлар мавжуд, Тайъуди даврида (милодий 408–452) элчи юборган», деб зикр этилган.

Чжоу сулоласи тарихида ёзилишича, «Баодин (хоқоннинг) 4-йили (564) Суғд хоқони Чаанга совғалар билан элчи юборган». Ушбу маълумотлардан кўриниб турибдики, милодий V асрдан VI асрнинг ўрталари сўнгги чорагигача бўлган даврда Суғд давлати йирик давлат сифатида Хитой билан алоқа қилиб турган.

Хитой манбаларининг гувоҳлик қилишига кўра, суғдийлар Буюк Ипак йўлининг шарқий бўлағидаги савдо алоқаларида ҳам муҳим роль ўйнаган. Бинобарин, Вэй сулоласи тарихининг 102-бобида «Суғд давлати савдогарлари илгари кўпроқ Лянг замнига келиб тижорат қилар эди», Гузанга (Лянг ва Гузанг ҳозирги Увэй шаҳри бўлиб, улар қадимда Хэси коридоридаги йирик савдо марказлари бўлган) уларни кўплаб учратиш мумкин эди», деб ёзилган.

Хитой манбаларида Буюк Ипак йўли орқали ҳар хил сабаблар билан Хитойга бориб яшаб қолган суғдийлар ҳақида нисбатан кўпроқ маълумотлар келтирилади. Қадимий Хитой пойтахти Чанъанга (Сианга) боришда албатта Гансу ўлкасида жойлашган Хэси коридоридан ўтиларди. Хун империяси емирилгунча бу жой хунлар назоратида бўлган. Қадим замонда ушбу коридорни босиб ўтиш учун от, туя ва эшакларга миниб кунига 40-50 километр атрофида йўл юрилганда, камида бир ойма яқин вақт керак бўлган. Бу ерда яшаган халқлар асосан савдогарчилик билан шуғулланишган. Қолаверса, савдодан келган даромад ҳаммавақт ҳукмдорларга керак бўлганлиги туфайли, улар уруш даврида ҳам мазкур вилоятнинг тинчлигини таъминлашга ҳаракат қилишган. Натижада Хэси коридори тижорат учун нисбатан қулай жойга айланган. Шунинг учун Шачжоу (Дунхуанг) ва Гусанг (Лянчжоу, Увэй) каби жойлар суғд савдогарларининг нисбатан кўпроқ тўпланадиган вилоятлари ҳисобланган.

Айниқса, милодий IV асрда Хэси коридорида яшовчи суғдийларнинг сони кўпаяди. Бинобарин, аини замонда, Хитойда ўзаро уруш бўлаётганлиги туфайли савдо ишларига катта путур етган. Хэси коридори ҳукмдори ана шундай қалтис вазиятда ҳам савдо ишларига катта эътибор бериб, суғдийларга қулай ва имтиёзли шароитлар яратишга ҳаракат қиларди. Натижада, суғд савдогарлари бу ерда яшашни маъқул топиб, Марказий ва Ғарбий Осиё мамлакатларидан олиб келинган молларини Хитойнинг бошқа ўлкаларига тарқатишда фаол ҳаракат қилишарди. Орадан кўп ўтмай Марказий Хитойнинг бир қатор шаҳарларида ҳам суғдий маҳаллалар ташкил топган.

«Танг сулоласининг янги тарихи» (Син Тангшу)нинг «Ғарбий мамлакатлар» номли бобида зикр этилишича, Суғд давлати емирилгандан кейин унинг таъсири остидаги ҳудудда бир қанча майда хонлиқлар ташкил топган. Ана шу даврда Хэси коридорига келиб жойлашиб тижорат билан шуғулланганлар сони кўпайган. Мазкур манбада суғдийлар «савдо ишларига қобил келади, эркаклари 20 ёшга тўлган захоти ўзга мамлакатларга бориб ўз рискларини теришга ҳаракат қиладилар», деб кўрсатилади.

Ванг Чжэнъя, Гуан Лянжи, Ли Мингвэй, Чэн Айчжу ва Жин Юэ каби бир гуруҳ Хитой олимлари суғдийларнинг Буюк Ипак йўли орқали бўлган савдо ва маданий алоқаларда катта роль ўйнаганлигига катта баҳо беришган: «Суғдийлар милоддан аввалги V асрлардан бошлаб то милодий X асргача бўлган тахминан 1500 минг йиллик давр давомида Ипак йўли орқали

THE CHINESE SOURCES ABOUT THE SOGD PEOPLE

The Chinese sources do not have special works devoted to the Sogd people. Information on them can be found in scattered kind in works on history of dynasties and in works of the Chinese travelers. As it is known, these sources are written in ancient Chinese language and have great volume, therefore it is difficult to find and translate the information about the Sogd people from them. The Sogd people are mentioned for the first time in the source on the Last Khan, or East Khan, dynasty history (Hou Khan Shu 8-22 AD), but the data on them is in the work named «the history of the Vej dynasty» (Vej Shu), in chapter 102.

As known, «Hou Khan Shu» was written by Simo Biao (? – 308 AD) at the end of the 2nd – beginning of the 3rd century AD. «Vej Shu» was written in the first half of the 6th century AD. In the middle of the century, the products devoted to some historical questions and written by new style appeared in China. Such products as Tungshi (general history), Zizhi Tungzhjan (Mirrors assisting to activity of governors), Tungzhjan Zhishi Benmo (description of the important historical events assisting to activity of governors) are among them. In these sources the term «a Sogd person» (Sogd) is written by such different hieroglyphs as «sughe», «sui», «tetsujmen».

Early sources write about the Sogd people the following: «the State Suije submits to Kangzhjui (Kangkie). Here the ground (soil) and water are very good therefore the wine produced from local sorts of grapes is in great demand». This information is also present in the history of the dynasty Vej.

The Chinese sources specify that the Sogd people lived in the western part of Pamir, but in olden times they lived in the west-northern part of the state Kangkija, at that time their state was called Jantsaj, Vennasha.

If one takes into account that in the 3rd-1st centuries B.C. Kangkija (Kangzhjui) was located in the territory of present northeast part of Uzbekistan, in northwest part of Kirghizia, and between the lake Balkhash in Kazakhstan and the Caspian Sea, then it turns out that the Sogd people lived in northwest part of present Kazakhstan.

If one pays attention to the information on the Jantsaj state presented in the history of the dynasty Khan, it becomes clear that this state in far antiquity was located in the north of the Caspian Sea, and later referred to as the Alani state. Some Chinese scientists name Jantsaj as the Aursu state.

Last years in researches conducted by the Chinese scientists, an idea that the Sogd people were descendants of the Sak people was stated. It is considered, that the Sogd people moved from the north to the south.

There is some information that in the histories of the subsequent dynasties of Khan and Vej the Sogd state submitted to the Kangki state. This information is marked in the history of the dynasty Vej.

In the work «Tundjan» written in 766-801 it is mentioned that the Sogd state is the large state located in the West of Pamir. In its submission there are more than 400 small cities-states. In days of Tajudi (408-452 AD) this state sent its ambassadors to other countries.

As it is written in the history of the dynasty Chzhou «Baodin (emperor) over 4 years of his reign (504) had sent ambassadors with gifts to the Sogd emperor Chaan». Apparently from these sources, during the period from the 5th century up to the middle – last quarter of the 6th century of our era the Sogd state as a large state supported relations with China.

As the Chinese sources testify, the Sogd people played the big role in trade relations on eastern side of the Great Silk Road.

The chapter 102 of the history of the dynasty Vej marked that «Dealers of the Sogd state earlier frequently did business on the land Ljang. It was possible to meet them in plenty in Guzang». (Ljang and Guzang are today city of Uvej, in antiquity they were large shopping centers in corridor Hesi).

The Chinese sources frequently tell about the Sogd people who arrived to China and remained there to live. On the way to the capital of ancient China Chanan (Sian) one should pass through the corridor Hesi located in land Gans. Before disintegration of the Hun Empire these places were under control of the Huns. In olden times it took minimum 1 month to cross this corridor on horses, camels and donkeys, covering 40-50 km a day. People, inhabiting these places, were engaged in trade. Incomes from trade are always necessary for governors, therefore they tried even during wartime to provide stability of this province. As a result, the corridor Hesi turned to be very convenient place for trade. Therefore such places as Shachzhou (Dunhuang) and Gusan (Ljanchzhou, Uvej) were considered as provinces with many Sogd merchants.

In the 4th century AD the quantity of the Sogd people living in the corridor Hesi. The Sogd merchants counted this place convenient for residing and conducting the trade, and tried to actively sell the goods brought from the countries of the central and Western Asia to other provinces of China. Some time later in a number of cities of the Central China the Sogd makhallyas were organized.

As it is marked in «the Modern history of the dynasty Tang» (Sin Tangshu) in the chapter «Western countries», several small khanates appeared in the territory of the Sogd state after its disintegration. At the same time the number of people who arrived to the corridor Hesi, remained there and engaged in trade increased. This source tells the following: «the Sogd people are capable of trading, their men after the age of 20 start earning for life in other countries».

A number of the Chinese scientists, such as Vang Chzhengja, Guan Ljanzhi, Lee Mingvej, Chang Ajchzu, and Gin Jue have highly estimated the role of the Sogd people in development of trading and cultural communications through the

лет – с V в. до н.э. до X в. н.э. осуществлялись через Великий Шелковый путь».

Особенно много согдийцев жило в провинции Дунхуанг. В результате археологических раскопок, которые в последние годы велись в данной провинции, было найдено много вещественных доказательств: это документы, написанные на согдийском языке, тетради с записями по торговым делам, другие экспонаты того времени. Например, в специальной тетради под номером P 3559, найденной в провинции Дунхуанг, можно встретить следующие слова: «В провинции Дунхуанг есть 13 деревень, одна из них называется Сунгхуа. Среди её жителей очень много хуров. Там живут: Цао Сюэсюо Цао Тулич Жи из государства Цао (Фергана), Канг Фу из государства Канг (Самарканд), Ан Хаози, Ан Жяша из государства Ан (Бухара), Ши Лилудан, Ши Мопу из государства Ши (Шаш, Ташкент), Ми Фучжэнтян, Ми Юйван из государства Ми (маленькое ханство в составе государства Самарканд, на юге реки Зерафшан)».

В другом документе под номером P 3929 отмечено, что согдийцы, живущие в Дунхуанге, поклонялись огню и у них есть храм. Еще указано, что размер двора храма согдийцев в ширину составляет 100 шагов. Как пишет китайский историк Ли Минвэй, больше всего согдийцев жило в деревне Сунгхуа и городе Анч Энг провинции Дунхуанг. Как пишет Лю Иншэнган, в первой половине IV в. количество живущих «хушангов» (хурских торговцев) в Дунхуанге составляло больше 100 человек. Во времена династий Вэй (220–265 гг.) и Джин (317–420 гг.) согдийцев стало больше в городе Увэй (Лянцжоу), находящемся на Шелковом пути.

Династия Вэй предоставила согдийцам большие льготы. Поэтому быстро увеличивается количество согдийцев, переселившихся в Китай.

Об этом свидетельствует то, что в последние годы в провинции Дунхуанг найдены предметы, в том числе посуда из серебра и золота, относящиеся к согдийской культуре времен династии Северного Вэй.

В Китае согдийцы занимались не только торговлей, но и административными и военными делами. Говорится, что среди них было 20 самаркандцев, таких как Хучжифу, Кангжи.

Во времена правления династии Северного Вэй столицей государства был город Лоянг. Поэтому многие переселенцы из Центральной и Южной Азии размещались в этом городе, в том числе согдийские торговцы. В результате в Лоянге также строились храмы зарождающихся религий.

В городе Лоянге была найдена могила крупного чиновника из Самарканды, когда могилу вскрыли, стало известно, что его звали Канг, т.е. Мозяк из Самарканды. Он был удостоен большой награды за героизм, проявленный в военных делах. Его отец Фада был командующим конной армией. В этом городе была найдена ещё одна могила 647 года. Было уточнено, что имя погребённого – Канг Даунг.

Надо отметить, что записи на надгробных камнях дают точную информацию о погребённых – кто он, из какого края приехал, когда умер. Из этих записей стало известно, что по традициям того времени китайское название города, откуда приехал усопший, пишется перед его именем.

По некоторым данным из китайских источников, столица древнего Китая Чангъан (Слан) тоже считалась городом, где проживает много согдийцев. Многие из них были крупными торговцами. В Чангъане было несколько базаров и обычно согдийцы жили ближе к базарам, поэтому в разных местах города были храмы зарождающихся религий.

Во времена династии Танг численность населения Чангъана составляла 1 млн. человек, из них около 20 тысяч были иностранцами, среди них – много согдийцев, к сожалению, в источниках нет информации о точном количестве.

Как указано в истории династии Суй («Суй Шу») в 83 главе, торговцев 9 городов, расположенных на территории нынешнего Узбекистана, называли «Чжаоу Юэ Шин Ху» (Хуры с 9 именами или странами), иногда сокращённо – «Чжаоу Ху». В числе этих 9 стран такие государства, как Канг (Самарканд), Ан (Бухара), Тсао (город Кабулан, Хебуд, расположенный на северо-западе Самарканды), Шн (Ташкент), Ми (город Маймарх, расположенный на юге реки Зерафшан близ Самарканды), Хэ (город Кашона, расположенный между Самаркандом и Бухарой), Хуошюн (Хорезм), Фади (город Бетик, расположенный на юго-западе Узбекистана), Ши (Кеш, Шахрисабз). После распада согдийского государства на его месте образовалось 9 мелких ханств.

Во времена уйгурской империи (745–840 гг.) из-за ухудшения внутреннего положения в империи Танг усиливается опасность возникновения войны. Поэтому династия Танг была вынуждена попросить помощи у данной империи. За оказанную помощь Китайский император даёт специальные права, в том числе большие льготы, уйгурской империи. Пользуясь этим, согдийцы называли себя уйгурами и одевались как они, старались полностью использовать все льготы.

Неизвестна последующая судьба саков и согдийцев, переселившихся в Китай, возможно, они перемешались с местным населением, а может некоторые из них после долгой жизни в Китае уехали на родину или в другие страны. Об этом трудно говорить точно. Но сегодня среди людей китайской национальности встречаются люди с фамилиями Канг, Ан, Ми, которые подходят под китайское название Туркестанских городов и напоминают этнонимы «ху», «сай», «суо». Это привлекает внимание. Особенно, люди с фамилией «Сай» и «Суо» не оставляют равнодушными исследователей, потому, что эта фамилия не китайская, а буквы, изображающие их (иероглифы), в старину произносились как «сек», «сак». В древности китайцы именно этим иероглифом называли саков.

四至

奄蔡國

北去康國二百三十里南去吐火羅五百里西去那色
波國二百里東北去米國二百里東去瓜州六千里

奄蔡國漢時通焉西去大秦東南二千里與康國接去陽
關八千餘里控絃十餘萬與康居同俗而去康居土屬
溫和臨大澤無涯岸亦多楨松白草及貂畜牧逐水草
蓋近北海至後漢改名阿蘭那國魏時曰粟特國一名
温那沙後漢書云初匈奴殺其王而有其國至文成帝
初遣使朝貢其王忽倪已三世矣周武帝時亦遣使貢

бўлган алоқаларни ривожлантиришда нихоятда улкан хисса кўшган».

Сугдийлар, айниқса, Дунхуанг вилоятида кўп эди. Зеро, сўнгги йилларда мазкур вилоят худудида амалга оширилган археологик қазилмалар натижасида кўпгина ашвёй дадиллар топилган: сўғд тилида ёзилган хужжатлар, савдо ишларига оид тизим дафтларлари ҳамда ўша даврга оид ашвёй шулар жумласидандир. Чунончи, Дунхуанг вилоятида топилган P3559 рақамли тизимлаш дафтарида қуйидаги сўзларни учратиш мумкин: «Дунхуанг вилоятида жами 13 та кишлок мавжуд бўлиб, уларнинг бири Сунгхуа кишлоғи деб аталади. Унда яшовчилар орасида хўрлар нихоятда кўп. Цао давлатидан (Фарғона) келган Цао Сюэсюо, Цао Туличжи, Канг (Самарканд) давлатидан келган Канг Фу, Ан давлатидан (Бухоро) келган Ан Хаози, Ан Жяша, Ши (Шаш, Тошкент) давлатидан келган Ши Шўлўдан, Ши Мопў, Ми (Зарафшон дарёси жанубидаги Самарканд давлатига қарашли кичик хонлик) давлатидан келган Ми Фўчжэнтян, Ми Юйван... исмликлар яшайди».

P3929 рақамли иккинчи бир хужжатда Дунхуангда яшаган сугдийларнинг оловга топинганлиги ва уларнинг ибодатхонаси борлиги зикр этилган. Шунинг билан бирга, бу ердаги сугдийлар ибодатхонаси ховлиснинг катталиги энига 100 кадам келиши ҳам кўрсатилган. Хитой тарихчиси Ли Мин Вэйнинг ёзишича, Дунхуанг вилоятининг Сунгхуа кишлоғи ва Анчэнг шаҳри сугдийлар энг кўп яшайдиган жойлар ҳисобланган. Лю Иншэнганнинг ёзишича, IV асрнинг биринчи ярмида Дунхуангда яшаган «хушанг» (хўр савдогарлари)нинг сони 100 кишидан ортиқ бўлган. Вэй (220–265) ва Жин (317–420) сулолалари даврида сугдийлар Ипак йўлидаги Увэй (Лянцжоу) шаҳрида кўпайган. Вэй хонадони сугдийлардан фойдаланиш мақсадида уларга катта имтиёзлар беради. Шу боис, Хитойга кўчиб келган сугдийларнинг сони тезда кўпайган.

Сўнгги йилларда Даганг вилоятида топилган Шимолий Вэй сулоласи даврига оид сўғд маданиятига хос буюмларнинг,

жумладан, кумуш ва тилладан ясалган идиш-товокларнинг топилиши бунга исбот бўлади.

Хитойда сугдийлар нафақат савдо ишларига, балки маъмурий ва ҳарбий ишларга ҳам жалб этилган. Шулар ичида Хучжифу, Канжи каби 20 дан ортик самарқандликлар бўлганлиги айтилган.

Шимолий Вэй сулоласи Лоянг шаҳрини пойтахт қилган эди. Шу боис Марказий ва Жанубий Осиёдан келганларнинг кўпчилиги мазкур шаҳарга жойлаша бошлаган. Шулар қаторида сунд савдогарлари ҳам Лоянга кўчиб кела бошлаган. Натижада, Лоянга ҳам зардуштийлар ибодатхоналари барпо этилган.

Лоянг шаҳрида самарқандлик йирик амалдор қабри топилган бўлиб, уни очишганда маълум бўлганки, унинг исми Канг, яъни самарқандлик Мोजаб бўлиб, у ҳарбий ишларда кўрсатган жасорати учун катта мукофотга сазовор бўлган. Унинг отаси Фада ҳам отлик қўшин кўмондони бўлган. Мазкур шаҳарда 647 йилга оид яна бир қабр топилган. Унда дафн этилган одамнинг исми Канг Данунг эканлиги аниқланган.

Айтиб ўтиш жоизки, очилган қабрларда тошга ёзиб қолдирилган ёзувлар дафн қилганларнинг кимлиги, қайси юртдан келганлиги ва оламдан кўз юмган вақти ҳақида аниқ маълумотлар беради. Шулардан маълумки, ўша даврдаги анъанага кўра, жасад эгаси қайси шаҳардан келган бўлса, ўша шаҳарнинг хитойча номи унинг исми олдига қўшилган.

Хитой манбаларидаги айрим маълумотларга қараганда, қадимий Хитойнинг пойтахти Чангъан (Сиан) ҳам сугдийлар кўп жойлашган шаҳар ҳисобланган. Уларнинг кўпчилиги йирик савдогарлар сифатида фаолият кўрсатишган. Чангъанда бир неча бозор бўлганлиги ва сугдийлар одатда бозорга яқин жойларда яшаганлиги учун шаҳарнинг бир қатор жойларида зардуштийлар ибодатхонаси мавжуд бўлган.

Танг сулоласи даврида Чангъаннинг аҳолиси 1 млн бўлиб, шундан 50 мингга яқини хорижликлар ташкил этган, шулар ичида сугдийларнинг сони анча салмоқли бўлган. Афсуски, манбаларда улар сонини аниқ кўрсатадиган маълумот келтирилмайд.

Суй сулоласи тарихининг (Суй Шу) 83-бобида кўрсатилишича, Ўзбекистон ҳудудида жойлашган 9 шаҳардан борган савдогарларни «Чжаоу ю шин ху» (9 исмли ёки мамлакатли хўрлари) деб аталган. Баъзан ушбу ном қисқартирилган ҳолда «Чжаоу ху» деб ҳам айтилади. Мазкур 9 мамлакатта Канг (Самарқанд), Ан (Бухоро), Тсао (Самарқанднинг ғарби-шимолида жойлашган Кабудан, Хебуд шаҳри), Ши (Тошкент), Ми (Самарқанд ёнидаги Зарафшон дарёси жанубида жойлашган Маймарх шаҳри), Хэ (Самарқанд билан Бухоро оралиғида жойлашган Кошона шаҳри), Хуошон (Хоразм), Фади (Ўзбекистоннинг ғарби-жанубида жойлашган Бетик шаҳри), Ши (Кеш, Шаҳри-Сяб) каби кичик давлатлар кирган. Сунд давлати парчаланиб кетганидан сўнг, унинг ўрнида 9 та кичик хонлиқлар ташкил топган.

Уйғур хоконлиги даврида (745–840) Танг империясида ички вазият кескинлашини туфайли уруш хавфи кучаяди. Шу боис Танг сулоласи мазкур хоконликдан ёрдам сўрашга мажбур бўлган. Берилган ёрдам эвазига Хитой хокони Уйғур хоконлиғига махсус ҳуқуқ, жумладан, савдо ишлари бўйича катта имтиёзлар беради. Фурсатдан фойдаланиб, сугдийлар ўзларини уйғурлар деб эълон қилиб ва уларга ўхшаб кийиниб, вазиятдан тўла фойдаланишга ҳаракат қилишган.

Қадим замонда Хитойга бориб ўтроклашиб қолган саклар ва сугдийларнинг кейинги тақдирини номаълум, эҳтимол улар маҳаллий халққа аралашиб кетгандир, эҳтимол айримлари узок вақт давомида Хитойда яшагандан сўнг ўз юртларига ёки бошқа мамлакатларга кетгандирлар. Бу ҳақда аниқ бир нарса айтиш қийин. Аммо, ҳозир ўзларини хитой миллатига мансуб деб юрганлар орасида фамилияси Канг, Ан, Ми каби Туркистон шаҳарларининг хитойча номига ва «ху», «сай», «суо» каби этнонимларга тўғри келадиганлари эътиборни жалб этади. Айниқса, фамилияси «Сай» ва «Суо» деб аталадиганлар мутахассисларни бефарқ қолдирмайди. Зеро, ушбу фамилия хитойларга хос эмас, қолаверса, уларни ифодалайдиган ёзувлар (иероглифлар) қадим замонда «сек», «сак» деб талаффуз этилган. Қадимда хитойлар сакларни айнан шу иероглиф билан ифодалаганлар.

Great Silk Road: «The Sogd people have brought in a huge mite to development of their relations that within 1500 years – from the 5th century BC up to the 10th century AD – were carried out through the Great Silk Road».

Especially many Sogd people lived in the province Dunhuang. In result of the archeological excavations that were conducted over the last years in this province, many material evidences were found out: these are the documents written on the Sogd language, note-books with records on trading affairs, other exhibits of that time. For example, in the special notebook numbered R 3559, found in the province Dunhuang, one can find the following words: «There are 13 villages in the province Dunhuang, one of them is called Sunghua. Among its inhabitants there are a lot of khurs. There live: Tsao Sjaosjao Tsao Tulich Zhi from the states Tsao (Fergana) Kang Fu from the states Kang (Samarkand) An Haozi, An Zhjasha, from the states An (Bukhara) Shi Liludan, Shi Mopu from the state Shi (Shash, Tashkent), Mi Fuchzhengjan, Mi Jujvan from the state Mi (a small khanate included in the state Samarkand, in the south of the river Zerafshan)».

In other document numbered R 3929 it is marked that the Sogd people living in Dunhuang worshipped fire and had their temple. It gives some more information telling that the width of the Sogd people temple courtyard makes 100 steps, as the Chinese historian Lee Minvej writes, the number of the Sogd people is the most in the Sunghua village and in the city of Anch Eng of the province Dunhuang. As Lju Jinsheng writes, in the first half of the 4th century the quantity of living «hushang» (hursk dealers) in Dunhuange made more than 100 people. In days of the dynasties Vej (220-265) and Jihn (317-420) the number of the Sogd people increased in the city of Uvej (Ljangldjou) located on the Great Silk road.

The Vej Dynasty gave great privileges to the Sogd people. Therefore, the quantity of the Sogd people who moved to China quickly increases.

The fact that the things including utensils made of silver and gold, referring to the Sogd culture of the Northern Vej dynasty times, are found in the Datang province over the last years testifies to it.

In China the Sogd people were engaged not only in trading, but also in administrative and military affairs. 20 Samarkand people are spoken to be among them, such as Huchzhufu and Kangzhi.

In days of the Northern Vej dynasty reign, the capital of the state was the city of Lojang. Therefore many immigrants, including the Sogd dealers, from the Central Southern Asia settled in this city. As a result, the zoroastr temples were under construction in Lojang, too.

A tomb of the large official from Samarkand was found in the city of Lojang, when the tomb was opened, it became known that his name was Kang, i.e. Mojazh from Samarkand. He had been awarded with great award for his heroism shown in military affairs. His father, Fada, also was the commander of the horse army. Another tomb dated 647 was found in this city. The name of the buried person was specified as Kang Danung.

It is necessary to mark, that records on tombstones give the exact information about the buried person – who he was, from what state he arrived, when he died. From these records it became known that by traditions of that time the Chinese name of the city where the dead person had come from was written before his name.

According to some information of the Chinese sources, the capital of ancient China Changan (Slan) was also considered as the city where many Sogd people lived. Many of them were large dealers. There were some market places in Changan and usually the Sogd people lived closer to the markets, therefore in different places of the city there were Zoroastric temples.

During the reign of the dynasty Tang, the quantity of the Changan population made 1 million people, among them about 20 thousand were foreigners, including a lot of the Sogd people, unfortunately, the sources does not give their exact quantity.

As it is specified in chapter 683 of the history of the dynasty Suj (Suj Shu), the trade people of 9 cities located in the territory of present Uzbekistan were called «Chzhaovu Zju Shin Hu» (the Hurs with 9 names or countries), sometimes in abbreviated form «Chzhaou Hu». Among these 9 countries there are such states as Kang (Samarkand), An (Bukhara), Tsao (the city of Kabudan, Hebud, located in northwest of the north of Samarkand), Shi (Tashkent), Mi (the city of Majmarh located in the south of the river Zerafshan near Samarkand), Khe (the city of Kashona located between Samarkand and Bukhara), Huoshjun (Khorezm), Fadi (the city of Betik located in southwest of Uzbekistan), Shi (Kesh, Shahrizhabz). After disintegration of the Sogd state there formed 9 small khanates on its place.

In days of the Uigur empire (745-840) deterioration of the domestic situation in the Tang Empire amplifies danger of occurrence of war. Therefore the Tang dynasty was compelled to ask for help from the given empire. For the rendered help the Chinese emperor gives special rights, including the big privileges, to the Uigur Empire. Using the situation, the Sogd people named themselves Uigur, dressed like them and tried to completely use all their privileges.

The further destiny of the Sak and Sogd people who moved to China is unknown, probably they got mixed with the local population, or maybe some of them after a long life in China left for home or for other countries. It is difficult to tell exactly. But even today among the people of the Chinese nationality there are people with surnames Kang, An, Mi, which suit for the Chinese name of Turkestan cities and remind etnonims «hu», «saj», «suu». It draws special attention. Especially, the people with surname «Saj» and «Suu» do not leave indifferent researchers because these surnames are not Chinese, and the letters (hieroglyphs) representing them in olden time were pronounced as «sek», «sak». In antiquity, the Chinese named the Sak people with this hieroglyph.

ФАКИРИЙ

ШОИР, ОЛИМ ВА ШАЙХ

Шодмон ВОХИДОВ,
Масъудхон ИСМОИЛИЙ

ФАКИРИЙ

ПОЭТ, УЧЕНЫЙ, ШЕЙХ

Город Шахрисабз является родиной многих великих людей – поэтов, ученых, теологов. Здесь родились Амир Хусрав Дехлавий (1253–1325), Мирзо Абдулқодир Бедил (1644–1721), в XV–XIX веках здесь получили известность Айюб Шахрисабзий ибн Абдулбарака, Лозимий-Кеший, Назими-Кеший, Хаким Шахрисабзий, Фарах Шахрисабзий.

В конце XIX – начале XX веков здесь жили и творили Мирзо Умрбокий Шахрисабзий (1878–1957), Файзуллаходжа Равнакий (1892–1978), Исмоилхон Факирий-Шахрисабзий (1910–1980), Абдуллох Гулшаний (1898–1978), Нажмиддинхон Асирий (1917–1978), Салохиддин Маннон углы (1905–1977).

Поэт и религиозный деятель Исмоилхон Иброхим углы Факирий-Шахрисабзий родился в 1910 году в семье образованных людей. «Факирий» – литературный псевдоним поэта. Его прадед Мираншоходжа в соответствии с приказом Бухарского хана Абдулазизхана II (1645–1680) служил казимем в городе Балхе. Отец Факирия Иброхимхон Иноятуллоходжа углы (1887–1912) был имам-хатибом Шахрисабзской пятничной мечети «Дор уг-тиловат», построенной еще Мирзо Улугбеком в 1432–1436 годах, также считался представителем Бухарского эмира в Шахрисабзе.

Его мать Биби Мушарраф, дочь Шахрисабзского муфтия, приходилась по отцовской линии двоюродной сестрой своему мужу. Она писала газели под псевдонимом Махзуна. Ее братья Шукруллоходжа Коней, Файзуллоходжа Равнакий также были поэтами. Писали стихи и оба деда Факирий.

В зрелые годы Факирий увлекся учением Накшбандия и стал мюридом (учеником) суфийского шейха Каттаходжа Дахбедий (1870–1969) из рода Махдومي Агзама (1461–1542).

В пятьдесят лет Факирий получил бумагу, удостоверяющую, что он – продолжатель учения Накшбандия и может наставлять мюридов.

Факирий был приверженцем негласного бдения (зикри хафий) и продолжателем идей великих суфиев, проповедовавших идеи Накшбандия.

Факирий был близок с известными людьми своего времени, поддерживал связь с Файзуллоходжа Равнакий, Абдуллох Гулшаний, шейхом Миён Буритошем, Закиржаном Хабибий и многими другими. Переписка с этими людьми, газели, посвященные им, вошли в сборник «Мутафаррико», хранящийся в его личной библиотеке.

В конце жизни Факирий ослеп. Он проживал и умер в кишлаке Сарюсийе Китабского района и похоронен там же.

Факирий творил на узбекском и таджикском языках, знал также арабский и русский языки. Им написаны поэтические сборники «Девон», «Баёз», «Ашъори мутаффарикот», религиозные книги «Рисолаи тарихи зикр», «Рисолаи тарикат», которые хранятся в его личной библиотеке его детьми. Помимо названных, в библиотеке хранятся еще пятьдесят его сочинений, изученных нами во время научной командировки в 1999 году. Родившаяся тогда идея опубликовать некоторые из его произведений впервые осуществляется в этом журнале. Газели его представлены на узбекском языке.

Ўрта асрларда Кеш (Шахрисабз) шаҳри «Куббат ул-илми вал-адаб» («Илму адаб чўккиси») номи билан машхур бўлган.

Бинобарин, Шахрисабздан Амир Хусрав Дехлавий (1253–1325), Мирзо Абдулқодир Бедил (1644–1721) каби форс-тожик тилида ижод қилиб, форс адабиёти тарихида салмоқли ўрин эгаллаган шоирлар ҳамда XV–XIX асрлар мобайнида Айюб Шахрисабзий ибн Абдулбарака, Лозимий-Кеший, Назими-Кеший, Хаким Шахрисабзий, Фарах Шахрисабзий каби шоирлар етишиб чиққанлар.

XIX аср охири – XX аср бошларида Шахрисабзда туғилиб, шу ерда умргузаронлик қилган шоирлар, адибу фозиллар сирасига Мирзо Умрбокий Шахрисабзий (Самарқандий) (1878–1957), Файзуллоххўжа Равнакий (1892–1978), Исмоилхон Факирий-Шахрисабзий (1910–1980), Абдуллох Гулшаний (1898–1978), Нажмиддинхон Асирий (Нажотий) (1917–1978), Салохиддин Маннон ўғли (Солихий) (1905–1977) кабиларни киритиш мумкин.

Мазкур маърифатпарварлардан бири Исмоилхон Иброхимхон ўғли Факирий-Шахрисабзий 1910 йилда зиёли оилада таваллуд топганлар. «Факирий» шоирнинг адабий тахаллуси бўлиб, унинг ота-боболари маърифатли, олим кишилар бўлишганлари манбаларда қайд қилинган. Шоирнинг катта бобоси Мираншоххўжа Абдулазизхон II (1645–1680)нинг фармонига биноан ўша пайтда Бухоро хонлигининг бир вилояти ҳисобланган Балх шаҳрининг қозикалони этиб тайинланганди. Шу сабабли Мираншоҳ Самарқанддан Балхга оиласи билан кўчиб кетади.

XIX асрнинг 40-йилларида шу авлоддан бўлмиш Мирзо Азизуллох Хожа ўзининг тарикатдаги пири – халифа Абдулқарим билан бирга Мовароуннаҳр тупроғига келиб, халқни иршод қилиб ҳидоятга даъват этадилар. Азизуллох Хожа дин пешвосига айланиб, халқ орасида Мирзо Калон Хожа номи билан машхур бўлиб кетади. Факирийнинг отаси Иброхимхон Иноятуллоххўжа ўғли (1887–1912) ёш бўлишига қарамай, Мирзо Улугбек томонидан 1432–36 йилларда қурдирилган Шахрисабз «Дор уг-тиловат» жомеъ масжидида имом-хатиб, мударрис ва Бухоро амирининг Шахрисабздаги вакили – ўрок лавозимларида ишлаган. Иброхимхон амакиси Шахрисабз муфтийси Иноятуллоххўжанинг қизи Биби Мушаррафга уйланган, улардан Исмоилхон дунёга келган.

Факирийнинг оналари ҳам Махзуна тахаллуси билан ғазаллар ижод этган. Бизгача етиб келган тазкираларда шоирнинг тоғалари Шукруллоххўжа Коней, Файзуллоххўжа Равнакий (Рамзий)лар шоир сифатида қайд қилинган. Садрӣ Зиё (1867–1938) ўзининг «Рўзнома»сида Факирийнинг боболари Иноятуллоххўжанинг ижодидан намуналар келтириб, ўзаро дўст бўлишганини ёзиб қолдириган.

Маърифатли кишилар тарбиясида улғайган Факирий замонанинг нотинчлигига қарамай, таълим олишни давом эттирган. Чунончи, Сурхондарё вилояти Шўрчи туманида истиқомат қилувчи олим Мулло Донодан дарс олганлигини шоирнинг замондошлари ҳикоя қилишади.

40-йиллар охирларида Фақирий ўша пайтда анча машхур бўлган нақшбандия шайхи Каттахўжа Дахбедий (1870–1969)га мурид бўлган. Маҳдуми Аъзам (1461–1542) авлодидан бўлган бу зот ҳам Музний тахаллуси билан газаллар битган.

Фақирий эллик ёшларида Каттахўжа Дахбедийдан 1960 йилда иршод қоғозини олиб, Нақшбандия тариқати силсиласини давом эттирувчи муршид – пири комил сифатида фаолият бошлаб, муридларга тасаввуф таълимотларини ўргатишни бошлаган.

Фақирий ўзига замондош шайхлар, адибу шоирлар билан яқин илмий алоқада бўлган. Жумладан, шахрисабзлик Файзуллохўжа Равнакий (1894–1978), қамашилик кори Абдуллох Гулшаний (1898–1978), леновлик шайх Миён Бўритош (1921–1999), душанбелик машхур олимлар Домла Хиндистоний (1892–1990) ва қози Абдурашид (1885–1975) ҳамда тошкентлик машхур шоир Зокиржон Ҳабибий (1890–1980)лар билан учрашувлар, давомий суҳбатлар Фақирийга маънавий куч-қувват бахш этган. Мазкур шахслар ҳақидаги Фақирийнинг фикрлари, газаллари ёки аксинча, уларнинг шоир ҳақидаги фикрларини, ёзишмаларини Фақирийнинг шахсий кутубхонасидаги «Мутафарриқот» (ҳар хил ёзишмалар) деб номланувчи 400 ыарақли тўпламда учратиш мумкин. Бу тўплам асосини шоирнинг ҳамфикр устозлари, дўстларидан бири-қўшни Хўжаимкана қишлоғида яшаб ўтган ўз замонасининг тенгсиз олими Мирзо Камол Домла (1884–1975) билан олиб борилган фикхий, тасаввуфий, тарихий, адабий мавзулардаги масалалар, савол-жавоблардан иборат ёзишмалар ташкил қилади.

Лекин Фақирийнинг энг яқин сирдошлари – оналари Биби Мушаррафа Иноятуллохўжа қизи – Маҳзуна ҳамда укалари Нажмиддинхон Нажотий (Асирий) эдилар. Уларнинг вафотларидан (1978) кейин шундоқ ҳам шўролар ҳокимиятининг тазйикларидан қийналган, умрининг охириги йилларида кўзи ожиз бўлиб қолган Фақирий янада қийналиб, маънавий ғарибликда қолган эди. Буни шоирнинг девонидаги қуйидаги мисралар баён қилиб туради:

*Дар ғариби нола кардам, ҳеч кас ёдам накард,
Дар қафас жон додаму сайёод озодам накард.*

(Яъни, ғарибликда, ёлғизликда оху нола қилсам-да, ҳеч ким мени эсламади, бир тутқун қуш каби қафасда жон берсам ҳам овчи мени озод қилмади).

Фақирий умрининг охиригача Китоб тумани Сарисийё қишлоғида яшаб, 1980 йил 4 январда вафот этдилар. Бу зотнинг қабрлари шу қишлоқнинг катта қабристонидадир.

Фақирий ўзбек ва тожик тилларида ижод қилган зуллисонайн шоирдир. Бундан ташқари, у киши араб ва рус тилларини ҳам яхши билган. Шоирнинг «Девон», «Баёз», «Ашъори мутафарриқот» каби шеърний тўпламлари, шайх сифатида ёзиб қолдирган «Рисолаи тариқи зикр», «Рисолаи тариқат» номли тасаввуфий рисолалари ҳамда дуохонлик, тиббиётга бағишланган «Китоби адъйиа мин мужарработи Халили Ихвон» деб номланган асарлари ҳозирги кунда фарзандлари кўлида бўлган шахсий кутубхонада сақланади. Бундан ташқари, кутубхонада элликка яқин кўлэзма ва юздан ортик тошбосма асарлар сақланади. Баъзи бир ноёб асарларни ўзида жамлаган бу кутубхонани 1999 йилдаги илмий сафарларимиздан бирида ўрганиб, илмий муомалага киритган эдик. Ўшанда Фақирийнинг ижодларини ўрганиб, баъзи асарларини нашр қилиш ғояси туғилган эди. Аллоҳга шукрки, ўша ниятларимизни амалга оширишга муваффақ бўлиб турибмиз.

ФАҚИРИЙ

POET, SCIENTIST, SHEIKH

Town of Shahrisabz is a motherland of many great people – poets, scientists, theologians. There were born Amir Huslav Dehlaviy (1253- 1325), Mirzo Abdulkodir Bedil (1644-1721); Ayub Shahrisabziy ibn Abdulbaraka, Lozimiy – Keshiy, Nazimi Keshi, Hakim Shahrisabzi, and Farakh Shahrisabziy got popularity here in the 15th-19th centuries.

At the end of the 19th – beginning of the 20th centuries Mirzo Umrbokiy Shahrisabziy (1878-1957), Fayzullohdjia Ravnakiy (1892–1978), Ismoilhon Fakiriy - Shahrisabziy (1910–1980) Abdulloh Gulshaniy (1898–1978), Najmiddinkhon Asiriy (1917–1978), and Salohiddin Mannon ugli (1905-1977) lived and worked there.

A poet and religious figure Ismoilkhon Ibrohim ugli Fakiriy - Shahrisabziy was born in 1910 in a family of educated people. «Fakiriy» is a poet's literary pen name. His great-grandfather Miranshohhdjia according to the order of the Bukharian khan Abdulazizkhan II (1645-1680) served as a kaziy in the town of Balkh. Fakiriy's father Ibrohimkhon Inoyatullakhodja ugli (1887-1912) was an imam- hatib of the Shahrisabz Friday Mosque «Dor ut- tilovat» built by Mirzo Ulugbek in 1432-1436, and he also was a representative of the Bukhara Emir in Shahrisabz.

His mother Bibi Musharraf, daughter of the Shahrisabz mufti happened to be a cousin to her husband from his father's line. She wrote gazelles under the pen name «Mahzuna». Her brothers Shukrullakhodja Kone and Fazullohdjia Ravnakiy also were poets. Both Fakiriy's grandfathers also wrote poems.

In older years Fakiriy was interested in Nakshbandiy's teaching and became murid (student) of the sufiy sheik Kattakhodja Dahbediy (1870–1969) from the family of Mahdumi Agzam (1461–1542).

At the age of fifty Fakiriy got a paper certifying that he is a continuator of the Nakshbandiy's study and he can educate murids.

Fakiriy was an adherent of the secret vigil (zikri hafi) and continuator of the great sufiy's ideas, sermonizing the Nakshbandiy's ideas.

Fakiriy was close with the famous people of that time, kept in touch with Fayzullohdjia Ravnakiy, Abdulloh Gulshaniy, sheikh Miyjn Buritosh, Zakirdjan Habibi and with many others. Correspondence with this people and his gazelles dedicated to them became part of the collection «Mutafarricot» kept in his personal library.

By the end of his life Fakiriy became blind. He lived and died in the Sariosiyo village, Kitab's region and was buried there.

Fakiriy created and wrote in Uzbek and Tadjik languages. He also knew Arabic and Russian languages. He wrote poetical collections «Devon», «Bayoz», «Ashori Mutaffarikot», religious books «Risolai tarikiy zikr», «Risolai tarikat» that are kept in his personal library by his children. Besides the mentioned books, 50 of his books kept in his library were studied by us during the scientific trip in 1999. At that time we had an idea to publish some of his works, and that idea realized in this magazine. His gazelles are introduced in Uzbek language.

Фақирийнинг тоғаси Равнакий томонидан кўчирилган авлод насабномаси.

Family Tree written by Ravnakiy, Fakiriy's uncle.

Семейная родословная, составленная Равнакий - дядей Фақирий.

Ғазал

Күзларинг афсун этарда соҳири хунхордур,
Кошларинг қатлим учун бир тиғи жавҳардордур.

Раҳм қил жоно мани қилма висолингдан узоғ,
Бори ҳижрон бирла қаддим ҳам, дилим афкордур.

Оху афғоним била мамлуъ замину осмон,
Күзларим ҳижронинг ила доимо хунбордур.

Марҳаматдур шева султонларга, эй султони хусн,
Лутф қил, бу ошиқнинг ҳамчун гадоийи зордур.

Телбалардек ёстонибман остонанг хоқиға,
Ушбу давлатхонаға мақсад манга дийдордур.

Жону дил фарши кудуминг қилсам, эй жон, айб эмас,
Хурлардек боғи жаннат олдинга тайёрдур.

Айладинг оворан ҳижрон мани, эй хурваш.
Ваҳшийи саҳро манинг-ла мунису ғамхордур.

Нақди жон бирла харидоринг эдим, эй гулбадан,
Боғи васлинг ичра йўл йўқ рахналарга, хордур.

Айлади беорлиқ бирла сенга изхори ҳол,
Йўкса бу Фақирийга васлинг маргдин душвордур.

Ғазал

Зулфингни таркатмағил, токим бало кўзғолмасун,
Фитнаву ошуб ила юз можаро кўзғолмасун.

Чекма қош ила қабоғинг, эй пари, ноз айлабон,
Ишқ элидин юз фиғону ҳасрато кўзғолмасун.

Ўзга хублар расмин айлаб ишқ элиға, эй пари,
Айлама жавру жафо, сандин вафо кўзғолмасун.

Ханжари нозинг чекиб қатлимға таъхир айлама,
То кўлунгдин хун ила ранги ҳино кўзғолмасун.

Новакингдин сийнам ичра бир мараз пинҳон эрур,
Доғи ҳажринг қўймағилким, ул яро кўзғолмасун.

Бу масалдур ҳамкиронин кўрса ҳар ким ранг олур,
Бокмағил кўзгуга юзунгдин сафо кўзғолмасун.

Эй Фақирий, ҳоли зорингни сабо арз айласун,
Ул париға, токи ҳар субху масо кўзғолмасун.

Ғазал

Жаҳон боғида ҳуснунг эй парирӯ, лолазор ўлсун,
Яна ул боғ ичинда наргиси чашминг хумор ўлсун.

Даҳонинг йўқ демишлар нуқтани фаҳм этмаган ушшоқ,
Кулуб гуфтор қилғил, «йўқ» деганлар шармсор ўлсун.

Санингдек хубрўни йўқ демиш жаннат аро Одам,
Агар жаннатда йўқ, дунёда бахтимизга бор ўлсун.

Ётурман остонанг ёстанибон раҳгузорингда,
Назар қил бир йўли лутфи-ла, манга ифтихор ўлсун.

Юурсан бир неча аҳли мижоз авбошлар бир-ла,
Маним-ла ҳамдам ўлғилким, ҳақиқат ошкор ўлсун.

Сани хуснунг ҳамиша дидаи баддин узоғ бўлсун,
Санинг-ла қутбу чилтан, Хизру ҳам Илёс ёр ўлсун.

Дуогўдур Фақирий, кўнглини топ ёшурун элдин,
“Ҳамиша маснади иззатда умринг барқарор ўлсун”.

Ғазал

Худовандо, ўзунг лутф эт, мани қўйма хижолатда,
Гуноҳимни сабук қилғил ўшал рўзи қиёматда.

Ба ҳаққи ул Ҳабибуллоҳ, ўзунг раҳм эт бу бандангта,
Қатори жумлаи мўъмин ҳамиша айла роҳатда.

Туфайли ул Муҳаммаддин ўзунг этма мани расво,
Ҳабибинг ҳурматидин етқуриб қурби саъодатда.

Қиёмат шиддатидин қайнаса бошим қазон янглиғ,
Шафъим ўлмаса Аҳмад, начук қилғум у ҳолатда?!

Кўтарғил бошимиздин ҳар балойи пур касофатни,
Ки бўлдук биз балодин бенавою ҳам надоматда.

Чароғи динимизни то Қиёмат бефуруғ этма,
Ани ҳасмини қилғил то Қиёмат шарру офатда.

Қилодур бу Фақирий Санга қўп ҳам илтижоларни,
Дуосини қабул эттил ўшал рўзи ижобатда.

فقیرا

بازار بیکه
دیده را
مقتضی
ما بر اوقاتش با سر و دست

کردن با این جلد از آن و لولای
کردن عاقبت از دیدن کاندان

فوقین فضا و آرزو را دیده
دانشم بر سر آمدن کاندان

عزاد از نظر او را به جلیه
بهرانه و در آنجا به دست و سر

بهرانه و در آنجا به دست و سر
وقت خود را بگذرانید

بهر از این بصره
بازار بیکه
دانشم بر سر آمدن کاندان

کردن با این جلد از آن و لولای
کردن عاقبت از دیدن کاندان

فوقین فضا و آرزو را دیده
دانشم بر سر آمدن کاندان

بهر از این بصره
بازار بیکه
دانشم بر سر آمدن کاندان

کردن با این جلد از آن و لولای
کردن عاقبت از دیدن کاندان

فوقین فضا و آرزو را دیده
دانشم بر سر آمدن کاندان

Факирийнинг дастхати.
Fakiry's manuscript.
Рукопись Факири.

У. Султанов. О ХОЖА АХРОРЕ И ЕГО ПОТОМКАХ В "ИСТОРИИ РАШИДИЙ"
U. Sultanov. ABOUT HOZHA AKHROR AND HIS DESCENDANTS
IN "THE HISTORY OF RASHIDI"

Х. Мухсимова. ЛОГИКИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ ВОСТОКА
Kh. Muhsimova LOGICIANS OF JURISPRUDENCE OF THE EAST

З. Жураев. СУДЕЙСТВО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
Z. Joraev. REFEREEING IN THE MEDIEVAL STATE

С. Сабурова. ВОЕННАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВА ХОРЕЗМШАХОВ
S. Saburova. MILITARY SYSTEM OF THE STATE OF THE KHOREZM SHAHS

Ш. Камолiddин. ХАТУН – ПРАВЯЩИЕ ЖЕНЩИНЫ
В ДРЕВНЕТЮРКСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Sh. Kamoliddin. KHATUN – THE RULING QUEENS
OF ANCIENT TURKISTAN

Х. Фаизиев. ШОХРУХ МИРЗО
Kh. Faiziev. SHOHROH MIRZO

М. Ташмухаммедов. СТОЛИЦА БАБУРИДОВ
M. Tashmuhammedov. THE CAPITAL OF THE BABURIDS

А. Абдуллаев. РУСТАН РАХМОНАЛИЕВ: "ИМПЕРИИ ТЮРКОВ.
РАСЦВЕТ И УПАДОК".
A. Abdullaev. RUSTAN RAKHMONALIEV: "EMPIRES OF THE TURKIS.
BLOSSOMING AND DECLINE".

С. Саидий. МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЭПОХИ ТЕМУРИДОВ
S. Saidiy. MUSICAL INSTRUMENTS OF THE EPOCH OF THE TIMURIDS

К. Пардаев. ДРЕВНИЙ ОФАРИНКЕНТ
K. Pardaev. ANCIENT OFARINKENT

Ю. Авазов. МАЛОЧИСЛЕННЫЕ ЭТНОСЫ НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА
J. Avazov. SMALL ETHNOS GROUPS IN THE SOUTH OF UZBEKISTAN

О. Буриев, Ф. Рахмонов. МИРАБ – ВЛАСТЕЛИН ВОДЫ
O. Buriev, F. Rakhmonov. MIRAB – THE LORD OF WATER

Д. Юсупов. НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ В ЖИВОПИСИ
И ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ АНДИЖАНА
D. Yusupov. NATIONAL TRADITIONS IN PAINTING
AND APPLIED ARTS OF ANDIZHAN

Р. Мирзаев. ПУТЕШЕСТВИЕ В БУХАРУ ЭНТОНИ ДЖЕНКИНСОНА
R. Mirzaev. ANTHONY JENKINSON'S JOURNEY TO BUKHARA

А. Ходжаев. КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ О СОГДИЙЦАХ
A. Khodzhaev. THE CHINESE SOURCES ABOUT THE SOGD PEOPLE

Ш. Вохидов, М. Исмоилий. ФАКИРИЙ – ПОЭТ, УЧЕНЫЙ, ШЕЙХ
Sh. Vohidov, M. Ismoilii. FAKIRIY – POET, SCIENTIST, SHEIKH

